

В. ВЕДЕНЕЕВ, А. КОМОВ

ПРЕМЬЕРА БЕЗ РЕПЕТИЦИЙ

В. ВЕДЕНЕЕВ   А. КОМОВ

ПРЕМЬЕРА БЕЗ РЕПЕТИЦИЙ

ПОВЕСТЬ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1986

ББК 84Р7
В 26

В $\frac{4702010200-319}{078(02)-86}$ 184-87

© Издательство «Молодая гвардия», 1986 г.

Предисловие

1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут германский линкор «Шлезвинг-Гольштейн» открыл огонь из всех орудий по польскому военному порту Вестерплатте под Данцигом. Немецко-фашистская люфтваффе начала бомбить населенные пункты и дороги. Сухопутные силы вермахта перешли границу Польши и двинулись в глубь ее территории... Началась вторая мировая война.

Нападением на Польшу германский империализм начал поход за мировое господство. Не сумев добиться сговора с Германией, Англия и Франция 3 сентября 1939 года объявили ей войну. Это был, однако, лишь формальный акт, отнюдь не означавший, что они собираются предпринять активные военные действия в защиту Польши. Англия и Франция безучастно взирали на то, как Германия расправлялась со страной, с которой они были связаны обязательством о предоставлении немедленной помощи.

Уже через две недели после нападения фашистской Германии польское буржуазное государство перестало существовать. Немецкие войска быстро продвигались к границам Советского Союза. Чтобы не отдать под гитлеровское иго население Западной Украины и Западной Белоруссии, попавшее в неволю к польским панам после первой мировой войны, Советское правительство взяло его под свою защиту. 17 сентября 1939 года Красная Армия перешла советско-польскую границу. Украинский и белорусский народы воссоединились в единых национальных советских республиках. Государственная граница СССР отодвинулась на запад. Советский народ, его Красная Армия, органы внутренних дел оказались лицом к лицу с готовящимся к войне немецким фашизмом.

После 17 сентября 1939 года недобитки из белопольских фашистских организаций «Пяст», «Скорая помощь патриотов польских», пилсудчики и члены других ультраправых группировок, ориентировавшихся на Германию, перешли в услужение к нацистским спецслужбам. Именно из их числа абвер формировал диверсионно-разведывательные группы и банды убийц, засылаемые на территорию СССР.

Перед приграничными органами внутренних дел встала новая ответственная задача: прочно закрыть государственную границу,

не допустить проникновения в пределы СССР вражеской агентуры, ликвидировать банды и помочь населению воссоединенных областей наладить спокойную мирную жизнь. Об одной из операций по ликвидации вражеских банд и рассказывает повесть «Премьера без репетиций».

Предлагаемая вниманию читателей книга не документальна, хотя сюжет повести и основан на реальных событиях. Читатель встретится с героями повествования — сотрудниками НКВД Астаховым, Рябовым, комсомольцем-подпольщиком Алексеем Кисляковым и нашими врагами — начальником отделения абвера Ланге и главарем банды «Болотных духов» бывшим белопольским полковником Барковским. Немецкие спецслужбы после выхода на границы с СССР широко развернули антисоветскую «тайную войну», отличавшуюся особым коварством, изощренной жестокостью и оголтелой ненавистью к социализму. Шпионаж и террор, вредительство, бандитизм, распространение клеветы и дезинформации, попытки создать в приграничных областях «пятую колонну» — вот что имели своей целью такие, как Барковский, Ланге и их хозяева в Берлине. И чем яснее становилась иллюзорность их планов, тем сильнее была их звериная ярость.

Нелегкий труд работников органов внутренних дел требует высокой партийной ответственности за порученное дело, твердой воли и непримиримости к врагу, чуткого, бережного отношения к людям, политической зоркости и строгого соблюдения социалистической законности. Именно такими предстают перед нами герои повести.

Думается, что выход этой книги именно в издательстве «Молодая гвардия» имеет особый смысл и значение. Повесть с интересом прочитают тысячи молодых читателей. Она открывает малоизвестные, почти не освещенные в художественной литературе страницы героической истории работников органов внутренних дел. Уверен, что эта книга сможет служить воспитанию благородных чувств любви к Родине, стремлению к ее защите от врага, пролетарскому интернационализму.

*АЛЕКСАНДР КОСИЦЫН,
Герой Советского Союза,
генерал-майор внутренней службы,
профессор Академии МВД СССР*

...Освободительный поход Красной Армии на земле Западной Украины и Западной Белоруссии прѣходит в обстановку обостренной классовой борьбы. Контрреволюционные элементы из белопольской буржуазии и реакционного офицерства пытаются организовать на освобожденных территориях подпольную диверсионно-террористическую и повстанческую деятельность против наших войск и местного населения. Они создают в лесах антисоветские банды с тайными складами оружия, проводят диверсии в тылу Красной Армии, разрушают военную связь, нападают на мелкие группы красноармейцев, отдельных командиров и политработников. Известно о существовании польско-фашистских групп, которые поддерживают связь с немецкими войсками и фашистской разведкой...

Из стенограммы выступления наркома внутренних дел на оперативном совещании руководства НКВД Белоруссии. Минск, сентябрь 1939 года

...В настоящее время наши войска вошли в непосредственное соприкосновение с частями большевиков, стремящихся расширить влияние своего режима до пределов границ бывшей Российской империи. В этих условиях одной из основных задач является создание и надежное функционирование каналов для проникновения на территорию, оккупированную большевиками, и далее, в пределы непосредственно Советской России, специально подготовленных разведывательных и диверсионных групп.

Такие группы следует формировать в первую очередь из националистически настроенных местных элементов, заслуживающих доверие и доказавших свою преданность рейху, бывших польских военнoслужаших, чинов жандармерии, полиции, хорошо знакомых с бытом, языком населения и местными условиями...

Из секретной директивы отделов «Абвер-1» и «Абвер-2»¹ управления «Абвер-заграница» верховного командования германской армии, направленной «Абверштелле» и «Абвернебенштелле»² восточных областей оккупированной Польши. Берлин, сентябрь 1939 года

---

¹ В ведении отдела «Абвер-1» находилась разведывательная работа. Отдел «Абвер-2» занимался организацией диверсионных актов террора, саботажа.

² Территориальные отделы (АСТ) и отделения (АНСТ) абвера в наиболее важных стратегических центрах, в мирное время — в военных округах.

Опять земля под крыльями ястреба стала грязно-бурой, а деревья из зеленых — блекло-желтыми. Какой была эта осень по счету? Десятой? Двадцатой? Кто знает...

Он всегда охотился один. Оперение со временем чуть потускнело, стало под цвет палого листа и пожухлой травы. Зато появились спокойствие и удачливость. А сила... сила оставалась с ним.

Три дня назад он простился со своим полем, лесом и рекой. Как и много лет назад, туда опять пришли люди с оружием, приползли серые глыбы, издающие лязг и грохот. И снова земля бугрилась, пытаясь подняться в небо, но грузно оседала вниз. И снова бестолково метались залитые кровью своих седоков кони.

Нет, выстрелов он не боялся. Этих выстрелов. Пусть глупые галки испуганно кричат и мечутся над землей, ища убежища и думая, что люди охотятся за ними. Он-то уж знал, что, когда люди охотятся на людей, им не до птиц.

Просто стало мало пищи. И еще не было тишины. Тогда голод погнал его в путь, дальше, на северо-восток. Здесь, среди болот, было тише.

Надолго ли? Когда начинается охота людей на людей, тишины уже не найдешь на свете...

Ястреб выбрал старое дерево, росшее на краю болот, около проселка, покрытого коркой подсохшей грязи. Опустился на сук, сложил крылья и, втянув голову, уставился на дорогу. Вскоре он увидел лошаденку, запряженную в телегу, и человека, ведущего ее под уздцы.

Человек тоже видел ястреба. На фоне холстинно-серого неба он показался странно вытянутым вверх наростом на мертвом суку. Лошаденка, приустав, шла понуро, поскрипывало колесо телеги. Глухо стучали копыта. Поравнявшись с деревом, человек осторожно, будто чего-то боясь, остановился. Подошел к стоящей под деревом фигуре божьей матери, грубо вытесанной из ствола сломанной липы. Взглянул вверх, на птицу. Взглянул с опаской — не выдашь? Потом обернулся по сторонам, запустил руку за спину фигуры. Пальцы его нащупали винтовочную гильзу. Снова боязливо осмотревшись, он вытряхнул на ладонь тугой бумажный шарик записки. Мгновение — и записка исчезла в кармане плаща. Еще мгновение — новая записка, и гильза пропала в тайнике. Через несколько минут только шум падающей листвы нарушал тишину осеннего дня...

Второй человек показался на дороге через час. Он ехал на старом велосипеде, вытертая почтовая сумка висела у него за спиной. Около фигуры божьей матери он тоже остановился и запустил руку в тайник. Он дслад свое дело спокойно, казалось, ничего не боясь. И только когда захлопали крылья взлетающей птицы, испуганно присел и вжал голову в плечи...

А ястреб уже парил над болотами. Поймав восходящий поток воздуха, поднимался все выше и выше...

Мрачное место. Темные окна воды казались сверху провалами, уходящими в неведомую земную глубину. Гнилые стволы деревьев густо поросли лишаями и бурым мхом. Ни дорог, ни тропинок. И только на кочках, открытых скупому осеннему солнцу, яркими пятнами краснела клюква. Этой осенью мало кто приходил ее собирать. Те двое, что сидят в кустарнике на сухом острове, на клюкву внимания не обращали...

Двое на островке докурили, тщательно втоптали окурки в землю, осмотрели оружие и пошли по старой гати. Квадратные фуражки с белыми орлами. Голубые кавалерийские галифе. Добротные сапоги. На черном хrome — пятна болотной грязи.

С полкилометра прошли они, прежде чем достигли дороги, ведущей в ближайшую деревню. Осмотрелись. Спокойно выбрали место, как охотники, выследившие дичь. Молодой, в кожаной куртке, достал портсигар. Постарше — жестом остановил его. Затаились...

Ждать пришлось недолго. Сытый мерин легко тащил по дороге двуколку. Плотный, еще не старый человек в фуражке с красной звездочкой, о чем-то задумавшись, почти не правил конем.

Молодой снял затвор с предохранителя. Медленно повел стволом. Поймал в прорезь прицела звездочку на фуражке. Затаил дыхание. Плавно нажал на спусковой крючок...

Ястреб слышал выстрел. Он видел, как те двое подошли к двуколке. Молодой наступил ногой на фуражку. Повернулся к убитому. Второй хлопнул мерина по крупу, конь затрусил в сторону деревни. Привычно закинув карабины за плечо, двое закурили. Бросая друг другу редкие фразы, пошли в глубину болот.

Ястреб их не боялся. Когда люди охотятся на людей, им не до птиц...

6 октября 1939 года

МИНСК

И вот первый советский город. Ну, казалось бы, чего удивляться, город как город. Что, в Польше городов не видел? И все же здесь было не так. Не архитектура — даже самая необычная — душа города. Фотографии, картины и рисунки дадут представление об искусности зодчих, но не смогут помочь разобраться, чем он дышит и как живет. Тысячи людей, непохожих друг на друга, с разными привычками и вкусами, настроениями и интересами, но тем не менее приобретших волей судьбы определенное единение, встречаясь друг с другом на улицах, разговаривая, знакомясь и сердясь, создают неповторимый колорит города.

Есть города надменно и холодно блестящие, есть хмурые, настороженные и скучные, а есть веселые, радостные. Минск для Алексея был именно таким. И потом на улицах он встречал не просто людей, а советских людей, магазины — тоже советские, афиши незнакомых пока советских фильмов.

Он уже начинал себя ощущать частицей этой огромной, многоязычной, могучей и дружной страны. Теперь — навсегда!

А совсем недавно...

Сентябрь обрушился лавиной с танковым грохотом, пушечными залпами... Еще вчера судороги лощеной шляхты: «Гибнет Речь Посполита! Немцы в Польше!» Паника. Мобилизация. Бегство. Наконец, Брест. Советские войска в Западной Белоруссии!

Новая, свободная жизнь начиналась удивительно хорошо. Секретарь райкома комсомола, старый знакомый Алексея по подполью, разложив перед собой папку с его рисунками, рассматривал их, многозначительно кивая головой:

— Слушай, да тебе учиться надо! Талант пропадает!

— Где учиться?

— Как где? В Москве, конечно. В художественном училище, там все академики по этой части.

— Скажешь тоже, в Москве! Кому я там нужен?!

— Чудак человек... Теперь не при панской власти живем. Жалко, конечно, будет тебя отпускать. Опыт имеешь. Я бы сейчас тебя в массы, на комсомольскую работу!.. Ну да ничего! Пошлем в Минск запрос на раз-

нарядку в художественное училище. Будет у нас товарищ Кисляков народным художником... А пока у меня поживешь, отдохнешь, приоденем тебя, чтобы прибыл в Москву как надо...— И он весело подмигнул Алексею.

Вызов в Минск пришел неожиданно быстро. Райком выделил денег на дорогу. В тот же вечер Алексей и уехал, благо собирать ему было нечего.

...Алексей внимательно осмотрел темно-вишневую вывеску у входа. Может, ошибся? Вернулся на угол и снова сверился с бумажкой. Все правильно. Ему действительно сюда...

Военный у дубовой стойки, перегораживающей вестибюль, взял под козырек:

— Слушаю?!

На всякий случай Алексей протянул все свои бумаги. Постовой взял их и кому-то позвонил.

Через несколько минут в вестибюль спустился молодой военный.

— Кисляков?

— Да...

Алексею подали желтоватую картонку пропуска.

Они поднялись по широкой лестнице с полированными перилами, прошли по длинному коридору с множеством высоких дверей по сторонам. Щегольские хромовые сапоги спутника Алексея мерно и глухо постукивали по навощенному паркету.

Наконец у одной из дверей военный остановился и, распахнув ее, пропустил Алексея.

Приемная была большой и строгой. Тяжелые стулья у стены, отделанной панелями темного дерева. За темным же столом с многочисленными телефонами — молчаливый секретарь в форме без знаков различия.

— Подождите, вас пригласят, — сопровождающий вышел.

Алексей присел на стул.

Прогудел зуммер.

— Кисляков! — сухо проговорил секретарь. — Заходите, вас ждут.

Кабинет показался Алексею немного сумрачным. Шелковые шторы на окнах приспущены. Старинные напольные часы в затейливо инкрустированном корпусе неспешно отсчитывали время. Рядом тяжелый сейф. Большие кожаные кресла. Двухтумбовый стол, покрытый зеленым сукном. И человек за столом — в военной форме, лет сорока, грузный, с выбритой головой, покры-

той ровным загаром. Его крупные руки неподвижно лежали на сукне. На столе — бронзовый письменный прибор и папки в жестких картонных корочках.

Алексей не сразу заметил, что в кабинете есть и второй военный, сидевший в дальнем углу на диване.

Второй был подтянут, широкоплеч. Темные, чуть тронутые сединой волосы. На вид лет тридцать пять. В длинных пальцах — дымящаяся папироса. Рядом, на валике дивана, чугунная пепельница.

Алексей, войдя, остановился у дверей и поздоровался: — Здравствуйте...

— День добрый... — Тот, что за столом, внимательно и испытующе посмотрел на него. — Вы Кисляков?

— Да...

— Присядьте... — бросил человек за столом, показав на кресло. — Догадываетесь, зачем вас сюда пригласили? — Он явно вкладывал в свои вопросы какой-то особый смысл, совершенно непонятный Алексею. Стало тревожно.

— Не знаю...

Второй военный встал с дивана. Сидевший за столом тоже вскочил. Оказывается, молодой был здесь начальником.

— Нет-нет, Петр Николаевич, сидите. Я вот тут, — сказал он, садясь в кресло напротив Алексея. — Надо переходить к сути.

Петр Николаевич снова взглянул на Алексея и официальным тоном произнес:

— Есть мнение, товарищ Кисляков, дать вам поручение. Вот, значит, какое дело. Я правильно излагаю, товарищ Астахов?

Астахов чуть раздраженно взглянул на Петра Николаевича, потом — на удивленного Алексея.

— Ну не совсем так... Давайте-ка лучше знакомиться. Меня зовут Сергей Дмитриевич. А это мой заместитель — товарищ Рябов, Петр Николаевич. Так ты на художника собираешься учиться?

— Да... — смутился Алексей, — документы вот собрал, вызов получил...

— Хорошее дело. А если мы попросим тебя на время отложить учебу?

— Вот что... — облегченно вздохнул Алексей. — Пожалуйста! Я ведь и не особо надеялся. И без меня талантов полно. Ничего, вернусь в Брест. Дела теперь всем хватит.

--- Разве твой дом в Бресте?

— Конечно. Райком обещал комнату выделить.

Рябов и Астахов переглянулись, очевидно ожидая услышать что-то другое.

— А раньше где жил?

— Где придется, там и жил...— теперь, когда, по его мнению, все прояснилось, Алексей почувствовал себя свободнее. Скованность пропала, и полный, бритоголовый Рябов уже не казался таким грозным. Наоборот, вроде даже очень добродушный дядя, напускает только на себя...— Когда отец с матерью погибли, я еще маленький был. Тетка к себе в деревню забрала. Как подросток, в Краков повезла. Учеником там в механические мастерские пристроился, учиться потихоньку начал. Потом в Западной Белоруссии в разных местах работал. Там и в комсомол вступил. Был в партизанах, связным был между подпольными райкомами комсомола. Пришлось и в Варшаве пожить, и в Белостоке. Даже с цирком-шапито поездил. А циркачи как цыгане — где ночь застанет, там и палатки разбиваем...

— Это Краков? — Астахов достал из папки, переданной ему Рябовым, рисунок.

— Краков! Откуда это у вас? Я рисунки в райкоме оставил...

— Твердая у тебя рука, толк будет. Это Варшава? — Астахов словно и не слышал вопроса Алексея.

— Варшава...

— И где ты такой красивый переулок отыскал?

— У Аллей Иерусалимских... Пришлось некоторое время пожить там. Дефензива¹ сильно донимала. Ну и нанялся я на работу. При антикварной лавке была реставрационная мастерская. Там и пристроился. С полгода или больше ни с кем из товарищей не встречался. Шпики покрутились, покрутились... Потом надоело, ничего же нет, отстали.

— А это кто? — Астахов достал лист с акварельным портретом пожилого мужчины в бархатной шапочке, отороченной мехом.

— Бывший хозяин. Богатый был. Солидная клиентура к нему приезжала.

— Где он сейчас, не слышал?

— Рассказывали, что завалило его с женой в подва-

---

¹ Де ф е н з и в а — политическая полиция, занимавшаяся в буржуазной Польше борьбой с левыми силами.

ле, когда немцы в первый раз Варшаву бомбили. Вообще-то жалко старика. Он, конечно, капиталистом был и все такое, но человек неплохой.

— Это и из рисунка видно, что ты к нему хорошо относился.

— Все одно не то... Если б подучиться, технику узнать! Может, вы хотите, чтобы я как художник помог?

— Об этом мы как-то не подумали,— усмехнулся Астахов.— Хотя, кто знает... Как считаешь, Петр Николаевич?

— Думается, Сергей Дмитриевич, товарища все же надо ввести в курс дела, как уже предлагалось,— Рябов стрельнул в Алексея взглядом.— А то он может подумать, что НКВД только картинки интересуют.

— Да-да... В курс дела...— эхом откликнулся Астахов, думая о своем. Он встал с кресла, подошел к Алексею, положил руку на плечо. Рука у него была небольшая, но тяжелая.— Ты про банды слыхал?

— Доводилось...

— Тогда, наверное, знаешь, что кое-где в воссоединенных районах обстановка...— Астахов, щелкнув массивным серебряным портсигаром, достал папиросу, размял, прикурил,— еще не нормализовалась. Банды и контрреволюционные группы пытаются терроризировать население. А людям жить надо! Но в этих полесских деревушках каждый новый человек — как столб на юру — всем за версту видать...

— Это точно,— подтвердил Алексей.— Деревеньки-то, вески, по-местному, маленькие. Ну так дворов по сорок. Есть, правда, и больше...

— Вот-вот... Надо учесть, что по лесам и болотам еще прячется кулачье, разные молодчики из бывших легионов Пилсудского, польские солдаты и офицеры. Часть из них уходит за линию границы, чтобы организовать сопротивление немцам на территории Польши. Но есть и такие, что спелись с фашистами и с их помощью действуют против нас. Соображаешь?

Алексей кивнул.

— Вы учтите, Қисляков,— подал голос молчавший до того Рябов,— мы не с поляками боремся, а с недобитками белопанского режима. Вот прищучим их — и нам будет спокойнее, и сами поляки потом быстрее нормальную жизнь наладят.

— А я-то что могу?

— Многое... Вернее, можете не так уж и мало,— Рябов полистал дело.— Комсомолец, были в подполье. Отец у вас русский. Правильно говорите по-русски, по-польски, на немецком можете объясняться, белорусский знаете. Даже в цирке успели поработать...

— Ну так как, согласен? — Астахов снова сел напротив Алексея.

— Как-то это все...— Алексей, подыскивая слова, развел руками.— А что мне надо делать?

— Поехать к тетке в деревню.

— К Килине?

Астахов кивнул.

— Сколько ты у нее прожил?

— Сколько?.. Значит, так... Отца в двадцать шестом убили, мать через год померла. Вот с двадцать восьмого по тридцать второй. Потом она меня в Краков к знакомым определила, в люди выходить. У ней самой-то все хозяйство курица за пяток минут пешком обойдет. Да и здоровье...

— Так ты ее больше и не видел?

— Почему? Приезжала проведать. Все ж последняя родня. И я писал. Сама-то она неграмотная, соседи читали.

— О твоей подпольной работе она ничего не знала?

— Откуда? Кроме райкомовских, обо мне никто ничего... Такие обязанности были. А что у Килины делать?

— Это мы тебе объясним попозже, если ты согласишься.

— Я могу...— Алексей замялся, подбирая нужное слово.

— ...отказаться? — закончил за него Астахов.— Можешь! И в Москву учиться поедешь без всяких задержек. Здесь тебя никто не неволит. Но я тебя прошу — подумай о нашем разговоре. Я распоряжусь, секретарь устроит тебя в общежитие. Вот тебе телефон, держи. Завтра в девять позвони. Договорились?..

ЗАБРОДЬ

Забродь затаилась. Затаились и другие города Польши, попавшие осенью тридцать девятого в руки немцев. Везде запестрели листочки с новыми правилами, распоряжениями и предписаниями, разнообразными по содержанию и однообразными в конце: за невыполнение — смерть.

Но в Заброди было совсем плохо. Он стал городом

пограничным, и потому проворные и мрачные гренцшутцены¹ быстро переплели весь город спиралями из колючей проволоки и перегородили его полосатыми шлагбаумами. Но и это не все. Забродь попала еще и в руки немецких спецслужб.

Начальника АНТС², улыбчивого майора Ланге, в отличие от его гестаповского коллеги герра Келлера, почти никто не знал в лицо. Хотя он каждый день в любую погоду совершал утренний моцион. Просто, по роду службы, ему популярность была не нужна. Зато о других Ланге всегда старался знать как можно больше.

Ланге³ удивительно не подходил к своей фамилии. С самого отрочества его рост был ниже среднего. Еще в гимназии приятелям это давало пищу для злых шуток: они подставляли фамилию к разным частям тела.

Сейчас детские обиды забылись. Наоборот, несмотря на то, что он так и остался низкорослым, а небольшое брюшко делало его еще приземистей, Ланге считал, что ныне его фамилия очень точно раскрывает его способности как разведчика.

Гордился Ланге и своим прекрасным здоровьем, которое он берег и всячески о нем заботился. Выкуривал не более пяти сигарет в день. А с тех пор, как стал заметно прибавлять в весе, ограничил себя двумя кружками пива.

Но здесь, в этой вонючей польской дыре, разве найдешь приличное пиво? Поэтому в последнее время он предпочитал выпить рюмку коньяку.

Коньяк коньяком, но все-таки какое пиво дома, в Баварии! А колбаса! Надо сказать Келлеру, пусть его ребята достанут кровяной колбасы и заодно приличный коньяк — Вайнбранд⁴ порядком осточертел.

При мысли о начальнике ГФП⁵ Ланге помрачнел. Дернул же черт вчера сесть с ним за карты. И вот, пожалуйста, трети месячного жалованья как не бывало. Свинья этот Келлер! А денег всегда так жаль!

Впрочем, вскоре лицо Ланге разгладилось, печаль исчезла, и, заложив руки за спину, он все так же неторопливо вышагивал по улицам Заброди. Даже принялся напевать старую корпорантскую песенку:

---

¹ Немецкая пограничная охрана.

² АНТС — отделение абвера.

³ Длинный (нем.).

⁴ Сорт немецкого дешевого коньяка.

⁵ Тайная полевая полиция. Гестапо на местах и в армии.

Выходи в привольный мир,
К черту пыльных книжек хлам!
Наша родина — трактир,
Нам пивная — божий храм!

После польской кампании, говорят, ожидаются досрочные присвоения званий. А ведь Польша — это только начало. Теперь главное — не упустить момент! Надо окончательно решить, где обосноваться — здесь, на востоке, или лучше проситься на запад.

Наверное, лучше здесь. Польская разведка была уничтожена стремительно, как по писаному. За акцию отвечал капитан Фабиан. По указанию адмирала Канариса он создал три моторизованные группы под командованием лейтенантов Булана, Шнейдера и Енша, которые точно рассчитанными ударами парализовали польские разведцентры. После этого серьезного противника здесь не стало.

Больше беспокоили его русские. То, что с ними надо будет воевать, понятно. Когда? Неизвестно. Их разведка, говорят, традиционно сильна. Но вот непосредственно с будущим врагом в своей работе он еще не сталкивался.

Однажды Ланге из большого любопытства даже поехал на встречу с русскими, когда, собственно, ехать ему не следовало, по вопросам уточнения линии границы.

Да, странное чувство он испытал, увидев перед собой «живого скифа». Тот появился в защитной фуражке с большим козырьком, отутюженной гимнастерке, со шпалой в петлицах. Представитель неполноценной расы, но хорош! Ланге заговорил с ним на русском, благо к языкам у него всегда были способности, и более-менее прилично объясняться на этом варварском языке он научился с полгода назад у какого-то обедневшего эмигранта. В ответ русский улыбнулся и переспросил на чистейшем немецком, да еще с берлинским произношением. Ланге не только удивился, но даже немного обиделся. Неужели он так плохо объясняется по-русски? Ах, говорит он понятно, но по-русски это звучит слишком старомодно... Бывает. И они неплохо поговорили на немецком. Только Ланге ничего конкретного не смог уяснить после этого разговора. От всех каверзных вопросов «скиф» вежливо и умело уходил.

Потом многие часы Ланге и его люди наблюдали в сильную оптику за русскими, изучая местность. Готовил майор и агентов, которых направляли туда. Только все это было похоже на швыряние камешков на лед — на

речку попадают, а до дна не достают. Конечно, надо уже активно подключать и перевербованных поляков. Да все это не то. Нужен был русский. И лучше, если не один. Вот тогда можно было бы играть. А то быстрее, быстрее... Ланге поморщился, вспомнив, как недавно его отчитывал этот выскочка с красными лампасами¹. Он, Ланге, видите ли, медлителен в последнее время, по его вине у генштаба нет полных данных о русских. Можно подумать, у других лучше... А торопиться он не будет. Если быстро появятся нужные данные, опять какая-нибудь шкура наверху припишет все заслуги себе! Нет уж, научены! Тем более сейчас скорее всего еще не время включаться полностью. «Скифов» нельзя настораживать. Чуть-чуть побольше работы, но не слишком активно...

Который теперь час? 11.33. Пора навестить полковника. Человек, приставленный к нему, сообщает о нарушениях инструкций. Вместо дела полковник позволяет себе шалить и занимается черт-те чем! Необходимо поставить его на место.

Ровно в 11.45 Ланге поднимался по темной облезлой лестнице частного пансиона «Астория-экстра».

Отель, уже забывший свои лучшие времена, Ланге облюбовал сразу, как только обосновался в Заброди, и превратил в место конспиративных встреч со своими людьми.

По длинному коридору второго этажа Ланге подошел к двери комнаты, где жил единственный постоялец. Требоваательно, жестко постучал.

— Момент! — отозвались из-за двери приятным баритоном.

Мимо Ланге из открывшейся двери проскользнула к лестнице молодая дама. Он проводил ее глазами. Полненькие, конечно, ему нравятся больше, но в данном случае можно было бы поступиться своими принципами...

Ланге перевел взгляд на высокого мужчину, стоявшего в дверях. Тот, пропуская Ланге в комнату, посторонился почтительно, но без заискивания.

«Хоть бы смутился», — раздраженно подумал Ланге, вспоминая встречу с молодой женщиной.

— Прошу простить за беспорядок. Присаживайтесь, — любезно предложил хозяин. — Здесь вам, надеюсь, будет удобно.

---

¹ Красные лампасы у немецких офицеров указывали на принадлежность их к генеральному штабу.

— Ничего, ничего, полковник,— Ланге сел в кресло у стола, снял перчатки и, закулив, пустил дым в деревянный некрашенный потолок.— Развлекаетесь?

— Жизнь коротка, пан майор, особенно при нашей работе,— высокий небрежно накрыл постель старым коричнево-розовым покрывалом.— Надо спешить срывать цветы удовольствия.

— Да-да...— пробормотал Ланге и ткнул сигаретой в сторону двери.— Фрау Согурска?

— От вас ничего не скроешь. Извините.— Хозяин надел мундир белопольского полковника.

— Ну это-то скрыть трудно. Словно вам неизвестно, что пансионат под негласной охраной. А вы приглашаете в гости женщину, которая не значится в нашей картотеке. Справки у нас наводятся быстро...

— Можно подумать, что пан майор завидует! — Хозяин сказал эти слова все так же почтительно, но легкий оттенок иронии Ланге почувствовал.

— Я? Нисколько...— Этот раунд пикировки он проиграл, но проигрывать не любил и потому решил поставить высокого на место.

— Кстати, снимите эту тряпку,— Ланге небрежно кивнул на мундир.— Вашей опереточной армии больше не существует. В этом я велел вам ходить на болоте, пусть большевики считают, что мы там ни при чем.

Удар был точным. Хозяин заиграл желваками и тихо сказал:

— Я полагал, что в этой комнате могу ходить в чем хочу.

— Хорошо, хорошо! — Ланге примирительно махнул рукой.— Но не стоит забываться.

— Учту. Благодарю вас.

Разговор уже шел в деловом тоне, и вел его Ланге.

— Я недоволен вами!

— Вам пожаловались дамы? — Хозяин попытался отшутиться.

— Не паясничайте...— резко оборвал немец.— Вы знаете, что я имею в виду.

— Слушаю вас,— подтянулся высокий.

— Мы ценим ваши заслуги. Но жить одним прошлым?! Новое время, новые обстоятельства...

«...и новые хозяева»,— добавил про себя высокий...

— ...требуют доказать, на что вы еще способны.

— Стараюсь. Пан майор может быть уверен!

— Знаю я ваши старания,— сказал Ланге и вырази-

тельно посмотрел на плохо застланную кровать.— Помните, что ваша жизнь связана с нами, с великой армией рейха.

— Но мои люди...

— Что ваши люди? — подался к нему Ланге.— Убили двух-трех коммунистов, застрелили большевистского сельского старосту... И этим наверняка привлекли к себе пристальное внимание НКВД. Из-за пустяков «засвечивать» группу? Не за тем вас посылали туда.

— Пан майор знает, что ничего не делается сразу.— Хозяин был явно удивлен тоном Ланге.

— Да, пан полковник, знает! — Ланге произнес «пан» с максимальным сарказмом.— А еще пан майор знает, что вы вместо выполнения порученных вам заданий занялись тривиальным грабежом!

— Позвольте заметить, что у пана майора не совсем верная информация.

— Верная. Не сомневайтесь. Какая стоит перед вами задача?! Разведка, разведка и еще раз разведка! Будут ли большевики демонтировать свою «линию Сталина»¹ и переносить или строить такую же на новой границе, когда она установится окончательно? Какие документы имеют местные сельские жители? Чем они отличаются от документов, выдаваемых в городах? Образцы этих документов. Вводят ли большевики комендантский час? В какое время? Дислокация воинских частей: где и какие подразделения стоят, численность и вооружение гарнизонов? Какие документы имеют русские военнослужащие различных званий и родов войск? Строят ли большевики аэродромы? Если да, то где и какие? Как используют старые? И вообще, черт побери, что делают там красные войска? Вы должны заниматься тем, чем я велю, ясно?! Только этим! А вы стремитесь застрелить всех коммунистов по одному. Заодно пройти и по брошенным поместьям и костелам. Прекратите заниматься ерундой! Когда нам нужен будет тотальный террор, вам сообщат, развлекайтесь на здоровье. Надеюсь, вы понимаете, что ответить за все должны не отдельные мужики, а все большевики сразу.— Ланге щелкнул портсигаром, закурил.— Запомните, ваши ближайшие задачи...

Через сорок минут Ланге спускался по лестнице. Он

---

¹ «Линией Сталина» немцы именовали ряд укрепленных районов по линии государственной границы, существовавшей до сентября 1939 года.

был доволен встречей. Подчиненных надо держать в напряжении и поменьше хвалить. Пусть всегда чувствуют зыбкость своего положения, зависимость от него, их начальника. Полковник представлялся ему червячком, который хотя и извивается, но у него на крючке. И его работой он в принципе был доволен. Главное, чтобы он сберег «тропинку» туда, к большевикам, пока еще не установилась точная граница. «Тихая банда»! Недурно! Именно на полковнике он решил опробовать свою идею маскировки разведывательно-диверсионной группы под вульгарную банду!

Полковник, стоя у окна, проводил взглядом фигуру майора, шедшего по пыльному двору. Отвернулся. Вдохнул запах сигарет, оставшийся после Ланге, поморщился. Достал из кармана сигару, аккуратно обрезал ее кончик специальными щипчиками, прикурил и завалился на кровать. Расстегнул ворот мундира и с минуту наблюдал за сизыми узорами дыма.

«Надоело все до дьявола! Надо скорее уходить. Судя по всему, скоро в этой Европе будет нечего делать порядочному человеку!..»

7 октября 1939 года

МИНСК

Старенький стол у небольшого окна, железная кровать, выкрашенная в серо-голубой цвет, под потолком — тусклая лампочка на витом толстом шнуре. Неуютная комнатка маленького общежития. Впрочем, Алексей не обращал внимания на неприветливость своего временного жилища.

Надо было сделать выбор. Выбор, который мог резко изменить все его будущее.

Он сидел за столом и чертил на бумаге непонятные узоры. Это успокаивало.

«Глупо, очень глупо! — Он со стыдом вспоминал свое поведение в наркомате. — Как же это я?.. Так растеряться! И после этого еще решились предложить что-то серьезное?»

Алексей тяжело вздохнул. На листе появилась крутая изломанная линия...

«Да, предложили... — Мысли вернулись к главному. — А почему, собственно, я?..»

Да, хватило ему лиха. Мальчишкой потерял отца, мать, дом. Потом жизнь у Килины.

Хлопотливая она. То по хозяйству возилась, то с ним, с маленьким. А по вечерам рассказывала сказки и жуткие истории о знаменитом разбойнике Павлюсе и наивно мечтала, что ее Алеша вырастет сильным и счастливым. Только ждать в Живуни счастья, что твою сказку, а в жизни — лихолетье, недород, долги...

Как подросток, стал помогать тетке. Но не тянуло его к деревенской жизни, равнодушен он был к хозяйству, хотя и работал не жалея себя.

Килина видела, как племянник каждую минуту рисовал на полях дешевых книжек, которые из Белой Вежи привозил и продавал скорняк Алфим. Как из глины фигурки лепил.

Собрала она скудные свои средства и отвезла его в Краков к дальним родственникам. Те мальчишку к себе не взяли, но помогли пристроить в механические мастерские. И то хорошо — слесарем можно было стать, да и с голоду ноги не протянешь.

В городе пришлось не легче, чем в деревне. Голодно. Пошел подрабатывать. Мыл полы в парикмахерской, помогал в переплетной мастерской, чинил велосипеды, примусы, швейные машинки. Выкраивал еще деньги, чтобы тетке выслать. Долг не долг, а помогать надо. Потом хозяин закрыл мастерские, уволив всех — работы нет. Стал перебиваться временным заработком...

«И вот теперь, когда я сам могу выбирать то, что мне нравится, надо от всего отказаться? Я не умею бороться с бандитами! И не хочу учиться этому! Не хочу притворяться, обманывать и унижаться!»

...На бумаге появляется квадрат, треугольник, еще квадрат...

«А каким художником ты станешь? Что сможешь дать людям? Это еще неизвестно! Пока никто твоим живописным опытам оценок не давал. Солидная комиссия... Что-то скажут мастера?..»

...Овал, трапеция, квадрат...

Комсомольцем он стал в пятнадцать. Сама жизнь подсказала, с кем идти. Желания сделать все, что поручали, как можно лучше, хватало. Не было еще осторожности. Потому и попал быстро, почти сразу, на заметку полиции. Посадили на полгода в тюрьму. Там он узнал издевательства, побои, ночные допросы.

Товарищи с воли помогли так запутать следствие, что

в конце концов его отпустили. Правда, под надзор полиции. Зато на свободе.

Чтобы окончательно отвести подозрения, Алексея устроили на работу в типографию издательства Ваньковского «Рой», где печатались антисоветские книжонки таких подонков, как Пясецкий, бывшего когда-то подручным Булак-Булаховича, а потом провозгласившего себя писателем. «Пятый этаж», «Равные богам ночи» — даже не читая, набирать противно. Алексей не выдержал и ушел. Товарищи его отругали, объявили выговор, но нашли другое место. После типографии Ваньковского антикварный магазин и реставрационная мастерская при нем показались Алексею раем. Хозяин, богатый польский еврей, прошлым Алексея не интересовался. Работай — все. Задуришь — выгоню.

В мастерской бледный, все время кашлявший художник-реставратор заметил способности Алексея к рисованию и начал заниматься с ним.

Там он и отсиделся. Через полгода ему дали сложное задание — установить и поддерживать постоянную связь между организациями. Для этого он и устроился в цирк.

Там пробыл до начала войны...

«А что, собственно, бандиты? Почему обязательно отказаться?»

...Многоступенчатая пирамида, цепочка странно вытянутых полуокружностей...

«Но ты же всегда хотел рисовать. Наедине с самим собой не надо притворяться. Ехать учиться? Ответить завтра «нет» — и в Москву? Конечно, меня могут осудить, сказать, что испугался. Ну и пусть! Я хочу учиться любимому делу».

...Круги, треугольники, параллелепипеды. Они сплетаются в замысловатые узоры, заполняют весь лист, переползают на новый, что появляется взамен изрисованного...

«Вот, значит, как ты отплатишь тем людям, у которых рос? Пусть каждый раз, встречая нового человека, они испуганно вжимают голову в плечи, ожидая удара, а то и выстрела. «Пацификацию кресов»¹ не так просто забыть. «Умиротворение районов» — звучит почти романтически. И как совсем не романтически шляхтичи жгли деревни, где жили белорусы и другие «чужаки», остав-

¹ Планомерное уничтожение белорусского населения в панской Польше, осуществлявшееся режимом Пилсудского.

ляя после себя пепелища и трупы. А ведь сейчас именно от тебя зависит, чтобы твои же соотечественники скорее почувствовали себя свободными от страха людьми! Конечно, я не единственный, кто может сделать это. Но если каждый станет отказываться? Давать согласие?..»

...Кривая линия спрямлена, угол заштрихован...

«Сколько же все это продлится? Месяц? А может, год и два? Езус Мария, два года! И еще лет пять учиться. Сколько же мне исполнится после окончания? Двадцать шесть! Почти старость. А вдруг найдется выход и мне не нужно будет ехать в Живунь? Так хочется увидеть новую жизнь».

...Плетутся цепочки фигур, исчерчиваются листы. Но все неувереннее становятся линии...

Сомнения остались. Но решение принято.

Карандаш лежит на чистом листе. Тусклая лампа погашена. Как легко в молодости заснуть! Даже когда так много проблем...

МИНСК

Астахов вдруг заметил, что перестает улавливать смысл того, что читал. Устало он посмотрел на толстую стопку еще не прочитанных документов. Входящие, исходящие, шифровки, ориентировки — бумаги, бумаги, бумаги. И все это надо обязательно, как можно скорее просмотреть. Вот оно, горячее время на новом посту. Сергей Дмитриевич устало откинулся на спинку стула.

Надо же, когда ему вручали орден и поздравляли с назначением на эту должность, он еще радовался — думал, сможет немного отдохнуть на спокойной кабинетной работе. Сиди, расписывайся в документах и давай распоряжения подчиненным, которых, слава богу, достаточно. Такие вот картинки виделись. Беспокоился еще, чем будет заниматься в свободное время.

Где оно, свободное, где оно, время? Любая оперативная работа какой угодно сложности не идет ни в какое сравнение вот с этим «уютным» кабинетным коротанием ночей. Там, в былой его работе, в крайнем случае последним аргументом может стать отличное владение своим телом и оружием. Здесь же врага надо передумать. А это много трудней, чем победить в открытом бою. Вот тебе и тихое место. Когда последний раз он выпался? Астахов с грустью посмотрел на широкий мягкий кожаный диван.

Почему-то сослуживцы уверены, что ему хватает всего трех часов сна, чтобы быть свежим и отдохнувшим. Кто пустил этот слух? На самом же деле Астахов любил спать. И не просто спать, а спать долго. А проснувшись, поваляться в теплой постели, не сразу расставаясь с ласковой утренней полудремой.

И вообще, отдых — это прекрасно. На юг сейчас бы, да не одному. Вон сколько лет, а ходит до сих пор незасвѣтанным, незавенчанным. Скоро можно будет по возрасту перевести себя в старые девы.

Сейчас бы познакомиться с хорошей женщиной, красивой и нежной. И, как в молодости, голову потерять, забыв обо всем. А там уж и руку с сердцем предложить можно...

«Стоп, Сергей Дмитриевич, стоп. Что-то ты вразнос пошел. Еще немного — и начнешь горевать о своей тяжелой мужской доле. Сон, женщины... На данный момент у тебя не то что на женщин, а даже на мысли о них времени нет».

Астахов грустно вздохнул и решительно вернулся к делам. Без ложной скромности можно было сказать, что идут они совсем неплохо. Практически все действующие банды уже блокированы. И немецкая агентура не растоворилась среди населения, как этого хотелось бы новым соседям по границе. А территория-то как-никак с европейское государство приличных размеров.

Неплохо... А люди гибнут. И та небольшая банд-группа, что все время исчезала в полесских болотах, очень беспокоила Астахова. Другие банды прямо на рожон прут, а эти раз высунулись и затихли. И никак не удастся их нащупать. Сидят там, как гнойник, зреют. Не дай бог, гнойник этот прорвется в неожиданном месте. Почему они неактивны? Ждут, как больнее ударить? Или «сосут» разведывательную информацию? А вдруг и то и другое вместе? Тогда они вдвойне опасны. Но догадываться мало. Нужно знать.

Астахов налил из стоящего на подоконнике чайника стакан крепкого чая и снова склонился над сообщениями: «...недалеко от деревни Голово банда численностью до 20 человек обстреляла группу бойцов Красной Армии, оказывавших помощь местному населению в ремонте моста. В завязавшейся перестрелке 8 нападавших были убиты. Остальные отступили. Командовавший бойцами младший политрук Кирьянов А. К. организовал их преследование силами двух отделений. В результате

остатки банды были прижаты к реке и уничтожены...

...Группа неизвестных лиц, одетых в форму РККА, совершила нападение на почтовое отделение поселка Жаворонки. Нападавшими был убит начальник почтового отделения Яценко П. А. Милиционер Кривошеин И. Г., собрав активистов из местного населения, организовал вооруженный отпор бандитскому нападению, не допустив повреждения линий телеграфной и телефонной связи и расхищения почтового имущества. Двое из нападавших были убиты. Остальным удалось скрыться...

...В 20 километрах восточнее Белостока, в лесу, местными жителями обнаружен труп раздетого до нижнего белья мужчины с раздробленной затылочной частью черепа. Установлено, что убитым является старший лейтенант РККА Мироненко Павел Иванович, 1912 года рождения, выбывший из своей части в служебную командировку...»

Дочитать не удалось. Зазвонил телефон, и через несколько минут в кабинет вошел его заместитель Петр Николаевич Рябов. Он всегда, даже если его перед этим приглашали, предварительно звонил и спрашивал разрешения.

— Чаю хотите? — предложил Астахов. — Правда, немножко остыл.

— Не откажусь, — Петр Николаевич взял стакан, но, отпив глоток для приличия, сразу же поставил его на стол. Раскрыл папку, достал бумаги.

— Что-нибудь интересное? — Астахов долил себе кипятка.

Рябов неопределенно пожал плечами:

— Вновь подтверждается факт существования болотной банды... Но никакой дополнительной информации.

— Что у нас с расследованием убийства председателя сельсовста? Ведь это, как я помню, в районе действия этой банды?

— Тоже ничего нового. Нет зацепок.

Помолчали немного.

Астахов ждал, что еще скажет Петр Николаевич. Наверняка выскажет свои соображения о ходе расследования. Не из-за одного же подтверждения существования болотной банды он пришел сюда? Это вполне могло бы потерпеть до утра.

Астахов никак не мог составить определенного мнения о Рябове. Формально, человек он достойный и положительный, прекрасный семьянин, радушный хозяин

дома, отец двоих дочерей. Умеет думать, храбр, вынослив. Обладает прекрасной памятью — недавно на совещании почти дословно процитировал ориентировку, прочитанную всего один раз за полторы недели до того. Бегло и почти без акцента говорит по-немецки. Только радоваться, что послал тебе случай такого заместителя... Но Астахов почему-то не любил его. Все его заместитель делал правильно, да уж слишком правильно...

Рябов, немного выждав, действительно начал подробно перечислять, что сделано для раскрытия того убийства на лесной дороге у болота...

— За несколько дней наши работники опросили множество людей. Никакого толка. Все как воды в рот набрали. Молчат или отнекиваются, мол, ничего не знаем, никого не видели...

— Этого и следовало ожидать. Люди говорить не хотят, — заметил Астахов. — Они видят реальную угрозу себе и близким. Мы для них пока защита абстрактная. Еще не доказали, что можем стать настоящей. Красная Армия уже здесь была в 20-м году и ушла. Это знают и помнят...

— Да, не доказали... Я, конечно, понимаю, пропагандистская работа среди населения воссоединенных районов, политическое просвещение и так далее. Но не забывайте об усилении классовой борьбы. В данном случае мы сталкиваемся с проявлением типичного вредительства действиям представителей власти... — Рябов в конце как-то запутался в словах, и это неприятно резануло слух.

Астахов с интересом посмотрел на Петра Николаевича.

— Вы не находите, что в последнее время изыскивать вредительство стало своеобразной модой? Поветрие какое-то: все ищут врагов народа. Врагов у нас и так хватает, и вредительство есть, но не в таких же масштабах! Нельзя проявление естественного для человека стремления к безопасности расценивать как диверсию. Так мы никому не докажем, что Советская власть не только сильная власть, но и справедливая!

Астахов заметил, как Рябов насторожился при упоминании о вредительстве, и для убедительности снова вернулся к своим словам:

— Вредительство... Вы помните позицию ЦК? Там подобные действия расцениваются как головотяпство! Банды уничтожим, быт поможем наладить на современ-

ном уровне, и эти самые ваши «враги» станут настоящими советскими людьми и патриотами. И такие, как Кисляков, нам помогут.

— Тогда-то, может, и помогут,— пробурчал Петр Николаевич,— а вот в нашем деле... Признаюсь честно, не нравится мне ваша затея с Кисляковым. Я, разумеется, имею поменьше опыта, чем вы, но не нравится. Иди, называется, туда, не знаю, куда! Вот, значит, какое дело...

Астахов понял, что Петр Николаевич вышел на основную тему разговора, зачем он, собственно, и пришел.

— Неизвестных, согласен, хватает,— сказал он.— Действительно, странная банда. Вы обратили внимание: они упорно держатся в глубине болот, рядом с линией временной границы?! Как привязанные. Ни разу не напали ни на склады, ни на магазины, ни на армейские обозы. Нет у них чисто уголовных проявлений. Нет, и все! Кстати, болота для них и так пока неплохая защита, а они убивают советских работников в деревнях около болот. Предпринимают дополнительные меры предосторожности? Засады они обходят так, как будто заранее знают, где те расположились. Почему их не волнуют вопросы продовольствия? Чувствуется профессиональная рука...

— Вот-вот! Все откроет, все разоблачит этот сопливый мальчишка. Художник, видите ли! Да они его раскрутят в момент. Я с ним, вот ведь какое дело, серьезно разговариваю, а он... Ни тебе четкости, готовности...— Петр Николаевич махнул рукой.

— Ну, положим, тут и опытный человек не сразу разберется. А вот насчет наивности... Не думаю! Подполье — хорошая школа. Додумался же он наладить связь подпольных райкомов, передвигаясь с цирком.

— Связной хороший, кто ж спорит.— Рябов не сдавался.— Но здесь он сам будет и командиром и связником. Один против всей своры. Потянет ли? Рискованно...

— Рискованно? — задумчиво переспросил Астахов.— А как в нашем деле без риска? Да и не один он будет. Там, как вы помните, есть наш человек. Не очень опытный, но все же двое... И потом, что у нас за разговор о Кислякове, словно он ничего не знает и не умеет? Вспомните, вышли мы на него по рекомендации товарищей из Компартии Западной Белоруссии, знающих его по подполью. Не случайный человек. Хорошо знаком с законами конспиративной работы и, самое главное, име-

ет опыт выявления пособников и провокаторов дефензивы.

— Да-да,— вяло кивнул Рябов.— Но не помешает ли ему то, что он там, в деревне этой, практически свой?

— Ну не скажите,— горячо возразил Астахов.— Чужой, ни с того, ни с сего появившийся у болот, насто-рожит банду. Они его просто ликвидируют, не разбираясь. Должны же быть у них свои люди в ближних деревнях. А наш парень местный. Легенду и придумывать не надо — переработать немного биографию, кое-что добавить, кое-что убрать. Ему проще выявить осведомителей банды и хотя бы примерно установить месторасположение ее базы. Все! Ну возможен вариант прямого контакта. Вот тут-то и сыграет свою роль то, что он местный. Легенда поможет, опыт...

— Сергей Дмитриевич, но у нас там есть человек. Может, лучше ему доверим? Постарше все же...

— Не в годах дело. Здесь опыт нужен, сила. А тот человек будет хорош как помощник. Самостоятельное задание ему нельзя давать. Не справится.— Астахов потянулся за папиросой, закурил и уже чуть грустно добавил: — Я бы с большим удовольствием отправил его в Москву, пусть лучше там борется за новые пути в искусстве, чем здесь ползает по болотным тропинкам. Но обстановка, Петр Николаевич... Не нравится мне активность наших новых соседей по границе... Как бы...

— Ну это вы уж слишком,— вскинул брови Рябов.— Сразу о войне?! Не посмеют!

— Как знать? Я бы только радовался, если бы ошибся. Но банда! Банда... А вдруг это совсем не банда...

Петр Николаевич удивленно посмотрел на своего начальника. Переутомился? Но тот спокойно и задумчиво еще раз просматривал последние донесения из того района.

— Как же вот это? — Петр Николаевич показал в бумагах подчеркнутые строчки.

— Верно, взяли антиквариат, картины, особо ценные ювелирные изделия. А может, нас этими мелочами отвлекают? Посмотрите, они были замечены охраной около аэродрома. Не вступая в перестрелку, отошли. Есть случаи безвестного исчезновения военнослужащих в границах предполагаемого района действия бандгруппы. Это на северо-запад от болот. А на юге? Сделана попытка проверить систему охраны линии временной границы и назад, в болота... Потом сунулись к железнодоро-

рожному разъезду. Их и там отогнали. И снова они растворились в болотах, как туман. В интересных местах они появляются, вы не находите? Это похоже на работу своеобразной разведывательно-диверсионной группы. Такие засылаются во время военных действий. И, может быть, у них на границе «окошко» есть, через которое они поддерживают связь с немцами?

— Это же упрощает все наши действия,— Рябова тоже озарила мысль.— Никого не надо посылать. Подключаем войска. Прочешем и уничтожим.

— Тогда уж и флот подключим для размаха.— Астахов чуть рассердился, но сразу же взял себя в руки.— Извините... Вы забываете про болота, плохо известные нам. Десяток опытных людей там уничтожат батальон. Пока не подморозит, мы туда с крупными силами не сунемся. Да и какие крупные войсковые операции на виду у немцев! Линия границы только-только устанавливается. Они сразу шум поднимут — провокация, нарушение! Войска привлекать надо, но для групп прикрытия, чтобы перекрыть им ходы-выходы.

— Да! Вот, значит, какие дела. Ладно, я пока свяжусь со школой, пусть подготовят все необходимое. Завтра съездим.

— Если он согласится на наше предложение...

— Ну это я возьму на себя. Комсомол подключим, общественность...

— Нет. Здесь каждый сам должен решать, без общестственности...

8 октября 1939 года

живунь

Станным мужиком был Аким. Вроде как все. А вроде и сам по себе. Лет шесть, как он пришел в эту деревню. Сутулый, с редкой порослью на голове, с какими-то несуразно длинными руками. Купил здесь задешево хатку и зажил со своей бабой.

Чего где миром делали, Аким был с мужиками заодно. А своим не стал. Так, почесать язык да самогонки выпить. И то все больше отмалчивался, слушал. Попервости ходили по деревне толки, что хранит он какую-то тайну. Но со временем о тайне говорить перестали. Аким прослыл просто нелюдимом: всегда себе на уме. Чужих к своим думам не подпускал. Да что чужих —

жену разговорами не баловал. Больше о хозяйстве речь вел.

А уж на что та внимательной к нему была. Баба она заметная — высокая, на полголовы выше Акима, изда-лека — так вообще красавицей казалась. Не то чтобы любила она своего Акима — какая здесь любовь с их-то жизнью. Так привязалась к мужику с годами. Не осталось на белом свете у нее родни. Он ее еще девчон-кой взял, когда родителей в холодный и голодный год схоронила. С тех пор с ним. Прикипела.

Шесть лет прошло, а Аким все не мог свыкнуться со своей ветхой хаткой. Не становилась она родной. Ни-какие заботы ей уже не помогали. Поначалу он пытал-ся что-то подправить, подновить. Потом махнул рукой. Авось не развалится до скончания его века. Поставил подпорки, забил сухим мхом щели между бревнами. Так и жил. Даже засов делать не стал. На вопросы мужи-ков неизменно отвечал:

— А что? Свои пускай входят, а жандармы все одно двери выломают!

Когда на дворе наступала ночь, он садился у лучи-ны. Маленький язычок пламени тусклым светом слизы-вал грязь и копоть на покосившихся стенах, осевшие балки на потолке, редкую загородку в черном углу, где изредка шевелилась их единственная живность — то-щая облезлая коза, давно не дававшая молока. Этот тусклый тепло-желтый свет размягчал духоту избы. До-ждавшись, пока жена заснет, он сладко щурился и пред-ставлял разные причудливые истории, попадал в замор-ские страны, ходил на охоту со своим сыном, которого шесть лет назад унесла «горловая»¹.

Нет, все ж таки странным мужиком был Аким. И думы у него были чудные...

В эту ночь Аким с особым нетерпением ждал, пока заснет жена. Намедни мужики с энтими, из новой влас-ти, проверять панскую усадьбу ходили. Само собой, по-скольку пана там уже не было, каждый с собой что-то захватил — не задарма же столько пехом отмахать. Нет, не крупное — вдруг как пан обратно возвратится, — но для хозяйства полезное. Осип, к примеру, часы в ко-томку сунул. Маленькие — с чурбачок — но тяжелен-ные... Каменные, чудные, а уж как зазвонят — что в церкви на пасху. Он потом всю дорогу останавливался,

---

¹ Так в простонародье называли дифтерит.

ключиком вертел да на рычажок нажимал — колокольцы те послушать. Только у самой околицы перекрутил он что-то или нажал не туда. Пискнуло и замолкло. Вот уж Осип ругался! Посмеялись. Хотел выбросить, а потом пожалел, взял вместо гнета для капусты заквашенной. Хвилька, что через двор живет, посудой разжился. Аким бабе тоже всякие ножи да вилки притащил. Ерунда, конечно, а ей забава. Но сам он другую вещьцу заметил. И нашел-то случайно. Отстал от мужиков, решил в комодке проверить — может, чего осталось. Ящик отодвинул, на какую-то дощечку нажал, отскочили вдруг планочки, а там шкатулочка. А в ей — она. С хозяйского глаза — вещь совершенно бесполезная. Да только было что-то в ней, взяло его за душу. И домой придя, не стал показывать жене. Хотелось самому, в одиночестве рассмотреть и прикинуть — чем же эта вещьца бесполезная так его внутренности царапнула, стоило только взглянуть на нее.

Аким дождался, когда затихла баба на печи за занавеской, достал вещьцу, поднес ее поближе к пламени...

Это был медальон удивительной работы. Как чуть приплюснутый лесной орех, выросший до огромных размеров. Обратная сторона гладкая, массивная, отполированная. А спереди — все по-другому. По краям тоненькие золотые веточки с легкими ажурными лепестками и сказочными цветами переплетались и при мигающем свете лучины словно дышали и росли. В завитках стебельков, как капельки росы, прятались мелкие прозрачные камешки, превращавшие тусклый свет пламени в лучики неземной красоты. И только в центре «ореха» золотые заросли расступались, образуя овал. В его глубине на чем-то белом, похожем на кость, был нарисован по пояс загорелый лысый старик в чудной одежке. Такую Аким видел в церкви у святых на иконах. Аким всматривался в портрет. И тот, казалось, в мигающем свете вырастал, увеличивался у него на глазах... Может, этот старик — святой странник из неведомых Акиму краев? Тех, что видел он только в своих думах? Но святые, что в униатской церкви или в костеле — желтые, вытянутые, как высохшие. А этот жил! Жили его лукавые, все понимающие глаза, жили мягкие загорелые складки лица, жили губы, тронутые чуть печальной мудрой улыбкой. Узловатые жилистые руки, по-крестьянски сложенные на животе, были удивительно родными, знакомыми. Слово пришел этот старик ве-

чером со своего поля и посмотрел Акиму прямо в душу. Посмотрел, все понимая,— и сказанное и невысказанное. Улыбнулся тихо и грустно. И почувствовал Аким — вот он, тот молчаливый собеседник, которому можно доверить все...

Аким уже ни о чем не думал. Он просто впитывал эту великую красоту. Но вот, когда язычок пламени моргнул еще раз, в косом неверном свете он заметил, что в глубине золотого венка одна веточка чуть не так расположена. Он потянулся, чтобы поправить...

Заскрипела низкая скособоченная дверь.

— Радуйся, Акимушка! — шипящий голос Аким не услышал — ощутил враз взмокшей спиной. — Радуйся! Гости идут!

Это был Нестор, сын лесника Филиппа. Но если днем этот юродивый, кроме улыбки, ничего не вызывал, то сейчас его голос звучал жутко, предвещая что-то страшное...

— ...весело будет, Акимушка! Готовь угощение!

Аким быстро сунул медальон в открытый ворот рубахи и медленно повернулся к двери, к Нестору. Дурачок, бормоча про себя что-то понятное только ему, крутился в странном танце. Огромная тень его лохматой головы металась по стенам, потолку.

...Четыре острых луча пропороли мрак и смрад избы, ударили по глазам Акима. Ударили и разбежались по разным углам.

Четверо в сапогах, с карабинами, молча, по-хозяйски вошли в Акимов дом. Один дал что-то блестящее Нестору и тихо сказал, что отец его разыскивает, ругается. Нестор быстро исчез. Четверо, ни слова не говоря хозяину, осмотрели по углам, за занавеской. Потом, почти одновременно, погасили фонарики. Двое встали за лавкой с разных сторон Акима. Один отошел к окну, четвертый застыл у двери.

Аким посмотрел на дверь. В темноте не было видно человеческой фигуры. Только матово белели позументы и полоски манжетов, ряд начищенных пуговиц и сверху огромный серебряный орел-кокарда. Аким понял все: кто пришел, зачем и кто сказал. Он вспомнил, кто заглядывал в комнату, когда он в поместье нашел медальон...

Меж тем человек мгновение помедлил, свыкаясь с тяжелым воздухом, шагнул через порог, к столу. Он был

высок, строен, силен и уверен в своей абсолютной власти. Сел на лавку напротив Акима, взял со стола серебряный ножик из поместья, повертел, усмехнулся и отложил его в сторону. Посмотрел на хозяина дома. Потом перевел взгляд на одного из своих и едва заметно кивнул в сторону Акима. Тот наклонился к нему и вытащил медальон за цепочку. Передал офицеру, который быстро и внимательно осмотрел его, спрятал в нагрудный карман френча. Вновь взглянул на Акима и тихо сказал:

— Что ж вы, не рады мне? Такого гостя, я думаю, здесь еще не было.

...Под утро деревня вздрогнула. Это был не просто крик. Вопль, в котором сплелись боль, отчаяние, ужас, безысходность. Над хатой Акима прямо в небо уходил черный столб дыма.

— А-а-а-а-а-а!..

Из тех домов, что были победнее, мужики и бабы бросились к Акимову двору. Хозяева покрепче смотрели на пожар с крылечек, а то и вовсе из-за занавесочек.

Но и те, кто бросился помочь, подбежав, растерянно остановились у самого двора. Чем поможешь?..

Горела свечкой хата, трещало сухое дерево. Осипшая, забытая коза бляла, ошалев от близости смерти. И треск огня не мог заглушить это блеяние. Кричала Акимова жена, расцарапывая себе лицо и вырывая клоками волосы. Горел плетень.

Крик, треск, гарь, пламя...

Сам Аким висел посередине двора на сухом кривом тополе, который он так и не собирался срубить на дрова. Лица у него не было. На его месте была кровавая маска. В потоках горячего воздуха казалось, будто его тело в петле еще извивается и шевелятся ноги, пытаясь дотянуться до земли, чтобы пойти к людям, собравшимся у ворот...

И вдруг грохот. Обвалилась крыша, рухнули стены. Наступила тишина. Уже не было слышно треска бревен, сгорела коза. Смолкли крики жены Акима.

Отшатнувшиеся было люди, когда развалился дом, увидели, как женщина, за ночь ставшая глубокой старухой, медленно поднялась с земли. Не оглядываясь, пошла, неестественно прямая, прочь, от еще горячих углей родного очага, от тела убитого мужа.

Женщина безмолвно прошла в дыру прогоревшего плетня, мимо стоявших селян. Дальше, к роще, болоту...

9 октября 1939 года

СМОЛЕВИЧИ

Машина легко бежала по ровному шоссе, уходившему на восток от Минска. Алексей, удобно устроившись на заднем сиденье автомобиля рядом с Астаховым, с интересом смотрел в окно. А Сергей Дмитриевич на природу внимания не обращал. Не до нее.

Эмиссар абвера! Вот что не давало ему покоя. Ланге ориентировал полковника на подготовку к приему эмиссара на советской территории. Что это означает? Может быть два варианта. Первый — эмиссар пойдет от Ланге на нашу территорию через «болотную банду». На этот случай Астахов и Рябов уже предусмотрели меры безопасности. А вдруг будет другой вариант? Если этот эмиссар до поры до времени таился где-то на нашей территории и теперь пойдет к своим. Не пустой же он придет... Но если он будет возвращаться, то скорее всего объявится в зоне действия этой загадочной пока банды, у болот. Остальные уже надежно блокированы. Алексей знает практически всех местных и сразу выявит чужого, как только тот появится. В этой ситуации необходимо скорее узнать, кто является пособником бандгруппы! Ведь именно он поведет эмиссара Ланге на болота. Полковник не оставил в Заброди своего проводника. А по болотам эмиссар просто так гулять не будет. Это верная смерть. Значит, пока, вероятнее всего, эмиссар будет пытаться с помощью «болотных» уйти за кордон.

Ждать нельзя. Чем скорее Алексей приедет в свою деревню, тем лучше.

А Алексей думал о своем. Что ждет его в родных местах? Как примут его там после стольких лет? И что за таинственное учреждение эта школа, куда везет его Астахов?

Место, куда они приехали, оказалось совсем прозаичным, обыденно-будничным. Никаких загадок. Так, несколько уютных домиков, утонувших в зелени, посыпанные песком дорожки, по одной из которых ушел Астахов, оставив их вдвоем с Будником, «дамой-наставницей», как объяснил он Алексею.

Будник привел его в комнату, где лежал ворох одежды и обуви.

— Выбирай,— кивнул он на эту кучу.

Алексей нерешительно перебирал пиджаки, брюки, рубашки. Все они были чистые и аккуратные, но поношенные. Кое-где с заплатками. Ему совсем не хотелось расставаться с новым добротным костюмом.

— Ты что, может, миллионер? Думаешь на собственном авто прикатить на место? — усмехнулся, заметив его нерешительность, Будник.

— Да нет... — протянул Алексей, — обвыкнуть в ней надо, в новой одежде-то. А то начнешь карман искать там, где его никогда не было. Тут тебе и... Надо бы подобрать такую, как у меня при панах была. Привычной. Эта-то точно вся польская? Проверяли?

— Ты, парень, не сомневайся, — теперь уже серьезно сказал его опекун, — Сергей Дмитриевич, он мужик правильный, зря одежку не отберет. У него не то что у других — просечек не бывает. Понял? Давай меряй, надо в размер подобрать.

— Так это Сергей Дмитриевич сам отбирал?

— А то? Ну выбирай и одевайся, пообвыкнешь пока. Там поглядим, может, и поменять чего придется.

Когда минут через тридцать пришел Астахов, Алексей уже был в дешевом темном костюме и рубаше с широким свободным воротом, на ногах — крепкие, хотя и потертые, польские солдатские ботинки. Астахов критически осмотрел его, обошел со всех сторон. Но замечаний не сделал. Вроде все правильно.

— Пальто, шапку, шарф подобрали?

— Подобрали, — ответил Алексей и спросил с надеждой: — Может, я до холодов уже смогу вернуться?

— Может, и вернешься, а может, скрывать не буду, теплая одежда тебе очень пригодится... Ну-ну, не кисни, вдруг завтра похолодание? Да и то — если без вещей, как тетка и соседи поверят, что насовсем приехал? Кстати, у тебя курево есть?

— А как же! — Алексей полез в карман и достал пачку «Зефира».

Сергей Дмитриевич помрачнел.

— Будник, я же вас просил проверить все мелочи. Замените, пожалуйста, на махорку, только не армейскую, а обязательно с базара, и кисет не забудьте.

— А оружие мне дадут?

— Оружие? — удивился Астахов. — Зачем оно тебе? Твое оружие — умение думать лучше, чем твой противник. Понял?

Алексей кивнул.

Астахов еще раз придирчиво осмотрел отобранные вещи. Отложил несколько книг, добавил замызганную картонную коробочку с дешевыми польскими акварельными красками и небольшую стопку желтоватой бумаги.

— Запомни: твоя основная задача — как можно скорее выявить пособников банды. Если удастся, то примерное место ее дислокации. Но есть еще одна не менее важная — тщательно смотри за появлением незнакомых людей около болот: они ждут человека. Очень опасный враг. Возможно, кто-то из пособников поведет его в болота или за кордон. Как только кто появится, сразу сообщай. Теперь о связи с нашим человеком...

Сергей Дмитриевич начал вновь и вновь повторять, заставляя заучивать пароль.

Это быстро надоело. Наконец Алексей не выдержал.

— Сергей Дмитриевич, а кому говорить этот пароль буду?

— Торопишься, об этом я хотел побеседовать с тобой чуть позже. Но раз уж ты сам завел разговор... Пароль ты, естественно, скажешь нашему человеку.

— Как я узнаю его?

— Держи! — Астахов протянул Алексею тускло блестящий медный ключ средних размеров. Замысловатая фигурная бородка была приварена к полой трубке, кончавшейся кольцом, через которое протянут вылинявший шнурок.

Алексей удивленно повертел в руках ключ, рассматривая его.

— Что это?

— Тоже пароль.

— А тот, что я заучивал?

— Тот — сам по себе. По этому ключу наш человек тебя узнает. Ключ должен подойти к его замку. Вот к такому. — Астахов показал небольшой замок, похожий на калач. — Слова без ключа — не пароль. Ключ без слов — тоже. Это как бы... ну, лонжа, что ли, по-цирковому. Мало ли что случится. А так двойная страховка и тебе, и нашему человеку там. Теперь о легенде. Она не для рядовых. Твоя легенда рассчитана на человека, у которого, судя по всему, есть одна слабость. На ней-то мы и сыграем. Но полностью раскрывать карты надо только в крайнем случае. Иначе легенда покажется слишком недостоверной.

— А если он захочет проверить?

— Тем лучше. Твой бывший хозяин Шехтер был

весьма состоятельным антикваром, не так ли? Об этом знали?

— Да. Он даже с иностранцами вел дела. И никогда не платил выше той цены, которую называл сам. Месяц будет торговаться, два, а купит, как ему выгодно. Его коллекцию многие видели и еще больше людей о ней знали. Некоторые специально приезжали посмотреть.

— Это очень хорошо. Но как проверить, действительно ли ты знаешь, где она сейчас? А в ней баснословные ценности, оставшиеся без хозяина. Взять их можно только, придя на место с тобой. Следовательно, тебе надо сохранять жизнь. Цепочку улавливаешь?

— Но если он действительно захочет взглянуть на этот клад?

— Тот, на кого мы играем, человек несвободный. Нельзя же бросить все и кинуться за сокровищами. Ну а уйти за границу банде мы не позволим...

Вечером они устало сидели на пороге домика, курили. Солнце зашло, но тьма еще не поглотила лес. Казалось, деревья тихо и беззвучно растворяются в вечерней тьме. Стволы, ветви, листва становились все прозрачнее.

— Хотел бы написать? — Астахов внимательно посмотрел на Алексея.

Тот грустно кивнул.

— Да, Алеша, сложно. Я сам мечтаю, что когда-нибудь каждый будет заниматься своим любимым делом. Нет на свете ничего лучше. Но самое главное дело — сохранять свой дом! И ради этого приходится отказываться от многого... Сегодня ты отложил свою поездку в Москву и возвращаешься к тетке. Кто знает, скольким еще придется расстаться со своим делом, любовью, домом. Время жестоко. Кончили враги притворяться, они готовы к драке. Надо помнить об этом.

— Понимаю, чего там...

— Задача у тебя сложная, но с этими врагами ты встречался, работая в подполье. Некоторым вещам, пожалуй, сам можешь нас научить. И вот о чем хочу попросить: зря не рискуй! Но постарайся по возможности выяснить приметы хотя бы некоторых из этой банды, как они выглядят. И еще прошу: приготовь себя к тому, что тебя будут ждать самые неожиданные сложности. Ты сейчас как актер перед премьерой. Правда, актер репетирует, и от игры не зависит так много. А у тебя каждый день будут премьеры, но премьеры без репетиций...

«СТРЕПЕТ» «ДОНУ»

«...Начальник абверкоманды Ланге встретился в пансионе «Астория-экстра» с неизвестным, которого в разговоре именовал «полковником». Полковнику даны задания по сбору разведданных на территории воссоединенных областей Белоруссии... Никаких имен не называлось. Ланге ориентировал полковника на подготовку к приему специального эмиссара абвера. Кроме того, полковнику предписано добыть действующие советские документы различного образца для снабжения ими засылаемых на территорию СССР агентов абвера. Ответственным за подготовку и осуществление этих акций является сам Ланге.

Приметы полковника: лет 43—45, рост 188—190 сантиметров, волосы темные, длинные, на висках с сединой, лоб высокий, чистый, нос прямой, глаза большие, темные. Телосложение правильное. Курит. Свободно и без акцента говорит на польском и немецком языках. Особых примет не имеет. Осуществить его скрытое фотографирование не представилось возможным. Вечером того же дня он отбыл в неизвестном направлении...»

РЕЗОЛЮЦИЯ НА СПРАВКЕ

Тов. Астахов!

Срочно по всем имеющимся каналам установить личность неизвестного полковника и конкретизировать район действий на советской территории.

Зам. начальника управления

И. Г. Егупов.

...Земля — как большая сильная рука, уставшая от тяжелой работы. Натруженными мозолями вспухли горы и холмы, словно морщинки избороздили дороги. Кажется, взглядишь внимательней в их причудливый узор — и читай как по ладони: что было, что будет, чего ждать от жизни, на что надеяться? А прочтешь, собирайся в путь, вставай на свою дорогу и отправляйся навстречу тому счастью, что нагадали...

Только верным ли то гадание будет? Доступно ли глазу человеческому линии земли прочитать? Слишком уж разное таят они. Кому судьбу дадут, а у кого и счастье отнимут.

Но даже если и случится чудо, и сможет кто растолковать хранящий тайну узор, вряд ли поможет это все. Потому, что надо еще найти ту дорогу, что приведет тебя к предсказанному да ожидаемому счастью. Ведь часто людям только кажется, что они сами дорогу выбирают. Много чаще сама дорога выбирает людей и заставляет идти в неведомое. И счастье находит не тот, кто о нем только думает, а тот, кто в неизвестность шагать не боится.

Но это потом. Сначала надо найти ее, свою дорогу, ту, что станет для тебя линией жизни и судьбы. И гложут сомнения: туда ли пошел ты, сделав первый шаг, на ту ли дорогу вышел? Быть может, твоя не эта, а вон та, что бежит рядом, призывно маня, а потом исчезает в тумане? А может, другая, которая пересеклась с твоей и ушла в неизвестность?

Кажется, делай шаг, и вот — нашел! Ступаешь в сторону на другой путь, оставляя в стороне ту, первую, дорогу. Оглянувшись, думая, что всегда можно по тропке и возвратиться — ведь рядом они идут! Но теряется тропка в тумане, пропадает вдали прежняя дорога, и сам уже не можешь ответить, что же было твое — те каменистые ухабы, где сбиваешь башмаки, или эта мягкая пыль, теплая и ласковая, которая сохраняет твои следы, но забивает глаза, уши, рот...

Какими бы ни были пути, ступив, каждый человек уверен, что он долгий.

Но землю-ладонь рассекли шрамы — окопы. Одни старые, уже заросшие травой и деревьями. Другие зияют чернотой и болью, как свежие раны. Пересечет этот шрам дорогу, и оборвется у кого-то линия жизни, судьбы и любви. Внезапно, жестоко и беспощадно.

Так что же, не верить в свою дорогу? Или, забыв обо

всем, мчаться вперед? Или искать, не боясь задавать себе вопрос: а что там в конце пути?

Что?..

10 октября 1939 года

БЕЛАЯ ВЕЖА

Тепло. Совсем еще по-летнему греет осеннее солнце. Нежится в этом тепле маленький городок. Выгнулись, подставляя спину последнему теплу, горбатенькие, мощенные брусчаткой улочки. Застыли в истоме придорожные кусты, собравшие на своих листьях всю пыль прошедшего лета. Даже старая башня на краю городка, помнящая еще, наверное, Грюнвальд, тоже греется на солнце. И только редкие сизо-холодные тучи на небе напоминают, что уже осень и холода все ближе и ближе.

Впрочем, в этот день все люди в Белой Веже были озабочены не наблюдениями за погодой. Воскресенье — базарный день. Не купишь — так хоть среди народа потолкаешься, товар посмотришь, новостей наслушаешься.

Такой увидел Белую Вежу Алексей, сойдя с попутной полуторки, подбросившей его со станции до городка.

Он был, пожалуй, единственным, кого беспокоила темная полоска на горизонте. От городка до его деревни Живунь верст тридцать, не меньше, лесом, мимо болот. А ну как дождь застанет в дороге?! Да и идти пешком совсем не хотелось.

...На базарной площади торговали всякой всячиной и за всякие деньги. Торговали с прилавков и с рук, с лотков и не слезая с телег. Алексей шел между возами, полупустыми и гружеными, прикрытыми рогожами и рядом, ощущая знакомые с детства запахи дегтя, сыromятной упряжи, духмяного сена, и размышлял, как же узнать, кто поедет в его сторону? Спрашивать — глупо, весь базар не спросишь! Прислушиваться к разговорам — тоже ненадежный способ, но все же предпочтительней — меньше обращает на себя внимание.

В самом конце рядов, там, где кончаются прилавки, Алексей увидел пустую телегу, на ней удивительно знакомого мужика. Остановился приглядываясь.

Точно, из Живуни... Как же его зовут? Через двор или через два живет от тетки. Осип? Ну да, Осип! Осип Дондик. Килина еще рассказывала в последний приезд,

что совсем жадность мужика заела. Правда, богатства Осип не нажил, но и лучше не стал. Точно, он это. Жена еще у него горластая такая, все кричала пронзительно то на детей, то на мужа, то на скотину, то на соседей...

Не подозревая, что Алексей рассматривает его, стоя за возом, груженным сеном. Осип меланхолично дождал хлеб, потом свернул чистую тряпицу, в которую тот был завернут, и начал разбирать вожжи.

Алексей затоптал окурки и, подойдя к телеге, тронул Осипа за рукав. Тот удивленно обернулся.

— Здравствуйте, дядя Осип, не признали?

Осип нахмурился, чувствуя, что от этого парня так просто не отвяжаться и, судя по всему, придется чем-то помочь, потому как знакомый или, не дай бог, забытый родственник жены. А помогать, естественно, ничем не хотелось, и он спросил:

— Ты чей будешь-то? Чой-то я тебя не припоминаю? Часом, не обознался?

— Да тетки Килины я племянник, Алексей! Ну, через двор! Неужто совсем забыли? Я тогда еще пацаном бегал... Вспомнили?

— А-а-а... Килины... Племяш, значит? — с явным облегчением вздохнул Осип. — Да-да... Ну и что?

— Вспомнили! — искренне обрадовался Алексей. — Вы меня еще однажды крапивой отходили, когда мы с пацанами на огороде...

— Ну, вспомнил не вспомнил... Не время мне в гадалки-то играть. Домой пора трогаться — надо еще за-светло поспеть. Ты, это, давай дело говори: Килине чего сказать или передать желаешь, так давай. А просто подошел, на том и спасибо. Ну и распрощаемся...

— Да нет. Сам вот к тетке с городу добираюсь. Возьмете?

— Сам... Вишь ты. Что у нас делать-то будешь? Ты вона какой городской. А мы от землицы...

— В городе-то, дядько Осип, сейчас толку мало. От немца вот едва ноги унес. Да и кто знает, чего дальше будет... Угощайтесь.

Осип одобрительно крикнул и запустил давно не мытые, заскорузлые пальцы в предусмотрительно подставленный Алексеем кисет. Закурили.

— Оно, конечно, так... Так ведь и в деревне-то не весело. — Осип быстро оглянулся по сторонам и длинно сплюнул.

— Так какое мне веселье?! Подхарчиться малость. Да и Килине, может, помочь. Так возьмете?

Осип не торопился с ответом, что-то обдумывая и прикидывая.

— Ты теперича сам-то из каких будешь? Из энтих? — И он кивнул куда-то в сторону центра городка, где располагались недавно открытые советские учреждения. — Альбо еще из каких?

— Не, мне ни до тех, ни до «энтих» дела нет. У самого дел по горло. Да возьмите ж! Дядько Осип! Не развалится телега ваша.

Осип понял, что от Алексея все равно не отвязаться, и махнул рукой — ладно, мол, садись.

Алексей обрадованно закинул в телегу чемодан, перевязанную веревкой тоненькую стопку книг и сам пригнулся на пустых мешках, устлавших дощатое дно телеги.

Осип еще раз покосился на него, вздохнул о чем-то своем и хлестнул вожжами по спине кобыленки:

— Но-о... Холера...

Телега продребезжала по булыжникам мимо низких домиков, спрятавших окна в кустах палисадников, мимо старой сторожевой башни и выкатилась на мощенное брусчаткой шоссе, обсаженное по краям стройными липами.

— Паны построили,— полуобернувшись, кивнул на шоссе под колесами Осип,— а энти пришли, говорят: «Со-ци-лизм вместе построим...» Во! Не слыхал, что за штука такая?

— Нет,— соврал Алексей,— не слыхал. Сейчас много чего говорят.

«Рано мне с ними политграмотой заниматься,— подумал он.— Дело покажет, что к чему. А вот что этот старый бес никогда не слыхал про социализм и не знает, что это такое, поверить трудно. Щупает, кого везет. Ох и недоверчив!»

Через некоторое время они свернули на проселок. По сторонам разбитой грунтовки потянулся кустарник. Постепенно он становился все гуще, а дорога уже. Незаметно начался лес. Телега мягко подпрыгивала на кочках, переваливалась через корни, вылезшие на дорогу. Теплая, чуть желтоватая от солнца, увядших листьев и жухлой травы лесная тишина настраивала на спокойный лад. Вот так бы лежать в телеге, глядеть в небо, провожать глазами летящие листья и не думать

ни о чем. «Может, и нет никакой банды? Или ушли они давно отсюда? Разве не могли ошибиться там, в Минске. Тишина-то здесь какая!»

Лошаденка Осипа споро тянула телегу. Лес по сторонам дороги потемнел, стало смеркаться.

— Дядько Осип, а у вас часов случаем нет? Сколько там? — Своих часов у Алексея, естественно, не было.

Вопрос оказал какое-то странное действие. Осип сразу сжался, втянул голову в плечи, осторожно повернулся к полулежавшему в телеге пассажиру и с подозрительной опаской посмотрел на него.

— Нету у меня часов! — зло буркнул Осип, отвернувшись от Алексея. — Нету! И не было никогда! И не нужна мне эта гадость! Мне и так хорошо, без стрелочек этих, с колокольцами. А предложил бы кто — так даже погоню с порогу. Без них хлопот хватает...

Осип разнервничался. Он-то, конечно, сразу после пожара часы, что принес из панского имения, в отхожее место сбросил. Разное люди говорили: слышать было, что Акима за вещи, взятые в имении, порешили. Так уж лучше от греха... Потом понял, что промашку дал. Надо бы незаметно назад возвратить. Да не вылавливать же их теперь из выгребной ямы?! Но затаенное беспокойство точило Осипа. И вот теперь этот мальчишка. Может, он...

— Ну нет, так нет, — успокоил Осипа удивленный Алексей. — А чего в деревне нового? Как там?..

— Нового полно, — неохотно ответил Осип, — так и думаешь, куда бы выплеснуть. Сам все узнаешь... Чего лясы-то точить...

На самом же деле Осип был не прочь поговорить. За разговором оно и дорога покороче. Но теперь молчание лучше. Особенно с незнакомым. Кто его знает, кто он теперь будет, племяш-то этот? А молча все целее будешь!

Алексей понял, что расспрашивать Осипа бесполезно, и снова засмотрелся на дорогу. Представил, как бы он написал все это. Маслом. Нет, лучше акварелью. Он возьмет эту полянку с желтыми, как капельки засохшей смолы, поздними цветами и нарисует ее с правой стороны. Что будет держать центр, всю картину? Вот тот черный ствол дуба на краю поляны. Он так его и напишет, корявым, с дуплом и наростами. Только вон тот, правый нарост он уберет, он лишний и не вписывается в пейзаж. Впрочем...

Алексей мгновенно забыл о своем наброске. «Нарост» отделился от ствола. Это был человек. Он пошел им навстречу. За ним появился второй.

— Стой! — приказал первый, когда они подъехали к нему.

Осип натянул вожжи. Кобылка послушно встала, поджав переднюю ногу и потряхивая кудлатой гривой. Алексей привстал в телеге и внимательно взглянул через плечо Осипа на того, кто отдал им приказ.

На дороге стоял кряжистый мужчина в темной долгополой шинели грубого сукна. На околыше квадратной фуражки белым пятном пластался орел. Мужчина сделал шаг вперед и поднял карабин. Черный, такой несерьезный издали дульный срез остановился на уровне груди Осипа. Тот разом вспотел, зажмурился и стал тихо шептать молитву.

Алексей оглянулся. Второй, помоложе, в кожаной куртке, стоял сзади.

— Кого везешь? — тот, что постарше, по-хозяйски взял лошадь под уздцы, держа карабин одной рукой.

— А-а-а... Этот, что ли? — Осип открыл глаза и кивнул на своего единственного пассажира. Ему вдруг захотелось, чтобы время невообразимо растянулось, чтобы спокойно сесть и подумать, сообразить, как из всего этого выпутаться. Осип уже забыл и о том, что у него могут отнять вырученные на базаре деньги. Тень утопленных в нужнике часов тяжело сдавила его душу, заставила жалко дрожать голос.

— Да сродственник... Не, не мой! Килины с нашей вески... Племяш ее... — Осип быстро облизал пересохшие губы. — С городу к тетке подается. На базаре пристал... Ага...

Он ждал, что следующим вопросом... И тревожно вглядывался в лица лесовиков. Ни старого, ни молодого он не знал. Это его и радовало, — может, все и обойдется, — и пугало, как все незнакомое.

— Племяш? А ты не врешь?

— Брони боже! Как можно обманывать пана!

— Ну это мы сейчас посмотрим, можешь или нет... Эй!.. — Тот, что постарше, обратился к Алексею: — Племяш! Документ маешь?

— Имею, — быстро кивнул Алексей и протянул паспорт. Старый, потертый польский паспорт, с визами на жительство в Варшаве, Кракове, отметками полиции и жандармерии доброго десятка польских воеводств, где

проходили гастроли его цирка. Этот его паспорт разыскал и вручил ему перед отъездом Астахов.

— А вы кто будете, панове? — пока старший читал паспорт, спросил Алексей.

— Власть местная, — усмехнулся молодой.

— Это ж которая? — «удивился» Алексей.

— Настоящая! — хмуро отрезал старший. — Ты что, ничего не понимаешь, что ли?

— А что сейчас поймешь, панове? — притворно вздохнул Алексей. Из паспорта выпал железнодорожный билет. Молодой нагнулся, поднял, повертел.

— С Белостоку едешь? — Голос у него был с простудной сипотцой.

«Стынет, наверное, в болотах», — подумал Алексей. И еще раз подивился предусмотрительности Астахова. Вне всякого сомнения, человек, едущий с запада, а не из Минска, вызывал у стоявших перед ним меньше подозрений.

— Так есть, панове. С Белостоку...

— В войске был? — кивнул на солдатские ботинки Алексея старший. — Жолнеж?¹

— Где то войско, панове? — уклонился от ответа Алексей. — Едва ноги унес. Подался до тетки, а тут уже русские...

— Это что? — Молодой бесцеремонно поддел тесаком крышку чемодана. Концом клинка перевернул бедные пожитки. — А то? — И он ухватил тощую связку книг, напрягая глаза, прочел в сумеречном свете по-польски: «Цирковая магия и иллюзион». — Это что, фокусы, что ли?

— Так есть, пан. Фокусы.

— Фокусник?! — вдруг зло ощерился пожилой. — Может, с чужой землей фокусничаешь! Голытьбе раздаешь?!

— Что вы, панове! — Алексей изобразил испуг. — Я в жизни фокусами не занимался. Я выступал с оригинальным номером «Борьба самураев»...

— Оставь, то не он... — примирительно сказал молодой.

— Ишь борец выискался! Самурай... — Старший с недоброй улыбкой посмотрел на не слишком внушительную фигуру Алексея. Видимо, он уже понял, что ни на землемера, которого они ждали, ни даже на захудалого лектора-пропагандиста парень не тянет.

---

¹ Солдат (польск.).

— Ладно, проваливай...— сунув паспорт, скомандовал он и шагнул в сторону.

— Езус-Мария! — прошептал враз оживший Осип, быстро перекрестился и, привстав, ударил лошадь.— Но-о-о!

Колеса запрыгали на колдобинах. Лошадь загнанно хрипела. А Осип все подгонял и подгонял ее, тревожно оглядываясь назад — а вдруг они просто забыли про него и сейчас вернут, спросят про часы...

— Фу-у... Сцибло им в тыл!.. Так ведь и убить могли...— Уже порядочно отъехав от того места, Осип перестал нахлестывать кобылу, сразу перешедшую на шаг. Отер обильно выступивший пот.

— Убить? За что? — подвинулся к нему Алексей.

— За что?! — Осип сплюнул.— А так...

— И кто это был, а, дядько Осип? — Алексей попробовал зайти с другого бока, чтобы получить хоть какую-то информацию.

— Любопытный ты! Погоди, поживешь тут, сам узнаешь... В лесу тоже, я слышал, уши есть. А я на тот свет не тороплюсь... Кто да кто...— Но пережитое Осипом напряжение требовало выхода, и он не мог не говорить.— Знаешь как: в суде крючки, в лесу — сучки, в земле — черви, а в болотах — черти... Ага...

— Какие черти?

— Болотные, знамо дело...— хохотнул довольный собой Осип.— Понял?

— Вполне...

Стало ясно, что больше от Осипа ничего путного не добьешься. Но тот через некоторое время, когда уже проехали старый замшелый крест, стоявший недалеко от деревушки, вдруг заговорил сам:

— Не ко времени ты едешь... Нету здесь спокойствия,— уловив немой вопрос Алексея, только махнул рукой.— Нечего объяснять... Только ехал бы ты назад.

Осип сказал это с такой тоской, что Алексею на миг стало не по себе. «Если уж и Осип предупреждает, значит, Астахов не ошибся. М-да, вот и первая встреча... Но с теми ли? А, ладно, главное, что я уже здесь, а не остался там, на дороге. Только уж больно хмур Осип. Случилось тут что?»

Они въехали на пригорок, за которым начиналась их деревушка. Здесь было светлее, чем в лесу. Алексей почувствовал волнение от встречи с чем-то давно забытым, призрачным, почти нереальным. Здесь прошла часть его

детства, здесь ему открывался мир, и о тех чистых и светлых минутах он вспоминал, когда ему было совсем плохо.

Солнце уже заходило, и сверху казалось, что воздух, наполненный желтизной, окутывал все: дома, деревья, дворы, сараи. Купола деревенской церквушки, стоявшей на другом конце, от этих закатных лучей светились как золотые. Рядом и чуть ниже, тусклым серебром мерцали бревна старой кладбищенской часовенки. И среди этого спокойствия, ближе к околице, как загнившая язва, чернело пепелище...

— Но-о! — Осип снова подстегнул кобыленку.

Они подъехали к его двору.

— Дальше сам пойдешь. Не забыл дорогу? — Осип спрыгнул с телеги. Алексей тоже слез на землю, взял под мышку чемоданчик с вещами, связку книг.

— Спасибо вам, дядя Осип! Очень вы меня выручили.

— А что, при новой власти все за спасибо делается? Альбо как? — Осип рассерженно посмотрел на Алексея.

Тот удивился. Обычно, когда по пути, деревенские денег не требовали. Тем более после таких приключений, в которые они вместе попали. Но спорить не стал.

— Тебе в каких? — спросил он и достал вместе с советскими рублями польские злотые и даже несколько мятых немецких марок.

Осип растерялся. По нынешним временам в этих новых деньгах, конечно, сподручнее. А вдруг как перевернется все и понадобятся в старых бумажках деньги? Куда он тогда эти, советские, денет?

Наконец сошлись. Половину сговоренной цены хозяйственный Осип взял в привычной польской валюте, половину — в рублях и копейках...

Теткин двор встретил тишиной. Покосившаяся ограда поросла лебедой и уже пожелтевшими мясистыми лопухами. В подслеповатых окошках избы теплился свет. Алексей еще раз оглянулся на свежее пепелище и толкнул скрипучую дверь.

В избе — неверный, колеблющийся свет свечей и чей-то глуховато бубнящий в полумраке голос:

— ...во смерти нет приемствования о тебе: во гробе кто будет славить тебя? Утомлен я воздыханиями моими. Иссохло от печали око мое...

Читали псалтырь по покойнику.

Алексей невольно вздрогнул и осмотрелся. Чинно по

стенам сидели на некрашенных лавках одетые в темное старушки. На столе закрытый, неструганый, видимо, сколоченный наспех гроб. В изголовье оплывала воском тонкая церковная свеча. Читавший псалтырь мужчина остановился и, повернувшись к вошедшему, посмотрел на него, щурясь за стеклами очков в проволочной оправе. Повисло гнетущее молчание.

«Господи! Неужто Килина померла? — обмер Алексей. — Чего же теперь делать?!»

Одна из женщин поднялась и подошла к нему. Вгляделась и, тонко всхлипнув, припала к его груди:

— Алеша! Родненький! Приехал...

Алексей смог только кивнуть, обнимая сухонькие старческие плечи тетки. Горький горячий комок встал в горле, мешая говорить. Наконец он хрипло сказал:

— Я это... Здравствуй... Я...

Килина отстранилась, как слепая провела руками по его лицу, плечам, груди и снова обняла:

— Я уже всех угодников обмолила... Чтоб спасли тебя и сохранили. Услыхал господь мои молитвы — живой! Ну пойдем, пойдем...

Они вышли на крыльцо.

— А это... кто? — глухо спросил он, кивнув в сторону хаты.

— Сосед мой, Аким... Да ты и не помнишь небось? Хата его рядом была...

— Погорел?

— Нет... — Тетка, отстранившись, утерла глаза краем платка. — Убили его давесь. А хату сожгли...

— Кто?

— Кто ж их знает?! Люди говорят, банда у нас тут в болотах, за лесом... Ночью було... А в утро — пожар...

Второй раз за сегодняшний вечер он встречался с бандой. И так страшно! А тетка, мелко крестясь, говорила:

— ...По-христиански все надо-то. Собрали вот его по-соседски. Батюшки-то нету — пропал наш батюшка. Вот Паисия Петровича попросили почитать над упокойником... По-христиански надо... Пойдем, провожу, умоешься с дороги-то. Голодный небось? Поесть надо...

Тетка, ласково приговаривая, повела его на другую половину избы. Сзади них снова глухо забубнил над псалтырем местный грамотей Паисий Петрович.

Алексей поставил в угол свой чемодан, пристроил сверху связку с книгами и тяжело опустился на лавку,

слушая немудреный рассказ тетки о том, как покойный Аким взял что-то в панской брошенной усадьбе. А потом налетели, пожгли. За разговором тетка не забывала собирать на стол. Перед Алексеем появилась холодная картошка в чугушке, пожелтелые поздние огурцы, ноздреватый хлеб, небольшой глечик с молоком.

— Как теперь жить-то будем, и не знаю! Есть до нас новым властям дело или нет? Слышать там что в городе-то? Ты ешь, ешь.

Тетка села напротив и, подперев голову рукой, жалостливо смотрела, как он жадно ел, двигая желваками на осунувшемся лице.

— Есть, наверное, тетя, есть...— Алексей подвинул к себе чугунок с картошкой. Еще по дороге сюда он решил ничего не говорить Килине. Пусть и она поверит в его легенду. А там будет видно.

— Й-й-й...— махнула сухонькой ладошкой Килина, — власть-то, она где? А энти, из болота, — вот они, рядом!

Алексей невольно покосился в сторону, куда махнула тетка.

— Почему вы, тетя, знаете, что они тут рядом, в болоте? Видели их, что ли?

— Нет, я, слава богу, не видала... Люди говорили. Боятся теперь мужики в усадьбу ходить. Да и в лес-то без охоты идут. А зима, а дрова... Ох, лишенько... Скажи, милый, лучше, ты-то как? Здоров ли?.. Небось ученым стал?

— Скажете, тетя. Какой с меня ученый? Так — недоучка... Время-то тревожное, не до учености, лучше здесь переждать, поспокойнее...

— Нашел покой! — поджала губы тетка. — Поляков побили, за кордоном он — германец, а я его, лютого, с той войны помню. В лесу — банда, за лесом — болота, а за ними — новая власть. Приезжали тут прикордонники от новой-то власти. Ничего, справные... Говорили, к зиме болота подмерзнут — выкурим банду, а то и ране. Мол, не попустит власть. Ох да пока солнце взойдет — роса очи выест...

— Выкурят, тетя, не выкурят их с болота, а жить-то надо. Побуду у вас пока, по хозяйству подмогну чего надо.

— И когда она, жисть-то, будет? — вздохнула тетка, прибирая со стола. — То одного боялись, то другого... Слышь, Алеша, а не слышать, надолго эта власть-то?

...Лежа на старом сеновале, где постелила ему тетка,

Алексей снова перебирал в памяти события последнего дня.

Ходившие по небу тучки все же сгустились. По крыше сначала робко, будто пробуя, ударили первые мелкие капли дождя. Потом они, словно осердясь, застучали чаще, требовательней, и наконец их дробный перестук стал монотонным, мерным, как ровный шум недалекого, еще не совсем голого леса. И, утомленный впечатлениями дня и своими раздумьями, Алексей заснул...

ЖИВУНЬ

Ну и погода — так и сечет косым мелким дождем. То ли есть луна, то ли полное безлунье — поди разберись в этой сырой похлебке.

Да и сама ночь какая-то необычная. Страшно...

Человек, закутанный в длинный плащ, был почти неразличим на пустынной дороге. Впрочем, он сам старался быть как можно менее заметным. Шел не по колее, а, несмотря на сырость и моросящий дождь, жался ближе к деревьям и кустам.

Иногда ему казалось, что чавкающий звук шагов разносится далеко окрест. Тогда он останавливался, прислушивался. Но вокруг только скрипящие крики какой-то ночной птицы, глухие лесные шумы. Да временами тяжелая одышка болот накрывала все остальные звуки. Человек еще больше кутался в плащ с поднятым кургузым воротником, пытаясь укрыться от всех ночных страхов. Только разве поможет воротник, ежели страх этот внутрь, в душу забрался?

Сырая вязкая темнота. И даже гнилушки, к которым он за эти ночные переходы привык, сегодня не светились.

Страшно...

Но самое жуткое — это мысли. Мысли, которые приходят в такие часы. Гнать их, гнать! Ведь он хозяин положения. Как эти людишки сегодня утром дрожали. И правильно — один высунулся — другим неповадно будет. Он смотрел на них и чуть не смеялся. А пришлось притворяться. Тоже вселенский страх изображать. Ох, как бы хотел он, чтоб они узнали, кто привел «болотных духов» в деревню. И тогда ужас вселился бы в них. И при одном только его виде все бы вздрагивали и уважительно кланялись ему. Но нельзя, нельзя себя раскрыть, таиться надо. «Дух болот» тоже к любому не придет, не доверится.

Как он презирает это быдло! А они еще прогнозы строят, мечтают в люди выбиться. Мечтают — и у него совета не спрашивают. Спросят! Еще как спросят. Узнают, кто хозяин! И что он может. Скорей бы этих красных убрать...

А если не уберут? Ведь и им кто-то помогает. Пока они охотники, а он дичь. Не поймали, не знают. Да чего там знать. Стоит кому увидеть да в живых остаться — вот тебе и вся тайна. «Духу болот» хорошо — он ушел за кордон — и поминай как звали. А ему что делать? Русские тоже не дураки. Газеты хоть и редко, да почтальон на своем стареньком велосипеде привозит. Брежут, конечно, как хорошо там у них, читаешь — так просто рай! Но про разгромленные «контрреволюционные белопольские группы» похоже на правду — вон какие слухи. Так что ж будет с ним? А ну как прознают прикордонники, что он помогает «духам»?! А могут ведь и людей не убить, а живыми взять. Помилуют ли они его, будут ли молчать? Как же, с потрохами продадут! И вот приедут за ним на машине двое с винтовками. Нет, с револьверами, и скажут, чтоб собирался. Потом в сырой подвал повезут. И начнется. Чего ни расскажи, все одно — не поверят. А потом выведут его во двор, винтовки выставят и...

Вдали снова гулко глухо забулькал болотный газ. Человек ускорил шаги.

Не хочется вот так, в неизвестности, на грязном глухом дворе. Да и вообще не хочется. Может, повиниться? Все равно скоро в город надо ехать по делам. Там-то и повиниться?

Как же, нужна им твоя повинность. Зато, если Сам прознает, он отблагодарит. Если и есть тот свет, то и на том свете самому от себя жутко будет. Да и сделают ли тебя русские человеком? Был отбросом в глуши, так им и останешься. А здесь...

Но вдруг как прознают?..

Не надо про обещания забывать...

А как...

Человек подошел к неясно темневшему замшелому придорожному кресту. Нагнулся, пошарил под ним и, вынув небольшую плотно закрытую металлическую коробочку, вложил в нее записку. Сунул коробочку под крест, выпрямился, перекрестился, вздохнул, попытался поднять воротник повыше и пошел назад, в сырую темноту ночи...

11 октября 1939 года

27-Й КИЛОМЕТР ШОССЕ БЕЛАЯ ВЕЖА — ПОДЛОЗЬЕ

Понятно, что Сергею Дмитриевичу следовало бы остаться в Минске. Это не самая крупная операция. Приказа, похожего на данный полковнику, никто из главарей известных бандитских формирований не получал — это Астахов точно узнал через своих людей.

За столь короткое время можно, конечно, попытаться перебросить через границу небольшую группу для выполнения задания по добыче документов. Но разведку перед операцией за столь короткое время провести просто невозможно. Значит, «работать» должна группа, которая уже действовала здесь. А ею может быть только болотная банда, плотно зажать которую Астахову никак не удавалось... Родилась одна идея. Получится — значит, Астахов прав. Тогда болотная банда — разведывательно-диверсионная группа немцев. Вывод достаточно прост. На поверхности. Но к начальнику с одними логическими выкладками не пойдешь, он факты любит.

Так что логика оставалась логикой, а они с Петром Николаевичем разработали, раздав на пару дней остальные дела подчиненным, внешне незатейливую, но вполне надежную операцию.

В местах вероятного нападения было под разными предлогами полуофициально объявлено о выдаче новых паспортов.

Срок выдачи документов приближался, но ничего не проклюнулось. Астахов и Рябов начали одну за другой снимать ловушки. И вот наконец начальник областного управления милиции Алексеев из Белостока сообщил, что в небольшом городишке Подлозье участковый уполномоченный заметил подозрительного человека. Меры, принятые к его задержанию, успеха не имели. Незвестный сумел затеряться среди низеньких домишек окраины, окруженных садами, огородами, заборами.

Это, собственно, только подтвердило предположения Астахова.

На Подлозье выбор пал не случайно. Дорога туда очень извилистая, кустарника много. И болота рядом. Удобно для засады.

А опасливые сельские дядьки уже разнесли по окрестности весть: «Всех будут переписывать. Уже бумаги везут с печатями!»

Астахов и Петр Николаевич несколько вечеров лома-

ли головы, продумывая каждую деталь контрзасады...

Вскоре в деревнях стали называть дату и даже — правда, туманно — время, когда повезут документы. Бабки крестились, удивленно качали головами, старики недоверчиво усмехались, поглядывали исподлобья крепкие хозяева. Шумела молодежь. Казалось, что с появлением новых бумаг все переменится.

...Секреты, выставленные у дороги, по которой якобы должны были везти бланки документов, сообщили, что утром из болота вынырнула, как призрак, разведка банды. Секреты согласно инструкции беспрепятственно пропустили их туда и обратно.

Астахов понял — клонули... Неуловимая болотная банда сама себя выманивала. На такую операцию, если они профессионалы — в этом сомнения у него уже почти не было, — надо идти большой силой, в их случае — всем составом. Тут их и встретит контрзасада.

Уничтожается очаг напряженности, выясняется система их действий и детали работы. В разведке знание системы действий врага — как точное определение возбудителя болезни — во сто крат легче бороться. Будут спасены жизни многих людей. Да и парнишка, пока не нащупавший пособников этих «болотных», успеет еще в Москву, учиться.

Контрзасада расположилась у шоссе, подковой охватив небольшую поляну, примыкавшую к топи.

Банда должна была выйти прямо на них. Другого пути у нее просто не было: болота...

Над землей висел реденький блеклый туман. До проезда «колонны» оставалось совсем немного. Астахов лежал недалеко от Рябова.

— Они в другом месте могут ударить? — едва слышно прошептал Петр Николаевич. Они находились в мобильной группе у рации.

— Не должны. Топь кругом, — так же тихо откликнулся Астахов. — Самое рациональное — ударить именно здесь. Профессионал всегда рационально поступает.

Но его волновало другое.

У банды не оставалось времени для второй разведки. Следовательно, либо не будет нападения, либо они хотят развернуться сразу, без повторного прощупывания места...

Легкомысленно? Нет, странно! Астахов ожидал, что бандиты сделают засаду раньше. А их нет до сих пор...

Почему же нет банды?

— Петр Николаевич, давайте-ка к отсеченной группе. Помните: главное — не торопиться. Замыкайте кольцо, когда выйдут все...

Петр Николаевич кивнул и, загребая голенищами сапог палую листву, быстро пополз в кусты. Шевельнулись ветки, мелькнули косо стоптанные каблуки его сапог, и он пропал.

По плану, той группе задача вышла нелегкой. Но там два опытных помощника будут у Петра Николаевича. Они смогут тактично помочь.

Но почему нет банды?

Астахов поудобнее устроился на травяной подстилочке. Ай да Рябов: матобеспечение группы — просто гениальное, все мелочи продумал. Даже лежать, и то есть на чем, не сыро. В такой роскошной засаде Астахову, признаться, не приходилось бывать. В прежних быт был на нуле. А тут...

Почему нет банды?!

Туман поредел. Верхняя его часть потянулась космами и начала таять. А нижняя стала еще плотнее, словно спрессовалась, прижалась к еще не остывшей сырой земле. Где-то над головой тонко звенел на ветру засохший лист.

Астахов поднял к глазам бинокль. Всмотрелся. Ничего нового, кроме тумана, не увидел и с досадой отложил бинокль в сторону. Хотелось курить. Но...

— Товарищ Астахов, — шепотом обратился радист. — С дальнего секрета подан условный сигнал. Идут.

Так... Оттуда только одна тропинка — прямехонько на них. И передвигаться никуда не надо. Теперь сколько? Один... два... три... четыре... — Астахов приказал условным сигналом при появлении банды давать количество — чтоб с разведкой не перепутать, — семь, восемь. Все. С других секретов сообщений нет.

Сигнал: «К бою!»

Как по заказу, пробежал легкий ветерок, разгоняя прижавшийся к земле туман. Все складывается хорошо. Даже слишком.

Издалека послышался легкий чавкающий звук. Кто-то, оступившись, хлюпнул сапогом по болотной жиже. И больше ни звука. Грамотно работают, ничего не скажешь.

Лицо лежавшего слева бойца, молодого парнишки, побелело. Пальцы, сжимавшие шейку приклада, напряглись. Впервые боя ждет. Астахов коснулся рукой его

плеча и ободряюще подмигнул. Тот ответил вымученной улыбочкой и снова уставился в туман.

Вдалеке замаячили темные фигуры. Один, выделяющийся ростом, шел в середине. «Полковник»? Ну, Петр Николаевич, не подведи!

Астахов подтянулся на локтях, поудобнее пристраивая пистолет.

Темные фигуры сейчас выйдут из-за кустарника.

Тишина...

— Товарищ Астахов! — вновь радист. — Застава с правого фланга передает сигнал «Вижу движение».

Движение? Какое может быть движение по непроходимой топи?

Удар с тыла? Почему нет счета, сколько идет? А потому, что идут они в топь. Уходят? Но кто?

Быстро. Главное — использовать последний шанс. Ну?!

— Стой! Бросай оружие! — как по часам. Ай да Петр Николаевич, ай да ребята!

И началось...

Пули с цвikanьем засекли над головой, засыпая шинель кусочками коры и мелкими сухими веточками. Гулко стукнула винтовка лежавшего рядом бойца. Фигуры на поляне, стреляя от живота, пригнувшись, кинулись в разные стороны. Двое или трое упали.

Словно проснувшись, забился в хриплом басовитом кашле пулемет, прижимая банду к земле, не давая расползтись. Бандиты залегли и отстреливались. Но отстреливались как-то судорожно, беспорядочно. Чувствовалось, что шоковое состояние еще не прошло. Надо действовать решительно и быстро.

— Вперед! Брать живыми! — Астахов вскочил и бросился с бойцами к кустарнику, откуда велся огонь.

Он не надеялся, что удастся всех взять живьем. Растерянные, а все же опытные, этого у них не отнимешь. Хоть бы парочку-троечку захватить.

Астахов задел какую-то корягу. Споткнулся. «Черт! — на бегу со злостью подумал он. — Ничего не видно. И эти еще уйдут!»

Рядом топали сапоги красноармейцев. С другого бока тоже зачастил пулемет, отсекая банде обратную дорогу в болото...

...С высоким Астахов столкнулся неожиданно. Тот словно вырос из тумана. Он вскинул автомат, вскрикнув с ненавистью что-то неразборчивое, одновременно пере-

дернув затвор («Зачем? Только что стрелял», — мелькнуло у Астахова), и, прижав оружие к боку, с силой нажал на курок.

«Я в комнате свет не погасил», — неожиданно и отстраненно подумал Астахов...

Вместо выстрела раздался сухой щелчок. Заклинило! Не любят эти машинки резкости. Высокий еще раз передернул затвор. Но время, что отпустила ему судьба, уже кончилось. Он еще попытался, увидев, что выстрелить не успеет, оттолкнуть противника, ударив его с лета тяжелой ручкой в грудь. Астахов увернулся и резко дернул высокого за плечо, подставив ногу. Тот уронил оружие и, выставив вперед руки, как слепой, тяжело грохнулся на землю. Сергей Дмитриевич надел на него сверху. Он схватил широкие запястья своего противника и резко вывернул их назад. Высокий взбрыкивал, пытаясь ударить затылком в лицо, надсадно сипел. Зацепив ногу своего противника, бандит вдруг резко вывернулся, и они покатались по земле. Астахову заложило нос запахами кислой овчины, чеснока, вонючей самогонки, немытого тела. Высокий рванулся. Вскочил. В его руке блеснул короткий широкий кинжал. Он бил сверху, коротко и быстро, вкладывая в удар вес своего тела и силу ненависти...

Астахов едва успел отклониться в сторону. Холодное лезвие распороло рукав шинели, чиркнуло острием по плечу. Разгибаясь, как пружина, он ударил высокого в пах...

Широко открыв рот, тот согнулся пополам и начал беззвучно валиться на Астахова. Он поймал его за ворот куртки и резко стукнул ребром ладони по шее, под ухом. Утробно хрюкнув, бандит обмяк.

Когда Астахов вывел пленного, стянув ему руки его же брючным ремнем, на полянку уже подтянулись бойцы. Они с интересом смотрели на задержанного — здоров детина! Тот же шел, скривив шею и болезненно морщась от каждого шага, неуверенно переставляя дрожащие ноги. Свой пистолет Сергей Дмитриевич сунул в карман, автомат и кинжал высокого нес в левой руке. Правая начала ныть.

Соппротивление было подавлено. Но кто ушел в топь?

— Сбор за шоссе... — негромко приказал Астахов. Здесь оставаться было бессмысленно. Маловероятно, что ушедшие могли снова вернуться. — Секреты отозвать.

За шоссе красноармейцы снесли пятерых убитых

бандитов к корявому высокому пню. В другой стороне под охраной стояли трое пленных. «Как по заказу»,— грустно усмехнулся про себя Астахов.

Рябов был уже здесь. Встопорщенный, с оторванной пуговицей на шинели, он носился, давая распоряжения красноармейцам. Таким Астахов аккуратиста Петра Николаевича еще не видел.

При появлении Астахова он кинулся к нему. Увидев кровь, чуть побледнел:

— Здорово задело, Сергей Дмитриевич?

— Ничего, не смертельно... Потери?

— Одного легко ранило. Одного тяжело. Да вот вас...

Около Астахова уже хлопотал санитар, разрезая рукав, перебинтовывая руку.

— Товарищ Астахов, разрешите...— К их штабному пеньку подошел сержант, отвечавший за секреты. Он был мрачен.

— Что случилось?

— Разрешите доложить?!

— Да докладывайте же, черт побери!

— Пятый секрет не возвращается. На условные сигналы не отвечает.

Астахов молчал. Пятый секрет — это здесь, с этой стороны шоссе в зарослях у болота, метрах в ста отсюда. Почему они не идут к месту сбора?!

— Сколько там человек? Кто старший?

— Трое. Старший — сержант Когут.

— Выяснить и доложить. И побыстрее, мигом!

— Есть...

«Что там еще случилось? Опять сюрприз? А шло все так хорошо. Может...» — додумать Астахов не успел.

...Ду-ду-ду... ду-ду... ду-ду-ду...— гулко застучало откуда-то из глубины болота смертельным боем пулемета.

Астахов, крикнув «ложись», потянул на себя Рябова. Падая, тот дернулся всем телом. Тяжелые пули шмелями шумели в кустах, шлепались о стволы. Вразнобой ударили в ответ винтовки. Неизвестный пулемет сделал еще три недлинные очереди и замолчал...

Петр Николаевич, полежав в тишине, завозился и поднялся. Болезненно морщась, ощупал голову и с жалостью посмотрел на свою окровавленную ладонь.

— Откуда стреляли? Сержант! Быстро людей в цепь.— Астахов левой рукой неуклюже вытаскивал из кармана шинели за что-то там зацепившийся писто-

лет.— Рябов, да ложитесь вы. А то в следующий раз не промахнется.

Петр Николаевич послушно шлепнулся на землю.

Когда стало ясно, что больше выстрелов не будет, Астахову доложили о потерях. Неизвестный пулеметчик прекрасно владел своим оружием. Первой же очередью скошил пленных. С ними погибли и два красноармейца охраны. Убило еще одного бойца, ранило троих. Рябова задело вскользь, разорвав кожу над ухом.

— Кто стрелял? — дергая раненой головой, спросил Петр Николаевич.

— Те, кого мы ловили, — мрачно ответил Астахов. Сердито стукнул здоровой рукой по земле. — Так опростоволоситься!

— Кто же знал, что их там до черта?! Своих ведь, гады, положили. Чтоб не сказали, значит, ничего... Такое дело...

— Распорядитесь, чтобы провели опознание убитых... Учиться нам надо воевать с новым противником.

— Дорога учеба-то, Сергей Дмитриевич! — Рябов помог встать Астахову. — Собак нужно. Хоть верхним чутьем, а поведут по болоту-то, пока следы свежие.

— Не в собаках дело! Базу их надо знать, базу! Не знаем мы еще местности как следует — они нас и научили. А собаки что? Поведут, конечно. Но могут ведь и на засаду вывести. Банда болота как свой двор знает... Скорее всего кто-то из местных у них в проводниках. Кстати, как там наш «художник»?

— Пока ничего. На место прибыл.

— М-да... А с немцами они связаны. — Астахов кивнул на трофейный кинжал. На синеватой золингеновской стали острый готической вязью темнели буквы: «Все для Германии!»

Подбежал, вытянулся по уставу бледный сержант.

— Ну?!

— Пятый секрет вырезан. Сзади их... кинжалами... Астахов резко поднялся.

— Кто отвечал за расстановку секретов? — спросил он сквозь зубы.

— Я... — Сержант еще больше побледнел.

— Пойдете под суд... Сдайте оружие и удостоверенные... — Астахов отвернулся.

— Товарищ старший... — заикаясь, начал было сержант.

— Идите! — не оборачиваясь, отрезал Астахов.

— Ну что ты, Сергей Дмитриевич? — взял его за рукав Рябов. — Ну, может, и не так виноват он? Мальчишка еще, не учел всего.

Астахов высвободился.

— Мальчишка?! Мы не во дворе в казаков-разбойников играем! Люди погибли... Не время быть всепрошенцами... Ладно, разберутся.

Сергей Дмитриевич отвернулся, зябко кутаясь в шинель. От потери крови его знобило и слегка подташнивало.

На островке, откуда стреляли, нашли кусок металлической ленты от немецкого МГ, с матово-желтыми стреляными гильзами, окурки и следы нескольких человек. Они петляли и наконец терялись в болоте. Попробовавшего было пойти по ним красноармейца едва вытащили из трясины, связав несколько поясов...

Опознание убитых бандитов ничего не дало. Погибших красноармейцев похоронили, как предписано уставом, с воинскими почестями. Астахов с потемневшим лицом и лихорадочно блестящими глазами готовился к разговору с начальством...

А по ночам то там, то здесь в болотах слышались выстрелы. Крестились женщины, поправляя огонек лампы у образов святых. Накинув на белое исподнее вытертые кожушки, прислушивались у дверей своих хат мужики. Оперуполномоченные в районах спали не раздеваясь и, заслышав далекую стрельбу, судорожно шарили под подушками, нащупывая рубчатые рукоятки наганов и ТТ.

Шел октябрь 1939 года в Западной Белоруссии...

«Г О Н Ч А Р» — «Д О Н У»

...По данным, полученным из проверенных источников, под псевдонимами «Полковник», «Шалун», «Мальчик» в картотеках немецких спецслужб проходит бывший сотрудник 2-го (разведывательного) управления белопольского генштаба полковник Барковский Станислав Казимирович. Приметы Барковского полностью идентичны приметам устанавливаемого вами лица. Из тех же источников известно, что в настоящее время Барковский с группой особого назначения действует на территории Советской Белоруссии. Район действия группы — по линии Белосток-Брест...

...Барковский Станислав Казимирович, 1895 года рождения, из дворян, вероисповедание — католическое.

До 1910 года семья Барковских являлась подданными Российской империи. В 1910 году согласно поданному прошению Барковские получили подданство Австро-Венгерской империи. Экстерном сдал экзамены за курс обучения в кадетском корпусе, Барковский Станислав Казимирович поступил в 1912 году в военное училище, которое окончил с отличием в 1915 году и был направлен в действующую армию. Тогда же начал сотрудничать с германской разведкой. В 1916 году Барковский, оставив австро-венгерскую армию, вступил в польские националистические легионы, сформированные Пилсудским. Был назначен на должность командира батальона. Но вскоре переведен в разведывательное подразделение.

В 1918 году Барковский находился в Магдебурге, где Пилсудский содержался в немецкой тюрьме. В том же году после провозглашения Польской республики и назначения Пилсудского временным начальником государства (22 ноября 1918 года) принимал активное участие в создании разведывательных подразделений белопольской армии.

После мая 1926 года, когда Пилсудский совершил государственный переворот и стал фактическим диктатором, Барковский активно работает во 2-м (разведывательном) управлении генерального штаба (референтура «Восток»), занимая различные ответственные посты. Последняя должность — начальник оперативного отделения.

Свободно владеет немецким, польским, итальянским и русским языками, может объясняться на английском, французском и испанском.

На территории панской Польши имел ряд поместий, в том числе в Западной Белоруссии.

Придерживается фашистско-монархических взглядов. Ярый националист. Осторожен, скрытен, уравновешен. Прекрасно владеет всеми видами оружия. Обладает большим опытом разведывательно-диверсионной работы.

Знавшие его лица отмечали увлеченность Барковского коллекционированием произведений искусства, особенно живописи и антиквариата. Имел богатую коллекцию, большая часть которой располагалась в западно-

белорусском имени. В данный момент она передана на экспертизу соответствующего отдела народного комиссариата просвещения. Однако судьба остальных предметов из собрания Барковского пока неизвестна.

Жена — Анна-Мария Барковская (урожденная баронесса Готтен-Заум) умерла в 1936 году во время родов второго ребенка.

Дети: Барковский Владислав Станиславович, 1923 года рождения. По последним данным — воспитанник военного училища. Судьба неизвестна.

Барковский Казимир Станиславович, 1936 года рождения. Находился на воспитании у родственников матери. Судьба неизвестна.

РЕЗОЛЮЦИЯ НА СПРАВКЕ

Тов. Астахов!

Принять все меры к немедленной ликвидации бандитской группы Барковского, обнаружению и изъятию похищенных ею ценностей. Плотнее «закрыть» поисковыми группами оперативный район. Усилить контроль за эфиром.

О данных радиоперехвата и всех поступающих сообщениях докладывать немедленно.

Зам. начальника управления

Егупов И. Г.

ЖИВУНЬ

Алексей проснулся от луча света, упавшего ему на лицо сквозь широкую щель в худой крыше сарая. Скопив глаза, увидел в дырку кусок неба, качающиеся ветки деревьев. Повисшие капли прошедшего дождя.

«Часов семь уже», — подумал Алексей и откинул старенькое лоскутное одеяло.

Прошуршал ногами по колкому духовитому сену. Раздвинув плотную завесу сохнувших на сеновале лечебных трав, отыскал заброшенные с вечера ботинки. Пробрался к проему слухового оконца и встал, осматриваясь.

Черная глубина недалекого леса уже наливалась на свету разноцветьем осени. Закричали где-то одна за другой птицы сонными, недовольными голосами.

Сырой туман сгустился, затяжелел, пошел в низину. Из него выплыла бревенчатая кладбищенская ча-

совенка, частокол покосившихся, темных крестов. Блестела маковка церкви.

У дома Килины собрался народ. Кутившие у крыльца мужики затоптали окурки и молча потянулись в хату.

«Похороны начинаются»,— догадался Алексей и спрыгнул на землю...

Родни у Акима не было. Хоронили миром. Да только мир на этот раз не таким уж великим оказался. Те, что побогаче, дело у себя на дворах нашли. Другие, может, и пришли бы, да вдруг как от «болотного духа» — так меж собой стали звать в деревне банду — кто появится. Иль хотя бы прознает...

В общем, собралось человек двадцать мужиков да баб.

Самым последним, как обычно, пришел Алфим, скорняк, «строивший» всей округе шубейки.

В доме приторно пахло тленом и хвоей. Собравшиеся почтительно, как полагается, постояли в молчании вокруг покойного. Хотя и не его дом, а все равно для него — последнее человеческое пристанище.

Мужики покрепче подняли домовину. Стали выносить из избы. Когда спускались с крыльца, гроб закрипел. Алексей непроизвольно вздрогнул: вдруг развалится, что делать? Домовину сколотили из неструганых досок. Гвозди — товар редкий, в хозяйстве необходимый — и потому их едва хватило.

Дождь кончился еще рано утром. Но было сыро и серо, хотя тепло.

Похороны шли тихо. Никто не причитал, не кричал в голос. Просто живые делали для мертвого все, что должны и смогли сделать.

Алексей тоже почувствовал эту строгую печаль. В своей не такой уж долгой жизни ему приходилось хоронить людей. И не редко. Отец, мать... Товарищи по подполью, его друзья... Но то было прощание с близким человеком, которого он знал живым и который в памяти так и останется живым навсегда. Здесь все было не так. Он не знал человека, чьи останки несли впереди. Для него это была встреча со смертью в ее чистом виде. Алексею казалось, что она, смерть, коснулась всех идущих за гробом удушливой своей тоской, скользнула холodom и по его лицу...

Он шел почти последним — приезжий,— всматривался в спины. Вспоминал, кто есть кто и что с каждым из них связано. Пытался угадать, как же изменились эти

люди, что у них на душе взяло верх. Каким стал идущий за гробом молчаливый лесник Филипп. Или Андрусь, Алексей его тоже сразу узнал — вечно тараторившего, дерганого мужичонку, которого постоянно за что-то отчитывала его дородная жена. Кем стали остальные? Кто сейчас для него друг, а кто может предать? Кто, в конце концов, человек Астахова, который даст хоть какую-то зацепку? Ключ Алексей повесил на шею еще утром, как проснулся. На коротком шнурке, темная дужка его чуть выглядывала из расстегнутого ворота рубахи.

Алексей покрутил головой, высматривая Осипа. Пришел он или нет? Не видно что-то. Вот и его двор, и сам он выглядывает из-за сарая, держа в руке поржавевший топор. Жена его повисла на плетне и, полуоткрыв рот, провожала глазами идущих на кладбище. Тут же вертелись их ребятишки. Алексей слегка поклонился Осипу, здороваясь. Тот кивнул в ответ, а потом, словно спохватившись, цыкнул на жену и ребят, загоняя их в дом. Все было ясно.

Алексей взглянул на девушку, шедшую чуть впереди. Взглянул и отвел глаза. Это была единственная девушка на похоронах. Увидел он ее еще вчера. А разглядел только несколько минут назад. Когда выносили гроб со двора, она, уже выйдя за калитку, вдруг обернулась. Конечно, обстановка совсем не та, чтобы с девушками в переглядки играть. Но в тот момент он словно перестал ощущать все, что происходило вокруг, а чувствовал только взгляд этих фиалковых, необыкновенно красивых глаз. Только на мгновенье... И потом старался не терять из вида ее стройную гибкую фигуру, которую не скрывала даже темная тяжелая одежда. Но девушка больше на него не посмотрела ни разу. Кто она? Алексей так и не смог ее вспомнить сразу...

Погост деревенский с редкими и неухоженными холмиками располагался на небольшом пригорке за околицей.

Яму мужики выкопали загодя. С ночи в ней собралась вода. Гроб поставили на краю могилы. Помолчали, прощаясь. Кто-то из баб всхлипнул. Паисий прочитал молитву гнусавым голосом. Изредка маленькие комочки земли с бульканьем падали в воду на дно ямы.

На веревках опустили скрипящий гроб в сырую могилу. Комья глины застучали по доскам, закрывая их. Скоро вырос небольшой холмик. В него воткнули крест.

Когда возвращались, к Алексею тихо подошел Паисий.

— Надолго в наши палестины?

— Пока не знаю,—неопределенно ответил Алексей.

— Да-да. Вы, я вижу, человек интеллигентный, не скромничайте, я вижу... Прошу заходить ко мне без стеснения. Заскучаете без общества, без книг. У нашего священника были презанятные книжицы. М-да. Храм закрыт, настоятеля нет, но у меня имеется некоторая библиотека. Буду рад... Очень, знаете ли, интересно было бы обсудить проблемы жизни, политики. А то здесь, сами понимаете, разговоры все больше о другом...

— Хорошо, найду как-нибудь.—Алексей было не до разговоров с этим деревенским интеллигентом, взявшим на себя роль священника.

Вежливо отказавшись от приглашения помянуть Акима, Паисий свернул по еще не просохшей дороге в сторону. Его дом был за небольшой рощицей, что росла недалеко от церкви.

Пропустив вперед остальных, Алексей поравнялся с теткой и, кивнув в спину девушке, уходившей по дороге в сторону леса, тихо спросил:

— Тетя, а кто это?

— А-а-а, Василина это. Филлипа дочь, не припомнишь, что ли? Она тебя года на три моложе будет. Только ты, Алеша, глаз на нее не клади, не надо...

— Почему? —спросил Алексей, вспоминая невысокую худущую девчонку, которая ничем не обращала на себя внимания. Тогда.

— Жених у ней есть.

— Кто?

— Да ты не знаешь его. С тобой почти одних годов...

— А где же он?

— Пропал где-то... Ну как война началась. Слышать было, что его пан с собой в войско взял. Может, загинул где, а может, нет.

— И что, уже свадьбу сговорили? — Новость о женихе была Алексею почему-то очень неприятна.

— Ишь любопытный...— заулыбалась Килина.— Не сговаривали. Филипп вроде и не против был, а Василина ни в какую... Вот так. Да только ты про нее лучше не думай. Не такую тебе надо.

— Да ладно вам, тетя, не жениться же я собрался. Так спросил. Нельзя, что ли?

— Знаю я, как парни про молодых девок просто так спрашивают.— И тетка мелко засемила вперед, улыбаясь про себя: «Вырос Алешка-то, на девок смотрит, жених уже. Может, и приведет господь внучат понянить?..»

За столом в хате у тетки Килины собрались мужики. В комнате пахло свежeweмытым полом и первачом. На столе стояла нехитрая закуска. Алексей сидел напротив Филиппа. Жаль, что не было Василины! Поглядеть бы еще раз в ее глаза... Но сейчас рядом с Филиппом сидел его старший сын Нестор. Вот его-то Алексей помнил хорошо. Высокий, как и его отец, с вечно спутанными волосами цвета ржаной соломы, с фигурой кулачного бойца, Нестор с детства был слаб умом. Говорят, он стал юродивым, когда на его глазах мать утонула в трясине. За те годы, что прошли, Нестор ничуть не переменялся. Такая же странная речь да детские ужимки.

Мужики степенно разлили самогон. Встали помянуть страдальца. Алексей не без труда выпил налитую наравне со всеми жгучую жидкость. Пил, разумеется, он и раньше. Пил не всегда то, что нравилось. Но подобной гадости ему пробовать еще не доводилось. Вторая кружка, правда, пошла полегче.

За столом велась тихая беседа. У Алексея расспрашивали о нынешнем житье-бытье под Советами. Он сдержанно отвечал. Когда разговор заходил о его планах, отвечал как можно уклончивей.

Стол начинал хмелеть. Но, словно сговорившись, никто не вспоминал, как сгинул Аким. Когда же пару раз кто-то обмолвился словечком о «болотных духах», все смолкли и повисала напряженная тишина. Потом разговор сворачивал на безопасную колею. Мужики снова выпивали и говорили о ценах, о приближающейся зиме, о необыкновенно теплой осени — в общем, о делах насущных.

Алексей старался внимательно прислушиваться ко всем разговорам за столом, хотя с хмелем бороться было все труднее. Только его односельчане по всей округе были известны своей осторожностью.

Филипп не давал пить блаженному сыну. Но несколько раз, когда он отвлекался или отходил, Нестор не без помощи соседей перехватил кое-что. Мужики иногда любили угостить Нестора немного, в меру — кулак-то у него был что твой молот. А если под хмельком чуток,

без перебора — начнет плести небылицы, да так занято, только за живот держись! Затем и подпаивали его слегка. Похороны — оно конечно, но и у живых свои развлечения!

— А чтой-то сегодня песен не поют? — вдруг спросил Нестор.

— Праздник, да не тот, чтоб песни распевать, — грустно с другого конца подал голос Алфим. — Иль забыл, Аким ведь...

— Аким песни любит, — вдруг нараспев, что-то вспоминая, проговорил Нестор. — Как гости к нему шли, я им свою любимую спел...

В-хате притихли.

— Очень им песенка понравилась... Если к кому еще гости придут, я и там... У меня еще одна песенка есть... — и радостно засмеялся.

Нестор замолчал и, не обращая ни на кого внимания, потянулся за огромным соленым огурцом.

— Да вы, люди добрые, не слушайте его, — Филипп попытался как-то сгладить тяжелое впечатление. — Сами знаете, плетет невесть что. Еще и самогону хлебнул.

Он встал и вытянул Нестора за руку из-за стола.

— Так что прощевайте. Нам еще по хозяйству управиться надо...

Не договорив, он пошел из хаты, ведя за руку сына, который был и в плечах пошире, и на голову выше отца. Дойдя до двери, Нестор высвободил свою руку и, повернувшись к гостям, оставшимся за столом, поклонился, ласково улыбаясь.

Алексей видел в окно, как отец с сыном пошли со двора. Отец что-то сердито выговаривал, а сын жевал огурец и вертел по сторонам головой. Филипп не выдержал и дал подзатыльник. Недоеденный огурец упал в дорожную грязь. Нестор, размазывая по лицу слезы, поплелся следом за Филиппом. Начали вставать из-за стола и другие.

Алексей еще покурил на крыльце с мужиками и отправился на свой сеновал в сарай.

Филипп! Филипп и Нестор — вот та зацепочка. А может, кроме Нестора, в деревне еще кто встречался с этой бандой? Эта мысль пришла в голову неожиданно. Но додумать ее сил не хватило. Уж больно крепок был самогон...

БОЛОТА

Небольшой островок, окруженный гнилой и чавкающей топью, не самое лучшее место на земле. Барковский это понимал прекрасно, но относился к пребыванию здесь спокойно, как к неизбежному злу, сопутствующему его работе. Точнее даже не работе, а выполнению собственных планов. Долголетний опыт разведчика приучил его мириться и с неудобствами, и с грязью, и со многими другими неприятными мелочами.

И все же отказаться от комфорта он не мог. Нет, внешне все выглядело, как и должно выглядеть в тайном военном расположении. Зато внутри своей землянки Барковский позволил себе нарушить спартанские обычаи военного лагеря: хорошее постельное белье, зеркало, сейф, и так, по мелочам...

Впрочем, в других землянках тоже было относительно уютно. Главное — сухо. Спасала песчаная почва островка. Но пан полковник думал не о тех, кто был в его группе, а скорее о себе. Получая удобства, люди не раздражались, видя белоснежные сорочки своего командира и его начищенные сапоги.

А этих людей дразнить не стоило. Барковский их сам подобрал. За несколько дней он сколотил крепкую команду. Из тех, кому было глубоко наплевать на происходившее вокруг, кроме обещанных хороших денег. Они умели профессионально убивать любым оружием и без него. И не умели много думать. Это вполне устраивало Барковского.

Помимо всего прочего, никто, за исключением самого полковника, его сына и Чеслава Леха, их верного холопа и телохранителя, никак не был связан с этими местами. Потому никто не рвался навестить родственников, знакомых или девиц. А если и рвался, что с того? Кроме Чеслава и Кравца, помощника Барковского, бывшего поручика корпуса охраны пограничья, тропинок на болоте никто не знал. Карта всегда хранилась у Барковского. Перебежчиков в их группе даже теоретически быть не могло. Чтобы не возникало никакого неконтролируемого контакта с местными, бывшими его крестьянами, все продукты, боеприпасы и необходимые вещи доставлялись через границу по тропкам, терявшимся в необъятной и непроходимой топи. Так же отправлялась к Ланге и собранная информация. Рацией Барковский не

пользовался, избегая ее пеленгации и обнаружения базы группы. Когда люди уходили на задание, их встречали и провожали Чеслав или Кравец.

За короткое время полковник сумел прекрасно наладить лагерное хозяйство. Здесь даже была своя баня. На дальнем конце островка маленькая землянка со специальной системой труб для рассеивания дыма. Она была до того мала, что предбанник находился снаружи, под замаскированным навесом. Мылись в ней по графику рядовые члены группы и в любое время по желанию — командиры.

Барковский ходил в баню, как правило, со своим сыном, Владиславом, семнадцатилетним воспитанником уже не существующего военного училища, рослым, в отца, красивым и по-юношески романтичным. Это, пожалуй, был единственный человек на земле, которого после смерти своей жены любил Барковский. Любил, но с собой на болото все же взял. Надо же приучать мальчишку к настоящей жизни. В опасных операциях тот не участвовал, но опыта набирался. Главное же, что мальчик был на виду, а не у этих немецких «воспитателей». Обычно с ними ходил и Чеслав Лех.

Но сегодня Чеслава в лагере не было. Он должен был встретить человека Ланге и провести его в лагерь.

Банщик уже согрел воду, протопил маленькую парилочку. Барковские разделись. Прохладный ветер скользнул по их обнаженным сильным телам. Зябко. И они быстро забежали в низкую дверь теплой подземной баньки. Банщик остался снаружи — охранять. Барковские мылись долго.

Сторожу надоело стоять столбом совершенно одному. Он стал рассматривать вещи командира и его сына. Под тонкой сорочкой Барковского-старшего, что лежала поверх всех вещей, ясно вырисовывалось что-то выпуклое, необычное. Вниз с лавки свисала золотая цепочка. Банщик прислушался. Из-за двери слышался глухой шум — отец и сын вроде не собирались выходить. Он аккуратно приподнял сорочку и осторожно вытащил диковинную штуку. Яйцо не яйцо, цветок не цветок, только все из золота. И портрет странный. Банщик, тихо ступая, вышел из-под тени навеса и стал рассматривать штуковину. Дорогая. На сколько потянет? Парню хотелось потрогать хрупкие на вид золотые веточки, но было боязно. Наконец решился. Выставил вперед заскорузлый палец и осторожно дотронулся до малюсенького листоч-

ка... Тяжелый нож вошел в шею чуть сбоку. Перебил сонную артерию, мышцы. В горле у парня что-то забулькало, он выронил медальон, схватился было за ручку, но потом осел, как намокший сноп. Кричать не мог. Кричали его глаза. Но совсем недолго...

— Папа,— с ужасом и удивлением, тихо, почти шепотом, произнес Владислав.— Папа!..

Барковский, еще за мгновение до этого стремительно доставший нож из-под одежды и бросивший его в похитителя, спокойно улынувшись, ободряюще сказал сыну, который не мог оторвать взгляда от умирающего банщика:

— Одевайся. Не обращай внимания.

И, показывая пример, подошел к одежде и стал спокойно обтираться полотенцем.

— Зачем? Папа, зачем? Он же свой!

— Свой? — Барковский-старший искренне удивился.— Что значит свой?

— Вместе мы боремся против общих врагов.

— Боже мой, какой идеализм... Не забудь вытереть спину. Ты ошибаешься, если думаешь, что я сражаюсь за великие идеи фашизма против низменных идей коммунизма. Мне глубоко противно и то, и другое, и любое третье, что придумают болтуны-политиканы и переустроители-философы. Догадайся русские перед своим вторжением гарантировать мне сохранность моего имущества, привилегий и возможность уехать на все четыре стороны, когда я захочу и с нужными мне вещами, я бы им помог давить немцев. Но этого не было и быть не могло. Следовательно, коммунисты — мои враги, и потому я их ставлю на место. Точнее — кладу...

— Но как же борьба? Как же Польша? Твоя форма?

— Польша? Думаешь, я за Польшу страдаю? За этих жалких людишек, которые всю жизнь гнут спины перед избранными ради нескольких крошек с их стола? Я, Барковский, буду страдать и рисковать своей и твоей жизнью ради всего этого быдла? Никогда! И тебе не советую... Пусть дураки слушают проповеди союзников о том, как немцы и русские разодрали великую Польшу, о русской экспансии на запад! Раз случилось — значит, должно было случиться. Скоро здесь заварится такая каша! И всем будет не до Польши. Завертятся жернова, способные перемолоть миллионы жизней...

— Что ты имеешь в виду?

— Что?! — Барковский-старший затянул ремень, по-

дошел к убитому, вынул нож и обтер его пучком травы. Наклонился, взял медальон, повесил на шею. Приподнял убитого за плечи.— Помоги-ка...

Владислав непроизвольно отшатнулся.

— Ты что?! — сердито взглянул на него отец.— Хочешь, чтобы его обнаружили? — Он кивнул в сторону землянок.— Тогда за нас можно не дать и злого...

Младший подошел. Взялся за ноги. Они зашли почти по колено в болото и, раскачав, бросили труп. Раздался всплеск. Пахнуло зловонием. Трясина вспучилась и осела, надежно спрятав тело.

Потом они тщательно мыли сапоги.

— Что же мы тогда? Отец?

— Ты о чем?

— Ну об этом, о жерновах...

— А-а-а... Немцы скоро стукнутся лбами с Россией. Это неизбежно! Сюда же влезут и американцы. Они всегда не прочь пожить. Англичане и так уже по уши в дерьме, как и вся эта европейская сволочь. Пусть потом считают свои разбитые горшки... Но без нас!

— А мы?

— А мы как-нибудь вывернемся. На своей территории мы всегда сможем затеряться. А потом Скандинавия и... Ну понял?

— Вполне. А Польша?

— Ты опять за свое? Застегни френч... Когда придем, я спрошу у Кравца, куда делся банщик... Зачем нам несуществующая Польша? Я воюю прежде всего для себя и за себя. Мы жили как люди и дальше должны жить хорошо. В Польше ли, Испании, Парагвае. Я дерусь не из-за присяги, долга отечеству и прочей словесной паутины. А чтобы быть среди нескольких сотен человек, достойных пользоваться благами этого мира. Придет время, когда понадобится лить слезы по пострадавшей отчизне — тогда я буду первым. А сейчас — увольте. Не тот момент, чтобы стараться. Чем-то нужно жертвовать.

— Папа, но нельзя же ни во что не верить...

— Почему же не верить. В старой притче Соломона сказано: жизнь наша — прохождение тени, и нет нам возврата от смерти. Будем же наслаждаться и преисполнимся дорогим вином и благовонием, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни, увенчаемся цветами роз, пока они не увяли. Везде оставим следы веселья — не

пощадим вдовы и не постесняемся седин старца. Сила наша да будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным. Наслаждение! Вот смысл жизни! А наказание, которым грозят моралисты и древние и нынешние,— дым, блеф, пустота...

— Я не могу поверить, что ты искренен, отец. Твои действия говорят совершенно о другом. Ты же храбрый польский солдат.

— Бог мой, как же ты еще молод! Не я им, тем, кто считает себя моими хозяевами, а они мне нужны. Русские пришли слишком быстро. Мы ничего не смогли вывезти. Ты помнишь наши домашние коллекции живописи, фарфора? Мы не можем уйти отсюда нищими. Поэтому я и сижу здесь, пытаюсь восстановить хотя бы часть нашего состояния, чтобы эти болота и грязь мы вспоминали, греясь на солнышке какого-нибудь латиноамериканского пляжа. Нам нужны ценности, деньги, деньги, деньги! В них наше спасение.

— Папа, ты говоришь о богатствах. Но из-за какой-то побрякушки убил... И даже не потому, что он похитил, а просто взял. Но я же помню, как ты учил меня не быть жадным. Неужто такой мелкий проступок стоит жизни?

— Стоит. Мальчик, если со мной что случится, запомни — ты можешь потерять все богатства, потерять все, но ты должен сохранить этот медальон. Я не рассчитывал, что сюда придут русские, и надежно спрятал его в тайнике в имении. И чуть было не поплатился за это. Но теперь медальон снова у нас. В нем хранится то, что сделает тебя после войны немыслимо богатым человеком. Запомни, только после войны. Пока все не кончится, этим нельзя воспользоваться. Но, кроме нас с тобой, об этом никто не должен знать. А если сохранить не удастся, он должен исчезнуть. То, что там есть, принадлежит только Барковским. Да поможет нам святая дева...

Отец и сын были одеты, причесаны.

— Когда мы вышли, банщика не было!..

— Понял! — Младший кивнул.

Они медленно пошли к лагерю. Когда отец и сын отошли достаточно далеко, заросли высокой травы зашевелились, и из них вышел невысокий плотный человек с широким лицом. Это был Кравец. Он шел к пану командиру с весьма спешным вопросом. Но успел заметить самое начало быстрой драмы. А увидев, счел за

благо спрятаться. Так он услышал и весь разговор отца с сыном.

Кравец подошел к болоту. Посмотрел на трясиину. Потом повернулся и задумчиво поглядел в ту сторону, где скрылись Барковские.

— Любопытно,— пробормотал он едва слышно и поспешил пойти в другую сторону. Неотложные дела подождут. Ему предстояло кое-что обдумать...

ЖИВУНЬ

Давно такой осени не было. Дни теплые, дожди идут редко. Хотя по ночам подмораживает, трудно поверить, что совсем скоро наступят холода и долгие, тяжелые, как сырой снег, ночи. Как поверить? Солнце светит, забыв про то, что время тепла уже кончилось. Воздух по-летнему мягкий и ласковый, а деревья, казалось, и не собирались терять листву, а внезапно расцвели, перепутав осень с весной. В такие дни каждый, даже самый хмурый человек хоть чуть-чуть, но ощущает себя в душе художником.

Сам же художник мрачнел. Природа, бесспорно, радовала его. Но мучило то, что за эти несколько дней ничего, ну совершенно ничего не было сделано.

А начиналось прекрасно. Тетка Килина все хлопотала, расспрашивала и кормила. Своих детей у нее не было, но добрая половина деревни называла ее бабушкой. Бабы приходили к ней посоветоваться, поделиться, а то и поплакаться. Заглядывали к ней и мужики. По своим делам — что-то одолжить или похмелиться.

С появлением Алексея визитов стало больше. А как стало известно, что он рад будет за умеренную плату выполнять заказы, к нему стали приносить старые фотографии, с которых он делал цветные портреты. Понесли и потрескавшиеся иконки — подновить. Порой собиралось несколько человек у Килины в хате или на дворе — смотря где работал, — садились чуть в сторонке, чтобы не мешать, и вполголоса разговаривали о том о сем, поглядывая, как это у него ладно все получается.

Заходил Паисий, полюбопытствовал, снова к себе пригласил. Но потом его, как учителя, в город вызвали. Несколько раз был Алфим-скорняк, смотрел, спрашивал. Заходила и Василина... То от Филиппа дичь принесет, то какие-то травы вместе с теткой настаивает — вместо лекарств.

В общем, многие соседи успели заглянуть к Килю за эти дни. Но дело стояло все на том же месте. О банде никто ничего не знал. Или делали вид, что не знают. Когда Алексей вскользь упоминал о чем-то близком к этой теме, и его приятели детства, и их родители, охочие до разговоров, примолкали, отвечали нехотя, с огромным нежеланием, ссылаясь на то, что чем больше говоришь — тем легче накликать беду. Алексей чувствовал, что дальше расспрашивать действительно нельзя: вовек разговор прервется. И вновь начинались воспоминания детства, пересуды, переряды, рассказы: у кого, как, что сложилось и что не сложилось и, как водится, о политике. Здесь Алексей старался уйти от ответов. Играл роль человека, который властями не слишком интересуется.

Не вышел на него за эти дни и связной. Алексей добросовестно носил на шее вместе с крестиком ключ. И дужка его всегда чуть выглядывала из выреза воротника. На это многие обращали внимание, удивленно спрашивая, что за вера такая новая появилась. Алексей отшучивался: мол, хочу к этому ключу дом себе подобрать, а вера тут ни при чем.

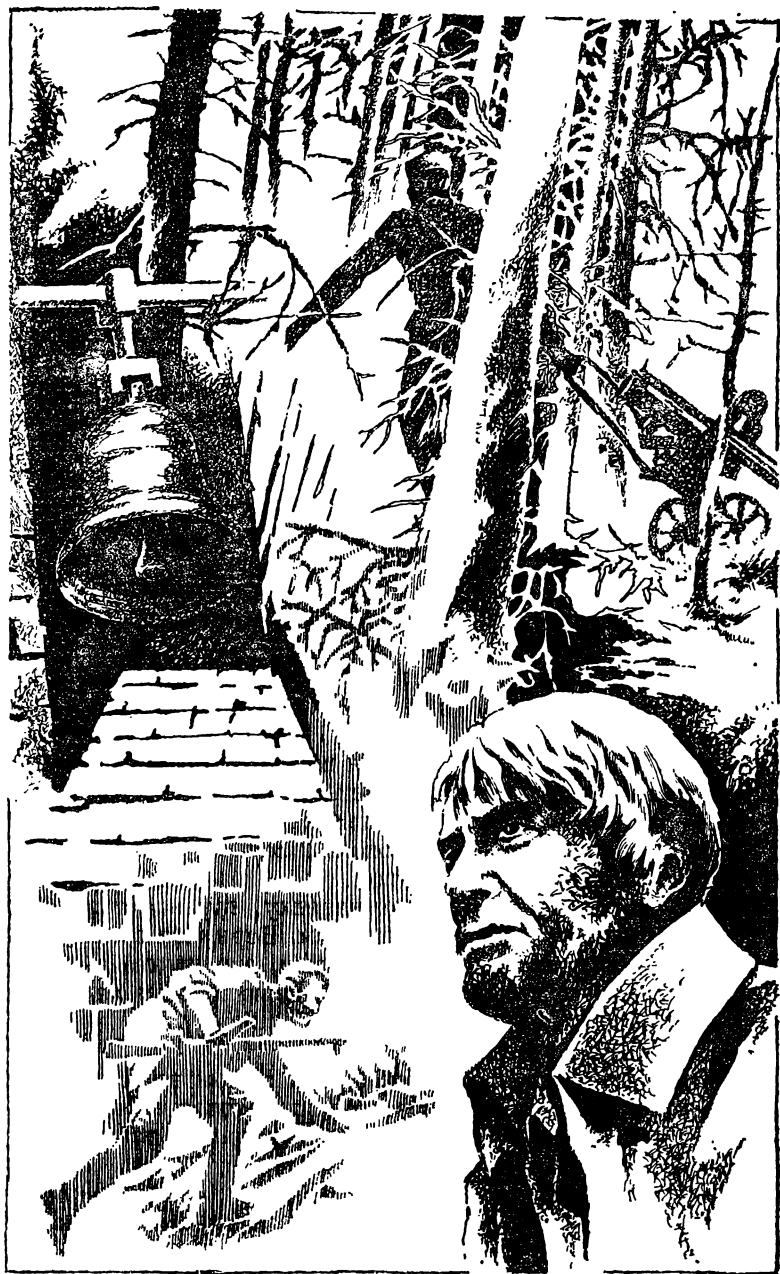
Наконец он убедил себя, что мысль, мелькнувшая у него в первый день, — единственно правильная. Человеком Астахова, который мог помочь или хотя бы сообщить что-нибудь конкретное, был Аким. «Дух болот» каким-то образом прознал это и уничтожил его. Значит, связи с Астаховым нет. Когда она появится — неизвестно.

Конечно, можно и вовсе ничего не делать. Кормежка здесь по сравнению с городом — слава богу... Приработком он себя обеспечит. Погода прекрасная. Никто не может обвинить или упрекнуть в том, что он просто бездельничает, отказываясь выполнять задание.

Никто. Кроме него самого...

Потом прошел слух, что русские с «болотным духом» столкнулись, своих много потеряли, а тот ушел, в болоте растворился. Это окончательно утвердило решение Алексея действовать самому. Конечно, работать в одиночку без дополнительных инструкций, без связи опасно. Даже на первый взгляд бессмысленно. Но надо попробовать выполнить задание. А как он свяжется с Минском — время подскажет. Раз так — надо действовать.

В этот день Алексей встал по-деревенски рано —

солнце еще висело низко над землей, как далекая лу-чина, не давая тепла, а лишь освещая белую паутину холодной росы, окутавшую траву.

Алексей запомнил слова Астахова, что где-то рядом должен быть осведомитель банды. На этом-то и можно сыграть. Но для этого самому надо вычислить, кто же связан в Живуни с болотом. Впрочем, есть и другой путь — пусть поползет слухок про него по деревне.

Вчера на сон грядущий Алексей попытался обозначить круг тех, кто может «дружить» с «духом». Угадать, понятно, не угадаешь, хитер. Скорей всего он где-то среди тех, кто побогаче. К ним в первую очередь надо идти.

Первым он пошел к Тодору. Тот ему второго дня свою карточку принес. Да еще с его сыном Тимошкой они в детстве знали. Тодор и тогда по местным понятиям был крепкий хозяин, а сейчас...

Дом Тодора с высокой запесошницей, как по-местному называли сильно выступающую спереди хаты за-стреху крыши, стоял почти в середине деревни, спрятавшись за пожелтевшим садом.

Хозяин был дома. Он что-то писал, поминутно слюнявя карандаш, неуютно сидевший в больших пальцах. Алексей поздоровался.

— Здоров...— Тодор спрятал бумажку за божницу, подошел, протянул тяжелую руку.— Проходи, гостем будешь.

— Спасибо. Я вот работу принес.— Алексей подал написанный акварелью портрет.

— Ну-ка...— Тодор подошел к окну, разглядывая.— А что? Похож! Ей-богу, похож... Это ж надо... Да ты садись, садись. Я зараз, мигом.

Он вышел в другую комнатенку, грузно ступая по домотканым полосатым половикам. Вернулся скоро, держа в одной руке миску с яблоками, а в другой — початую бутылку с мутноватой жидкостью и пару лафитников зеленоватого стекла:

— Обмыть треба!

Алексей пригубил. Тодор одним махом влил самогон в заросший сизым волосом рот, похрустел яблоком.

— Чего в город не поедешь? Деньгу чай поболе этой зашибал бы.

— Здесь поспокойнее, случись чего.

Тодор испытующе глянул на него из-под кустистых бровей:

— Не уверен, стало быть, в новой власти?

Алексей только пожал плечами, не отвечая.

— М-да...— крикнул Тодор и снова потянулся к бутылке.— Вот и я...— недоговорив, он махнул рукой и выпил, не дожидаясь Алексея.— Про колхозы слышал?

— Приходилось.

— М-да-а... Люди говорят, и у нас будет этот самый колхоз. Оно, может, и хорошо, а с другого боку — оно тоже...— Тодор покрутил в воздухе рукой и снова налил.— Раньше-то оно, как теперь кажется, все попроще вроде было, понятнее...

Поговорили немного о том, как было раньше. Сошлись на том, что и тогда все было не так уж, чтобы...

— А ты-то, я слышал, сюды с немецкой стороны прибеги? — навалился грудью на стол прихмелевший Тодор, приближая лицо к Алексею.— Болтался, стало быть, как это самое в проруби, промеж тех и этих... М-да... Все повидал. Вот и скажи, немец, он что?

— В каком смысле?

— А в этом... Жить при ем как?

«Нет, он не пьян,— заключил наблюдавший за ним Алексей,— хитрит, выпытывает что-то».

— Жить-то? Жить при всех можно. Там тоже люди живут, кто имеет на что.

— А у тебя, что же? Стало быть, не было? Потому и сбеги?

— Да не-е...— Алексей задумчиво покрутил стаканчик с самогоном.— Можно было бы попробовать, только как обратно попадешь?

Тодор усмехнулся:

— Не наелся — не налижешься! Все! Обратного ходу, думаю, не будет.

— Я бы попробовал,— словно не слыша его, повторял Алексей,— дядько Тодор, может, подскажешь...

— Нет...— не дав договорить, махнул у него перед носом рукой Тодор.— Нет... Я с властями никогда не ссорился! Ни с какими! Нонешние прикордонники — люди серьезные. Да и немец тамо...— Он кивнул куда-то себе за спину.

— Что немец?! Они тоже люди, а если с ними полюдски...

— По-людски...— передразнил Тодор, выливая себе остатки самогона.— Много ты понимаешь. А земля своя, а хата?! Родители тут схоронены.

— Да у меня ни земли, ни хаты. Да и не навек же я туда собираюсь. Так, побывать...

— Э-э-э... — отмахнулся Тодор, — не дело это! Не дело! Понял? Дурь это в тебе молодая гудет, в башке-то... Я вон своего за такую дурь, почитай, каждый день шучу, а все балбес. На своей земле человек жить должен! На своей! Понял? Так что брось ты это дело. Ты не говорил — я не слыхал! Усе! Получи свои гроши и бувай. — Он выложил на стол советские зеленовато-серые трешки с солдатом, пододвинул Алексею. — На-ка вот. А то, слышь, нарисуй еще меня с женой в подвенечном.

— Нарисую... — вяло согласился Алексей.

От Тодора Алексей пошел к Янке, на этот раз не отдавать, а брать заказ. Тот недавно заводил с ним разговор. Пока сидели и, как полагается для приличия, разговаривали, Алексей намекнул, что хотел бы узнать тропки за кордон, уж больно надо по делу туда. Здесь он тоже ничего определенного не узнал. Но зато их разговор слышала Ганна, жена Янки, самая толстая баба в Живуни и самая большая любительница сплетен. Она из любого незначительного события делала повод для пересудов дня на три.

Он был собой доволен. За полдня успел многое. Слухи поползут, и в первую очередь среди тех, на кого Алексей и рассчитывал. Рано или поздно они должны непременно — в этом он не сомневался — доползти в банду.

На сегодня же Алексей наметил сделать еще одно дело посложнее: Филипп. Точнее, не он, а его сын. У Алексея не выходили из головы странные слова Нестора на поминках. Гости? Кого имел в виду этот взрослый мальчик? И имел ли кого? А если нет, то чего так испугался Филипп, его отец?

За прошедшие дни Нестор несколько раз подходил к Алексею. Внимательно смотрел, что тот делает. А когда Алексей пошел на этюды к старому мостику через ручеек, у которого стояла толстая развесистая ива с огромным дуплом у корневища, Нестор пришел в восторг от желтой краски. Почему именно от желтой, Алексей не понял и с удивлением смотрел, как этот гигант радуется, со священным трепетом глядя на желтые мазки. В общем-то ему было жаль Нестора. Наверное, не одна бы девка потеряла покой и сон из-за этого парня, не будь в его фиалковых, как у сестры, глазах пустоты. Он часто уходил в себя, надолго замолкал, напряженно думая о чем-то. Все остальное время играл со своим ручным лисенком, которого повсюду таскал за собой. Как и прежде, он боялся отца и беспрекословно ему под-

чинялся, по-детски беззаветно любил Василину. Алексей несколько раз пытался вывести его на разговор о тех таинственных гостях, но Нестор будто не слышал и говорил о своем удивительном и странном мире. И теперь Алексей надеялся в домашней обстановке хоть что-то вытянуть из юродивого.

К тому же ему была неясна роль и самого Филиппа. Почему нельзя предположить, что бывший лесной объездчик связан с бандой? Все говорило за это. И поведение на поминках — увел же, увел он своего сына. И его доскональное знание леса и болот. И замкнутость. А если попробовать «связать» такую цепочку: банда — Филипп — Нестор. По болоту юродивый ходит, говорят, как по своему двору...

Алексей и не сомневался бы в своих выводах. Но была еще Василина... Не укладывалось как-то: у пособника банды такая дочь. Предположить, что и Василина помогает банде, Алексей и вовсе не хотел.

Собственно, Василина, хотя Алексей не признавался самому себе, была третьим поводом для похода на Филиппов хутор. Когда он ее не видел — скучал, когда она была рядом — замыкался в себе, односложно отвечая на вопросы. И наверное, Алексей не стал бы специально искать встречи с ней. Но здесь такой повод...

Хозяйство Филиппа было километрах в двух от деревни. Это по прямой. Но так никто не ходил: по залкам да озерцам пойдешь — больше времени потеряешь.

Хутор Филиппа был небольшим, но ухоженным. Огород да садик — все в идеальном порядке. Крепкий сарай, небольшой хлев. Чистый дворик аккуратно выметен. Везде чувствовалась рука хозяина. А вернее, хозяйки.

Крепкий, приземистый, мрачноватый дом стоял на краю леса под высокими елями. Лежавший у порога старый охотничий пес лениво тявкнул и отошел в сторону. «Окошки-то, как бойницы», — прикинул Алексей. Он толкнул крепкую тяжелую дверь и вошел в дом.

Внутри оказалось удивительно светло и чисто. Выскобленный пол, веселые занавесочки, недавно побеленная печь со вмазанным осколком зеркала над загнетком. Широкая кровать с горой подушек. Покрытый домотканой вышитой скатертью стол.

— Мир дому... Не помешал?

Филипп, чистивший на лавке у окна ружье, недовольно повернулся.

— Проходи, коль пришел... Садись...— Он пододвинул ногой табурет, отложил ружье, вытер руки тряпичей, упер кулаки в колени.— Зачем пожаловал?

Алексей огляделся. В доме никого, кроме них, не было.

— Нужда до вас, дядько Филипп.

— Говори...

— Спросить хотел. Да, может, не ко времени я?

— Чего уж... За спрос денег не берут.

Филипп тяжело уставился на гостя. Глаза у него были темные, жгучие, как у цыгана. «В мать, значит, Василина»,— подумал Алексей.

— Хочу к горячим ключам сходить. Помню, где-то здесь, а дорогу запомнил. Подскажете? А то боюсь в трясину угодить.

— От как... Семь лет мак не родил, а голоду все не было,— дернул жесткой щеткой усов Филипп, показав крепкие зубы.— Ну и дела у тебя.— Он тихо посмеялся, покрутив головой, вроде как с облегчением.— На что они тебе сдались, ключи-то? Ты вроде не хворый. Из любопытства, что ли?

— Да нет. Красиво там. Порисовать хочу.

— Во-о-на...— протянул Филипп, снова берясь за ружье.— Переждал бы ты с этим. Успеешь еще, нарисуешься.

— Как это? — сделал удивленное лицо Алексей.

— Ты что, в самом деле дурной или прикидываешься? — отставил ружье лесник.— Болота тама! На болотах, сам небось знаешь, что творится. Трясину и искать не придется. Сама найдет.

«Найдет» — это он о банде, точно о банде. Надо поспросить. Если все же у него связи с «духом» нет, все равно Алексей в выигрыше — ни у кого не возникнет вопроса, почему он у всех спрашивает, как перебраться за границу, а со знающим человеком и не пробовал столкнуться. А так: пытался, да тот отказал. Сам же Филипп, молчаливый по натуре, рассказывать о том, зачем приходил Килинин племянник, да на чем сошлись, не будет.

— Вот вы о чем...— Алексей достал кисет, протянул хозяину. Тот взял, покрутил, рассматривая, понюхал табак и вернул.

— Я свой курю... Ты в хате не смоли!

— Ладно, дядько Филипп. Вы только дорогу ука-

жите, а там уж я сам как-нибудь... Небось «дух»-то не огонь. С ним и столковаться можно.

— Может, и так,— недобро усмехнулся объездчик.— Да только я пока еще таких не видел.

— А-а! — махнул рукой Алексей.— Зачем я ему, «духу»? Не на это же он позарится.— Он кивнул на холщовую сумку с бумагой и красками.— Так расскажете, как идти?

— Плохую ты, парень, тропку выбрал. К кордону она. Там и «дух» и новые прикордонники сторожат. Каждый свое... Да и не пройдешь один там, как ни рассказывай.

— Человека надежного укажите, что проведет...

— Надежного?..— усмехнулся Филипп.— Ты на погосте не пробовал пошукать? Там ребята самые надежные. Никому уже не разболтают.

— Господь с вами,— перекрестился Алексей, внутренне похолодев: «Неужели он об Акиме?»

— Ты, значит, дорогу выбираешь? На распутье долго не прстоишь, да и не дадут... Ладно, пойдем на крыльцо, покурим...

Вышли. Молча присели на согретые осенним солнцем ступени, закурили. Подошел пес, потерялся мордой о колени хозяина. Тот потрепал его жесткой рукой за ушами.

— От неметчины, говорят, ты прибег? — неожиданно спросил Филипп.

— Вроде того...

— От неметчины... А кисет-то у тебя русский!..

— На базаре купил, с махрой вместе,— спокойно ответил Алексей и посмотрел прямо в глаза Филиппа. Тот отвернулся.

«Это же надо, по вышивке определил... Не подумали. Сменить? Нет, подозрительно будет. Может, он уже сегодня обо мне «духу» доложит... А может, и нет».

— Ладно, дядько Филипп.— Алексей поднялся.— Нет так нет. Бывайте, спасибо за разговор.

— Погоди.— Объездчик придержал его за рукав, усадил. Помолчал немного, думая о чем-то своем.— Хорошо ты это делаешь. Глядел я на писанки твои. А горячие ключи... дело твое. Самому мне не с руки, а ты, что же, сходи, пока светло. Провожатого, дорогу показать, я тебе дам... Василина!

Скрипнула дверь сарая, и в темном проеме появилась девичья фигурка. Стройная, тонкая, прикрылась от света ладошкой, посмотрела в их сторону...

Она была рада, что пошла с Алексеем, и не скрывала этого. Они то молчали, то болтали о пустяках. Василина что-то вспоминала смешное о детстве, Алексей рассказывал забавные случаи, которые приключались с ним, цирковые анекдоты.

Она снова вспомнила что-то из детства. Он, извиняясь, улыбнулся и сказал, что не помнит этого случая.

— А я помню.— Она остановилась совсем рядом с ним, лицо ее вдруг стало серьезным и мудрым.— Я о тебе все помню. Ты мне очень нравился... Тогда... И вот ты здесь...

Алексеем бы сказать, что Василина ему тоже нравится, что он не может ничего сделать с собой, что уже боится смотреть в ее глаза,— ведь потом до полночи заснуть не может, а когда засыпает, то снится ему она... Но он молчал.

Постояли немного. Потом пошли дальше по тропинке. Молча.

— Василина!..— хотел окликнуть нежным, мягким голосом, а получилось визгливо и с хрипотцой. В горле застрял неизвестно откуда взявшийся комочек. Алексей непроизвольно откашлялся. «Господи, что ж я, не на собрании ведь». Девушка остановилась, повернулась к нему и посмотрела с надеждой и болью.

— Василина,— повторил он, протянул руку и коснулся светлых волос. Она взяла в свои руки его ладонь и потерлась щекой, прижалась к нему и поцеловала, едва коснувшись губами губ...

15 октября 1939 года

ЗАБРОДЬ

Ланге был не только разведчиком, теоретиком по диверсионным и террористическим актам, которого ценило начальство. Ланге, как он сам считал, был еще романтиком и чуть сентиментальным человеком с тонкой душой. Он любил помечтать в свободную минуту. В одиночестве. Сидеть в мягком кресле, немного поскрипывающем от старости, смотреть на неяркие язычки пламени, бегающие по дровам в камине, и думать о чем-то чистом, светлом, розово-голубом, воздушном. Но такие минуты, особенно здесь, в Польше, выдаются все реже и реже.

Еще Ланге любил получать письма. Разные, от знакомых и малознакомых. Ему нравилось класть перед со-

бой запечатанный конверт и пытаться угадать — что в нем? Правда, личных писем ему приходило немного. Так: от жены, но там о чем-то неожиданном не помечтаешь; от отца — тоже содержание примерно известно заранее. И только иногда от старых боевых друзей. Или подруг. Но это бывало совсем редко. Потому Ланге, как это ни удивительно, любил получать и официальные послания, хотя от них ничего хорошего, кроме новых забот, ждать не приходилось.

И все-таки любил. Потому фельдъегерь, который вошел к нему в кабинет, развеял его мрачные мысли. Повод для раздражения был более чем серьезный. НКВД накануне ликвидировало группу «Озон», что действовала в Белостоке. А он очень рассчитывал на этих мальчиков. Отпустив ефрейтора небрежным кивком, Ланге положил пакет перед собой на стол и стал рассматривать. В правом верхнем углу этого плотного, из желтоватой бумаги конверта, нахохлился головастый орел, держащий в мощных когтях венки со свастикой. Чуть ниже жирным четким готическим шрифтом было крупно написано:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Еще ниже, уже на машинке, отпечатано:

«Майору Густаву Иоахиму Ланге» —

с припиской:

«Строго конфиденциально».

Конверт был накрест прошит серыми навощенными нитками, сзади они были завязаны и запечатаны сургучной печатью с орлом и свастикой. Внизу от угла до угла тянулась строчка:

«Вскрыть немедленно по получении!»

Здесь не погадаешь! Ланге подобрался. Протянул руку за ножницами и вскрыл пакет. Внутри оказалось несколько отпечатанных на машинке листов. На первом был гриф:

**«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
«ТОЛЬКО ДЛЯ РУКОВОДЯЩИХ
СОТРУДНИКОВ АБВЕРА!»**

Ланге быстро пробежал глазами первые строчки, снова тяжело вздохнул, положил листки на стол и, склонившись над ними, начал читать сначала, теперь уже медленно и сосредоточенно, порой пересчитывая предложения по несколько раз.

Та-а-ак! Этого он ждал. Но не сейчас. Наверху решили начать массовую заброску агентуры к русским и предлагают срочно восстановить связь с белопольской резидентурой, для чего приказано срочно направить эмиссара абвера в Западную Белоруссию. Ни много ни мало. С припиской «срочно».

Приказы, разумеется, не обсуждают. Но пока он один, можно дать волю эмоциям.

В принципе все это надо было предвидеть. Войска великого рейха не для того вышли на границу с Россией, чтобы закрепляться на ней надолго. Но никакая военная кампания немыслима без предварительной разведки. Глупцы те, кто думает, что войну начинают танки и самолеты. Первыми в бой вступают разведчики. Разведчики — как древние рыцари, которые перед началом битвы, когда войска уже выстроены, выходят, чтобы выяснить, на чьей стороне бог.

Это понятно. И Ланге готовился к этому, примерно рассчитывая, когда нужно будет вводить подготовленных людей в дело. И вот приказ...

Торопятся там, наверху. Торопятся. А где торопливость, там возможны и ошибки. Этот новый приказ ломает и без того сжатые планы подготовки к приему и переправке людей, предназначенных для глубокого внедрения у Советов.

Ланге с раздражением выдвинул из сейфа ящик с картотекой на бывшую белопольскую агентуру, быстро пробежал пальцами по карточкам. О некоторых известно все. А остальные? Где они сейчас, эти люди, числившиеся в его картотеке под различными псевдонимами? Может, уже приручены НКВД и держат их сейчас, как подсадных уток, ожидая, когда пожалуют гости? Их надо еще проверять и проверять, а чтобы создать практически новую сеть, тоже нужно время.

А сама направленность? Политическая — разжигать национализм и сеять рознь между различными национальностями в приграничных районах СССР. Правильно, Ланге был уверен, что надо на этом сыграть. Но прежде чем играть, надо хотя бы знать положение на сегодняшний день, чтобы бить в болевые точки. Сам

Ланге весьма туманно представлял истинную картину в данном вопросе.

Ох уж это «срочно»! Нет, англичане, конечно, враги рейха, и потому его личные, но трудно с ними не согласиться, что торопиться нужно только на похороны; потому что больше не будет возможности увидеть виновника торжества.

Он взял сигарету, закурил. Хватит жаловаться на судьбу. Приказ есть приказ, его выполнять надо. Зато, когда придет победа, пирог будут делить согласно заслугам. И куски будут жирные.

Интересно, соседи тоже получили что-то подобное? Хотя, что из того, если даже и получили? Ведь у них нет никаких надежных выходов на русские территории. Были бы, Ланге давно бы уже знал о них. Не зря же он столько времени провел с ними за рюмкой и картами...

И все же за начальников соседних абверкоманд ручаться сложно.

Сосед слева, Зейнн-Мюллер, в счет не идет. Будь у него что-либо стоящее, давно бы раззвонил о своих успехах.

Ланге прищурился от попавшего в глаз дыма.

Сосед справа. Одутловатый, молчаливый саксонец Бользен. Стреляный волк. Если что и есть, будет молчать. Но при успехе отрапортует первым и себя выставит как истинного героя. Пусть и успех-то будет с кончик крысиного хвоста. Ланге, думая о своем коллеге, непроизвольно поморщился. Он не любил Бользена.

Ну да бог с ними. А что, собственно, у него самого? Кое-что есть. Ланге держит «полковника» в своем резерве. Как откармливают гуся? Раскрывают клюв и сильно вставляют кишку, через которую забивают зоб зерном. Вот так и он набьет зоб «русского гуся» своей агентурой при помощи группы «полковника». Вот когда пригодится «тихая банда». Она и станет «кишкой».

Беспокоило одно. Не слишком ли много ошибок наделал «полковник»? Считать русских недоумками Ланге склонен не был. Но и он не дурак. Пока они нащупают «полковника» — пройдет время.

Надо действовать. Сегодня должен появиться человек из болот. С ним-то и уйдет на ту сторону эмиссар. Как только от него будет получен сигнал о благополучном прибытии и готовности принимать гостей, пойдут другие, которых пошлют из центра. Только плохо, что

подготовка «Фауста» еще и на треть не закончена. Но — некогда. Ту часть адресов, которую он не успел заучить, надо будет зашифровать и дать с собой.

Ланге снова закурил. Глубоко затянулся и лишь после этого резко и быстро снял трубку полевого телефона.

— Здесь Ланге! Это вы, Штаубе? Да-да, все нормально... Нет, мне этого пока не надо. Вы же знаете, я сейчас решил бросать пить... Да-да... Ладно, вы сейчас же подберите комплект формы русских для нашего общего знакомого... Нет, лучше офицерскую... Род войск?.. Ну-у-у, это слишком, давайте лучше общевойсковую... Да нет, не выше капитана, куда ему... Да, да, не дорос еще... Что? Пехотный обер-лейтенант? Думаю, самое подходящее. И подберите все, что там полагается: русские часы, папиросы, белье... Проследите... Как переслать? Никак. Я сам с ним приеду... Разумеется, и документы. К пяти должно быть готово.

Положив трубку, он с минуту подумал, потом снова поднял ее и назвал еще один номер.

— Здесь Ланге! Сегодня отправляем «Фауста». Я не советуюсь с вами, а приказываю!.. Надо бы различать... И никаких «но»! Сегодня!.. Скоро вылет «фазанов»... На месте объясню...

Итак, машина закрутилась. Надо будет подготовить все распоряжения и приказы.

Ланге переоделся в штатское. Он торопился. Понятие «день» уже исчезло. Теперь время надо считать по часам...

ЖИВУНЬ

Возвращаясь из леса, Алексей не ожидал увидеть Паисия. Несколько дней назад он уехал в Белую Вежу.

— Алексей? Здравствуйте, здравствуйте.— Паисий стоял у крайней хаты, словно кого-то поджидая.

— Как поездка? — скорее из вежливости, чем из любопытства, спросил Алексей.

— Прекрасно. Новая власть хочет повсеместно открыть школы. Представляете, преподавание на белорусском языке! И книжки мы будем читать тоже белорусские! Только вот опасаясь, что в связи с последними событиями,— Паисий кивнул в ту сторону, где чернело пепелище Акимовой хаты,— детей не слишком охотно в школу отдавать будут.

— Ну уж не так все страшно. На детей бандиты, наверное, нападать не будут?

— Как сказать... Слухи разные доходят: то там кого повесят, то здесь спалят. Здесь-то никто не объявлялся? — Паисий вопросительно посмотрел на Алексея.

— Тихо...

— А в городе, знаете ли, интересные перемены, — продолжал учитель. — Молодежь, по-моему, первая их улавливает. Вот мне любопытно было бы побеседовать с вами, Алексей. Вы ведь явление своеобразное: представитель, так сказать, будущей художественной мысли нашего края. И сами вышли из простых слоев. Может, если время позволяет, ко мне зайдем? Самоварчик поставлю, потолкуем...

Алексей так и не понял, что же конкретно желает услышать собеседник. Ясно было, что ему хотелось пообщаться. Вреда от этого он не видел и потому приглашение принял.

Паисия, несмотря на его странные, не всегда понятные для мужиков речи и поступки, в деревне уважали. Росту он был среднего, и лицом не особенно вышел — скуластенький, с маленькими глазками, прятавшимися за толстыми стеклами очков в простой проволочной оправе. Но было в глазах столько участия и мысли, что это делало его по-своему привлекательным. Много лет назад он вернулся сюда, как люди говорили, успев даже в университете поучиться.

Аккуратный дом учителя стоял возле рощи. На небольшом участке еще оставалась какая-то огородная зелень.

— Заходите, заходите, — чуть манерно пригласил он Алексея.

Для холостяцкого деревенского жилья — а Паисий жил бобылем, — комнатка, куда хозяин пригласил гостя, была очень аккуратно убрана и обставлена скорей по-городскому. Письменный стол, полки с разными книгами; кроме обычной лавки — два стареньких деревянных стула. В общем, уютно с мужской точки зрения.

Паисий вошел, перекрестился на красный угол, в котором висела изящная иконка, пригласил гостя к столу и необычайно быстро растопил самовар, который так же проворно закипел.

Пока хозяин суетился, Алексей с большим интересом осматривал небольшую библиотеку. Подбор книг показался ему несколько странным. На полке Паисия, видимо, самодельной, но сделанной с любовью, мирно со-

седствовали Эразм Роттердамский и Ницше, Маккиавелли и Вольтер, сочинения отцов католической и униатской церкви, Сенека. Рядом с Библией потрепанный томик Толстого, отдельной стопочкой — учебники для начальной школы, новенькие, уже советские.

Алексея этот любитель тесного общения несколько удивил. Отпевает покойника и читает Вольтера. Привычно крестится и держит в библиотечке Ницше. Откуда у него такие книги?

— Интересуетесь?

Алексей невольно вздрогнул. Паисий подошел сзади неслышно. Смотрел сквозь очки с непроницаемой усмешкой.

— Да. Откуда у вас это?

— Читали? — Учитель ласково погладил книги.

— Не все. О многих только слышал.

— Вот и я тоже, — вздохнул Паисий, — не удержался, взял кое-что, когда ходил с мужиками в имение. Все одно бы раскурили. Я полагаю, взять книги — это не грех...

«Вот как? — насторожился Алексей. — Он тоже был в усадьбе! А потом убили Акима. Интересно...»

— Да, молодой человек, — Паисий продолжил разговор за столом, — в удивительное время живем. Испытания великие прошли. Какие еще будут, то неведомо...

— Да разве кто знал свое будущее? Неинтересно.

— Может быть, так. Но хочется знать, что там, за пределом того продвижения, что нам отпущено. Рай вселенский или ад жестокий. Ибо сказал господь: «Истреблю с лица Земли человеков, которых я сотворил... Начнутся болезни, и многие восстанут. Начнется голод, и многие станут гибнуть. Начнутся войны, и начальствующими овладеет страх. Начнутся бедствия, и все затрепещут!» Не находите, что к этому идет? — Паисий испытующе поглядел на Алексея.

— И вы в это верите? В такой мрак?

— Сомневаться человеку необходимо! Так учил Блаженный Августин, — лукаво усмехнулся учитель. — Однако согласитесь: сильно смахивает на то, что несут эти, которые сейчас за кордоном.

— Немцы?

— Вот именно! Только скорее фашисты... А Библия — умнейшая книга, первый учебник человечества. Вы в бога верите?

Алексею в вопросе послышалась каверза. Может, и что-то посерьезнее.

— Верю, понятно. На службы хожу. Посты соблюдаю...

— Ах, если бы хождение на службы и соблюдение постов делали человека лучше! Бог, он ведь что? Он — символ. Главное, чтоб человек, оглядываясь на символ, стремился к совершенству. Духовному обновлению...

Разговор заинтересовал Алексея, но некоторые повороты настораживали. Откровенность — хорошо. А если провокация? Не было же Паисия несколько дней. Как проверишь, что все эти дни он провел именно в Белой Веже?

— Вы, Паисий Петрович, несколько раз повторили «совершенство, совершенство». Где оно, совершенство? Как можно узнать его и показать: вот оно — абсолютное совершенство во всем?

— Абсолютного совершенства нет! И не будет никогда! Зато есть стремление к этому совершенству. Человечество все больше добреет, все больше умнеет...

— Доброты что-то не слишком много я видел, пока по дорогам скатился,— перебил Алексей.— Да и здесь...

— Так сразу все не могут стать добрыми. По несколько капелек добра каждое поколение в огромное море зла добавляет. Добро — это просто: когда человек может и дает что-то ближнему своему. Не вещи, нет! Душу, тепло свое.

— Сегодня он частицу души отдаст ближнему — он прекрасен. А завтра — другого ближнего на большой дороге разует, разденет и пустит на все четыре стороны. Так что же он есть на самом деле?

— Софистика, чистой воды софистика. Вы сами прекрасно это знаете. Подлец всегда проявит себя: низость, простите за игру слов, непременно окажется на поверхности. И скрыть это будет невозможно.

— Добро побеждает, добро охватывает, растворяет. Можно подумать, зло само добровольно отдаст свои позиции.

— Ни в коем случае. Зло тоже стремится к совершенству. И оно — о, не сомневайтесь — умеет захватывать и души и тела. Средства, полагаю, известны: богатство, которое крепче стен отгораживает человека от других людей. Слава, которую незаслуженно свалили на голову недостойного. Власть — в руках жестокого... Да мало ли... Еще в Экклезиасте сказано об этом...

— Хорошо. Так что же делать?

— Бороться!

— Словами? Поможет ли?

— Не поможет — оружием!

— И, значит, насиліем?

— Ну в определенной степени и им... Я думаю, что порядочные люди каждого поколения должны объединяться, чтобы противостоять злу. Принести хотя бы каплю добра в бурное житейское море. Как можно больше добра! Ну а если зло сопротивляется этому, то добро нужно утверждать насиліем!

Алексей почувствовал: вот оно, главное! Ничего себе, гуманист! С такими рассуждениями все можно оправдать.

Он так занялся своими мыслями, что вполуха слышал продолжение фразы:

— ...но насиліем, порожденным, как ответ на насиліе. И даже в нем должна сохраняться идея добра: любящих меня — и я люблю...

Паисий замолчал и вопросительно посмотрел на Алексея. Тот, очнувшись от своих раздумий, решил задать еще один вопрос:

— Крестоносцы, когда в свои походы ходили, тоже добро вроде делали... Насиліем...

— Любящих меня — и я люблю, — снова не совсем ясной фразой ответил Паисий.

Это были слова пароля. Те самые, что сказал Астахов. Алексей тогда удивился их религиозному оттенку.

— ...И ищущие меня — найдут меня, — неуверенно ответил он, еще подозревая, что здесь простое совпадение.

— Ключик проверять будем? — улыбнувшись, спросил Паисий.

Алексей стянул через голову веревочку с ключом и отдал Паисию. Тот вставил его в замок, который висел у него на сундучке, и повернул. Дужка, слабо щелкнув, отошла.

— Ну что же, прекрасно... — Учитель вернул ключ.

Алексей был поражен. Паисий, старый чудака Паисий — чекист? Это у Алексея не укладывалось в голове.

...Он был недалеко от истины. Паисий не был профессиональным чекистом. Он хотел добра для людей и потому не мог не помогать тем, кто хочет того же.

Родители его были местными грамотеями. Они мечтали увидеть сына образованным и умным — кто из ро-

дителей не хочет успеха для собственных детей?! Только мечты — не деньги. А без них — как стать ученым? Помогли дальние богатые родственники, жившие во Вроцлаве. Они взяли на себя расходы и заботы по обучению Паисия в учительской семинарии, проще говоря — среднем педагогическом училище буржуазной Польши.

Училище было скромным, учащиеся — из среднезажиточных семей. Паисий быстро сошелся со своими соучениками. Они вели долгие разговоры о смысле жизни, о богатстве, истинном и мнимом. В общем, обо всем том, о чем говорят в семнадцать-восемнадцать лет. В их дружеском кругу были и поляки, и белорусы. Национальность никого не смущала. Истину искали в богословии, в Толстом, Мицкевиче, Бакунине, в обществе «Прогрессит».

Лучше всех его понимала Ванда, девушка из их кружка, с которой он часто бродил по старым улочкам в вечерней полутьме, споря о смысле жизни. И им было хорошо друг с другом.

Но однажды встретились они. Нескольких парней Паисий знал в лицо. Молодые шляхтичи, их сверстники, дети богатых родителей, отцов города. Их пьяные головы требовали развлечения. Они начали оскорблять его — ведь он не просто грязь для них, а грязь инородная. Паисий был гордым человеком. Но оскорбления стерпел ради Ванды. Просто попросил, чтобы они отстали. Тогда шляхтичи начали унижать девушку — ведь она, поляка, смеет ходить с инородцем. Тогда он крикнул им, чтобы заткнулись. Это их только раззадорило. Они заорали:

— Схизма пшеклента! Тшимай его! На плаю!¹

Паисий решил драться. Но те драться не стали. Нет. Двое держали Ванду за руки. У нее началась истерика от страха. Она умоляла отпустить ее домой, обещая, что больше никогда, никогда не будет с ним встречаться. Четверо подмяли Паисия, скрутили ему руки, раздели донага, разобрали прутья, которые принес пятый, и начали его пороть, приговаривая, что с холопами не дерутся, их учат по-другому. Когда же он, уже обессиленный, с окровавленной спиной валялся на дороге, каждый подходил, брал за волосы и вытирал его лицом грязные носки своих щегольских сапожек... Все у Паисия было как в тумане, но он отчетливо помнит, как Ванда

---

¹ Проклятый еретик! Держи его! На кол! (польск.).

с растрепанными волосами и уродливым от слез и страха лицом осторожно подошла к нему. Медленно протянула было руку. Но взвизгнула и бросилась прочь.

Он потерял сознание. Под утро его подобрал угольник, отвел к себе домой, выходил. Паисий больше не мог оставаться там. За одну ту ночь он постарел. Что-то в душе оборвалось навсегда. Он должен отомстить! Но не силой против силы. Паисий решил возвратиться домой и вырвать своих соотечественников из темноты, в которую их толкают вот эти лощенные ублюдки. Так в деревне появился чужак учитель.

В ноябре 1921 года он узнал, что полиция, руководимая известным в панской Польше мастером полицейского сыска Казимиром Иваховым, арестовала группу видных коммунистов, собравшихся на конференцию. Следствие и пытки продолжались целый год. «Это что же? Значит, и церковь заодно с ними, с полицией», — подумал Паисий, услышав ядовитую проповедь ксендза, призывавшего к казни заключенных. Но когда начался суд, стало ясно, что коммунисты, не страшась ни угроз судей, ни провокаций Ивахова и его агентов, не сломлены и готовы к новой борьбе. Это потрясло многих, в том числе и Паисия. Особое впечатление произвела на него речь на процессе поляка-коммуниста Стефана Круликовского (Циприяна), призывавшего к единению братских народов в борьбе за «вашу и нашу свободу!».

Как-то выезжая в соседние деревни, он встретился со своим старым приятелем, который работал почтальоном. Проговорили почти всю ночь. И вместе пришли к выводу, что белорусы должны воссоединиться, что там, на востоке, их народу живется лучше, что при социализме они действительно будут свободны.

Встречались еще несколько раз. И однажды его приятель сказал, что и он, Паисий, может помочь своему народу в борьбе. Как? Почтальон объяснил. Потом вроде как по случаю познакомил в одном из маленьких брестских кафе с собранным светловолосым молодым человеком, назвавшимся Вацеком.

Так началось сотрудничество Паисия с советскими органами безопасности.

Частые встречи могли привлечь внимание дефензивы или молодчиков из корпуса пограничной охраны. По совету Вацека, был найден и оборудован «почтовый ящик» в складках тоги богоматери, стоявшей у проселочной дороги...

Паисий и сам понимал, что сделать нечто очень серьезное и большое в этом деле он вряд ли сможет. Но задания, пусть и небольшие, он выполнял старательно и скрупулезно.

Паисий собирал информацию о местном помещике «двуйкаже» Барковском. Вацека интересовало все: режим дня полковника, когда бывает в имении, сколько времени проводит там и с кем, кто у него служит, план имения и многие другие малозначительные, с точки зрения Паисия, подробности.

Он узнал немного — он ведь был далек от приближенных пана, — но то, что узнал, добросовестно сообщил. Правда, страх был и остался. Но благородная цель помогала побеждать слабость. Сообщал и о настроениях крестьян. После ввода советских войск связь эта не прекращалась. Хотя задания были все так же не очень сложные. Кроме, пожалуй, последнего...

Паисий подробно рассказал Алексею все, что узнал о Барковском, о банде.

— Но как найти их пособников, — Паисий кивнул за потемневшее окно, в сторону болот, — не знаю.

— Хоть какой он, этот Барковский? Я ведь его ни разу и не видел, когда жил здесь. Внешность вы можете описать?

— Описывать словами? Бог мой! Как я мог забыть?! Вы же можете сами увидеть... Надо бы об этом в городе вспомнить, да что уж теперь...

— Увидеть?

Алексей заинтересовался. Астахов просил, по возможности, узнать приметы бандитов. Правда, из-за сложности он считал это маловероятным. А тут...

— Да. Два года назад церковь нашу расписывали. Пан потребовал, чтоб его с детьми в лике святых изобразили. С тех пор тот угол во время служб пустует.

— Взглянуть бы на этого святого бандита... Церковь-то закрыта?

— Церковь закрыта. Ключ у священника, а он пропал. Думаю, не без участия банды.

— Может, взломать?

— Не стоит. Вдруг церковь заперта не случайно? Впрочем, можно посмотреть ночью.

— Ночью?.. Почему ночью?

— Днем несподручно. Привлечет внимание. На окнах там решетка, сами окна узкие. А вот на крыше листы железа отошли. Можно оттянуть и пролезть. Вы че-

ловец молодой, тренированный. Залезете — поможете мне...

— Зачем вам-то?

— Я покажу, где это.

— Вдвоем плохо. Вы, Паисий Петрович, лучше объясните да подстрахуете на улице. Темнеет рано...

— Ладно, подумаем. А вы, поговаривают, зачастили в лес. Надеетесь, что там встретите кого-нибудь? Напрасно. Вряд ли они так открыто гулять станут. Я лично пока никого не видел.— Паисий внимательно посмотрел на Алексея.— Уж не дочка ли Филиппа тому причина?

Алексей не ответил.

— Любовь, молодой человек, прекрасна. Но в прошлом году ее назвал своей невестой Чеслав Лех. Она отвергла его. И все же...

— Чеслав? Кто это? — удивленно спросил Алексей.

— Правая рука Барковского. Его цепной пес. Любому готов перегрызть горло за хозяина. Да и за себя... А раз пан здесь, не исключено, что и он при своем хозяине.

«ГОНЧАР» — «ДОНУ»

...Абвер готовит массовую засылку на советскую территорию специально подготовленных агентов. Руководителям приграничных абверкоманд дано предписание о срочном создании перевалочных баз для заброски агентуры на нашу территорию. На первом этапе планируется осуществление переброски специальных эмиссаров, уполномоченных подготовить условия для приема засылаемых агентов — операция «Фауст».

Второй этап операции — «Вылет фазанов» — представляет собой массовую заброску агентуры абвера на территорию СССР. Забрасываемая агентура ориентирована на разжигание национальной розни в приграничной полосе и создание пятой колонны, сбор политической и военной развединформации, а также организацию и осуществление террористических актов...

...В конце следовало сообщение о приметах эмиссара абвера, направленного Ланге под псевдонимом «Фауст» на территорию Советской Белоруссии.

16 октября 1939 года

МИНСК

Сводка писалась легко. Астахов даже и не останавливался, формулируя фразы.

«...в лесах по линии Сувалки — Августов — Ломжа ликвидированы банды численностью до 100 белопольских офицеров и кулаков. Вооруженные бандиты обстреливали двигавшиеся по дорогам советские войска, нападали на обозы воинских частей, разрушали железнодорожное полотно, взрывали дорожные мосты, грабили и терроризировали мирных жителей.

В конце первой декады в лесу, северо-западной города Стрый, захвачена группа сотрудников белопольской военной разведки в тот момент, когда те закапывали три ящика с документацией 2-го (разведывательного) отдела белопольского генштаба. В числе этих документов нами получены сведения о белопольской агентуре на территории освобожденных западнобелорусских и западноукраинских областей, что позволит значительно облегчить ее розыск и ликвидацию.

В городе Белостоке задержан переодетый в штатское платье бывший белопольский ротмистр Вельчинский М. К., намеревавшийся совершить переход через границу, временно установленную на участке Ломжа — Белосток. При проведении обыска у последнего в доме был обнаружен большой подземный тайник. В нем изъято: патронов — 300 тысяч, гранат — 1357 штук и четыре ящика взрывателей к ним, пулеметов — 3 штуки, 40-мм зенитная пушка с полным боекомплектom. Склад предназначался для действовавшей в окрестностях города Белостока и в самом городе фашистской группы «Озон», пытавшейся объединить реакционное подполье для вооруженного выступления против частей Красной Армии, надеясь на помощь немецких войск. Работа по ликвидации группы «Озон» продолжается.

Наши потери незначительные. Ране...»

Астахов услышал, как скрипнула дверь, и поднял голову. На пороге стоял заместитель начальника управления Егупов.

— Позволишь? — пробасил он.

— Что вы спрашиваете, Иван Григорьевич? Садитесь. Чайку сейчас сделаем.

— Пишешь? Что, серьезное? — Егупов сел в кресло у стола.

— Да вам как раз и пишу.

— Ну, раз мне, давай прочту. Ничего-ничего, потом допишешь...

Начальник углубился в чтение бумаг. Астахов быстро перебрал в уме темы предстоящего разговора.

— Это все ладно,— одобрительно сказал Иван Григорьевич, возвращая неоконченную сводку.— Как рука? Рана не беспокоит?

— Спасибо, все нормально.

— Хорошо,— протянул Егупов.— Что другие банды?

— «Круля» доби́ли вчера. Прижали к реке, и те быстро кончили сопротивление. Остатки банды Вацлавского сдались.— Астахов взял папиросу, но курить не стал.— Об «Озоне» вы читали. Напряженность обстановки в районе спадает. Приграничная зона практически очищена от бандгрупп. Вот только эта болотная заноза!

— А может, ты, Сергей Дмитриевич, все-таки преувеличиваешь на сегодняшний день опасность этой болотной группы?

— Да нет. Поверьте, хлопот с этой маленькой группой будет у нас больше, чем с иными крупными. Ведь что получается: ликвидированные банды, ну прямо все, как одна, имели строгую военную организацию. Даже делились на взводы. А во взводах — отделения, под командой унтер-офицеров. И состав этих банд по 80—100 человек, то есть до роты... А эта, по моим данным — человек 25—30. Не больше. Наверняка к тому же имеют хорошо знающих местность проводников. Подвижные, подлецы! Ходят по трясине, как у себя дома...

— Как они сейчас себя проявляют?

— Да никак. Затаились в болотах.

Ягупов удивленно посмотрел на Астахова.

— А не допускаешь ли ты, Сергей Дмитриевич, что в данном случае перехитрил сам себя. Может, это какая-то часть того же «Озона»? А Барковский, видя ситуацию, решил вернуться восвояси.

— Не думаю. Скорее, выжидает чего-то.

— Но, согласи́сь, странно: после хоть каких-то активных действий — вдруг полное затишье.

— Если смотреть с точки зрения эффективности их действий за прошедшее время, то она была небольшой. Если исходить из того, что Барковский — командир этой группы, своих целей он еще не достиг. Этот пан явно

ищет произведения искусства из бывшей своей коллекции. Но большая ее часть у нас в руках.

— Так что с разработкой комбинации... с учетом его «интересов»?

— Работаем. Только сейчас, я думаю, после нашего столкновения, вряд ли он сломя голову кинется в засаду.

— Забываешь, Сергей Дмитриевич, он уверен, что нам неизвестно, кто он такой. Вон какую таинственность развел. Кстати, не забудь среди местного населения распространить информацию о нем.

— Сделаем. Только так ли он уверен, что столько времени остается невидимкой?

— Нравится мне, Астахов, твоя оперативная хватка. Честно сказать, рад, что ты к нам приехал служить. Но вот некоторых мелочей ты, человек не местный, знать не можешь. Барковский — настоящий пан. А значит — остальных он считает ниже себя во всех отношениях. Это у них, шляхтичей, с молоком материнским внутрь попало. Да и исторически... Тут и белорусы живут, и поляки, и украинцы... Чего им всем делить? Бывшие долги панам? И банды им не нужны. Народ хочет спокойно жить и работать. Раз народ не хочет возврата к старому — никакие Барковские тут ничего не сделают... Будет у него тут земля под ногами гореть, когда народ узнает, кто в болотах отсиживается...

— Хорошо, поработаем и в этом направлении.

— Я помню, вы к этому коллекционеру живописи своего «художника» послали. Ну и как?

— Никак. Даже хуже.

— То есть?

— Буквально вчера получил подробное сообщение от «Богомольца». На пособников банды «художник» пока выйти не сумел. Хотя все сделал правильно. Чуть подождать, и, думаю, выйдут они на него сами. Новых людей у болот тоже пока не появилось. Только вот влюбился наш парень.

— Что ж плохого? Дело молодое.

— Может, и так. Только за девушкой этой перед тем, как с молодым паном уехать, Чеслав Лех ухаживал. Невестой называл своей.

— Лех? Кто это?

— Телохранитель пана. Прекрасно знает все тамошние места. Есть данные, что он сейчас тоже с Барков-

ским. Без такого проводника вряд ли банда легко смогла бы уйти от засады.

— А не может эта девушка быть ниточкой к банде? Если этот Чеслав ходит к ней...

— Думал уже. Девушка — дочь лесника. Вернее, лесного объездчика. Отец — мужик простой, но уж очень закрытый. Мы пытались выйти на него. Иголки выпустил, как еж, не подпускает близко. Живет по принципу: ни вашим, ни нашим. А дочь не в него. Посмелее... Она еще тогда Чеславу от ворот поворот дала. И вот представим его состояние. Девчонка отказала ему, подручному пана! Да сейчас попади к нему в руки Алексея, трудно представить, что будет. Обидно, я очень расчитываю на парня.

— Да, ситуация... Что предпринимаете для скорейшей ликвидации банды?

— Первое, как докладывал. Система засад на основных путях, где группа может появиться. Еще вот что: «полковник» — хороший знаток живописи. Раз так, не будет он хранить награбленные картины в болоте, в сырости. Значит, есть у него тайники. Вот посидел, расчитал... Завтра выставим засаду в его бывшей усадьбе и еще в двух-трех перспективных местах.

— Что радиоперехват?

— Ничего не дает. Очевидно, они не пользуются рацией.

— Несомненно, любопытная группа. Действуй! Прими совет. Шире используй местных активистов. Народ в воссоединенных районах пока запуган, это верно, но люди, которые нам готовы помочь, там есть, и немало. Второе. Попробуй создать передвижные засады. Мобильные группы. Транспорт выделим. Да и о парнишке том подумай. Слишком велик риск. Он ведь не кадровый сотрудник? Нет... Тогда, видимо, надо отзывать! Имеем ли мы право так рисковать?! Подумай... М-да... А зашел-то я к тебе вот зачем: такой адрес в Ленинграде — вот, посмотри — тебе ничего не говорит?

— Как же?! Я в Ленинграде учился, служил. По этому адресу штаб погранвойск НКВД Ленинградского округа. А что?

— Ничего особенного. Просто Григорий Алексеевич Степанов¹ запрос на тебя прислал. Финны зашевелились.

---

¹ В то время начальник погранвойск НКВД Ленинградского округа.

На эстонской границе тоже что-то. События, думаю, там серьезные назревают. Просит тебя обратно.

— Ну что, Иван Григорьевич, собираться?

— И не думай! При всем моем уважении к Степанову — не отдам! Ты мне самому здесь нужен. Полагаю, что основной наш противник сейчас на польской территории хозяйничает. И, наверное, не с финнами, а с ним придется в конце концов драться насмерть. А финны... Финны их ученики. Коли ты с ними знаком — потягайся теперь с учителями...

...Он ничто. Он — ветер! Его не поймашь и не приласкаешь, не позовешь и не попросишь. Его даже не увидишь. Он есть и его нет. Он ничто. Но люди... Зачастую они не видят душу у самого близкого, но делят его и животных, и траву, и листья на деревьях. Даже его, ветер.

Он ничто. Но он уже живой. Ему нестерпимо страшно прикоснуться к тому человеку, что лежит в роще. Вот уже много дней он не движется. И ветер, путаясь в тоненьких стволах молодого орешника, скользя по последним осенним ягодам ежевики, смахивая пыльцу с запоздало зацветшего зверобоя и молочая, подбирается к этой застывшей в последнем движении фигуре. Он осторожно трогает его светлые длинные волосы, легко перебирает их.

Кем он был? О чем мечтал и что не успел додумать, когда его жизнь оборвалась, внезапно, на полувзмахе? Кто его оживляет в своих воспоминаниях и мечтах?

Как это несправедливо и глупо — внезапная смерть. Смерть, когда человек еще так много может сделать, когда еще все то, что ему отпущено, только начинается.

А может, не выдумка это — душа ветра? Просто те, кто погибает по вине других людей, становятся ветром, доживая свой, назначенный им срок, беспрерывно мчась над землей, безуспешно ища покоя и убежища, и не находя их, потому что вне движения они не существуют.

Но сохраняют они отпущенное человеку при жизни. И потому бывают ветры ласковые, как люди, и жестокие, как люди, нежные, как люди, и резкие, как люди...

Вечно летят над землей ветры, неся в себе чье-то горе и несбывшиеся мечты. Но временами, когда люди забывают свое предназначение на земле, ветров становится так много, что они сплетаются вместе и, забыв о том, что они уже неживые, уже там, за порогом бытия, вновь сталкиваются с ужасающей силой с теми, кто и в жизни был их врагами. Так рождаются ураганы...

Не потому ли так тревожно вглядываются женщины в небо, когда поднимается ветер посильнее, спрашивая себя: «Неужто что-то будет?»

Что?

Будет ли?

И кому еще суждено превратиться в ветер?

17 октября 1939 года

ИМЕНИЕ «БАРКОВСКОЕ»

Вроде совсем недавно все эти комнаты были уютными и теплыми. А теперь даже в темноте чувствовалось запустение. И дело было не в том, что в них хмурыми опухольями темнели остатки мебели, забытой здесь, не в грязи, прочно въевшейся в узорчатый дорогой паркет, и не в заросших паутиной и пылью углах, с холодно блестящими в темноте светлыми изразцами печей, уже давно никем не топленных. Просто дом отвык от людей. Не может то, что создано человеком, существовать без него.

Рябов еще в сумерках, расставив посты и дав необходимые распоряжения, стал бродить по имению. Он ходил и ходил по длинной анфиладе комнат, пытаясь представить, как здесь жили люди. Подходил к окнам. Сквозь запыленные стекла видны лепные пилястры, украшавшие фасад.

— Говорят, Марцей Траполя строил... В XVIII веке,— словно оправдываясь, объяснил Рябов красноармейцу, удивленно поглядевшему на офицера НКВД, который, выглядывая из окна, крутил головой в разные стороны.

Сам Рябов смутно знал, кто такой Марцей Траполя. Перед поездкой Астахов рассказал ему, что этот архитектор построил много дворцов и имений для крупной шляхты. К Барковским имение попало не случайно: их родственниками были и Сандомирские, и Львовские Мнишеки, которые родня Вишневецким, а те, в свою очередь... черт их маму знает, кому и кем приходились... Рябова очень удивляло, что Астахов умудряется при их загруженности всю эту ерунду разыскивать, а потом рассказывать, как о своей родне. И, главное, зачем?

...Темно на улице. А в пустых комнатах, пахнущих недалеким болотом, еще темнее. Такое ощущение, будто трясина уже затянула. Рябов повел пальцем по стеклу. Не столько увидел, сколько почувствовал, как потянулась грязная полоска.

«У, болотное гнездо»,— зло подумал Петр Николаевич и брезгливо вытер руку о полу шинели.

Медленно пошел в другую комнату.

Богато жил пан, но мрачно. Нет, неуютно здесь было Петру Николаевичу. Неуютно еще и потому, что никак

не мог он представить, как в такой громадине вообще можно жить.

Эх, наша матка — это Вятка, сестрица — рожь...

Рябов остановился в большой темной комнате у окна с треснувшим стеклом, и тонкая струйка сырого воздуха ударила ему в лицо...

Странно, когда он о своем доме вспоминает, не изба их, в землю вросшая, представляется, а совсем другое. Мужики косят, низко стоит еще едва теплое, словно не проснувшееся солнце, мокрая тяжелая трава, и он, маленький Петя, бежит по бескрайнему полю. Хотя, какое там бескрайнее? Только для него, для малыша... А дом их и тогда ему казался маленьким.

Был он седьмым в семье. Точнее, девятым, да только двое еще до его рождения померли. Отец ходил хмурый, заботами замученный. И сын последний его не обрадовал: «Нищету плодим! — мрачно бурчал отец. — Повесишься, покуда в силу войдут».

Вот тебе и хоромы... Все семеро одним одеялом укрывались.

Трех старших, едва подросли, отец к земле приладил. А остальных куда? Отдавали, куда придется. Петя со временем пошел в плотницкую артель. И там он дома не нашел. Охапка сена — вот и весь уют.

Делу его учили сурово. Был и нещадно бит складным аршином, и обделен паем при расчете хозяина с артелью. Пошел в другую. Потом еще в одну. Так житейскую науку и постигал. Заодно грамоте научился и неплохо с арифметикой познакомился. Начал деньги откладывать — дом-то свой нужен...

Тут война. Сперва крики «ура» и букеты с трехцветными ленточками, потом заголосили бабы по дворам, да забелели госпитали бинтами. Осенью шестнадцатого и он попал на австрийский фронт сапером. Под проливным дождем, а случалось и под австрийскими пулями строил переправы, наводил мосты, а по ночам, сначала опасно, а со временем все внимательнее слушал большевистских агитаторов.

В семнадцатом не метался — сразу пошел за большевиками, потому что силу за ними чувствовал, уверенность. К земле, что после Октября по весне раздавать стали, так потянуло. Своим домом зажить захотелось...

Рябов зябко повел плечами. Раздражала его сырость в этом особняке. Скорее бы кончалась ночь, и уйти из

этих хором. Уйти и забыть, вычеркнуть их из памяти...

Да, не получилось с землицей-то. Гражданская грянула. Стал воевать в Красной Армии. Воевал нормально, как раньше: вперед не лез, но и за спинами товарищей не прятался. Когда приказ давали, шел выполнять, добросовестно и основательно, а без приказа не высывался. Зимой девятнадцатого в партию записался. Потом старшим в трофейную команду назначили. Подчиненных к дисциплине приучал и сам тяжелой работой не гнушался.

Пуля так и не нашла его. Нашел сыпняк. Полгода по лазаретам. Уже и не чаял выкарабкаться. Но повезло, выздоровел. Потом, как партийца и бывшего красного командира, направили на ответственную хозяйственную работу — директором стекольного завода. Приехал на место, а там хоть плачь, хоть смейся: директор есть, нет завода. Так — груды песка, ямы с водой, разбитые бараки. Вот и все... Через полгода — завод не завод, а так, артель, но дала стекло. Хотел уж было там обосноваться, перебросили в другое место — на гвоздильный завод. Дал гвозди. Еще не раз перебрасывали с объекта на объект, а потом, оценив исполнительскую жилку, начальство отправило его учиться в совпрофшколу.

...Рябов отошел от окна, зябко поежился и поправил накинутую на плечи шинель, на всякий случай коснулся кобуры, приятно ощутив тяжесть оружия. Медленно пошел по анфиладе. Произойдет ли сегодня что-нибудь? Честно говоря, быть в роли подсадки и заманивать к себе охотника не хотелось...

Как же хорошо было на хозработе. Его душа радовалась, когда удавалось распутывать всякие хозяйственные проблемы. Ему говорили «надо», он уверенно отвечал «есть». И старался делать, как сказали.

Когда ему предложили перейти на работу в органы, он тоже не сомневался: надо. Это было после того, как в тридцать третьем Рябов в Средней Азии на границе занимался продовольственными вопросами. Там он вполне сносно научился говорить по-немецки и чуть хуже на фарси. Способность к языкам открылась. А там кого только не было: и турки, и курды, и немцы. Наверное, именно тогда, когда с пограничниками вместе работал, и заметили его. А может, и по другим причинам, но через три года после той поездки он стал работать в НКВД.

Особых сомнений не было. Работа по сути своей

представлялась важной. Инструкций много, приказов хватает, начальников тоже. Все есть. Но что-то пока не очень выходит, не получается. Неуютно ему на новом месте работы, как в этом чужом, непонятном доме.

Вот как расценить сегодняшний эпизод? Рябов со своей группой (первая еще затемно незаметно прошла сюда и организовала засаду) целый день лазил по имению, привлекая внимание мужиков. Это было несложно. Часа через полтора появилось их несколько. Степенно поздоровались, поговорили о том о сем. А глаза с хитринкой. Ждут, когда начальник скажет основное — зачем в имение приехал. Понял Петр Николаевич, чем вызвано сдержанное любопытство. Понял и таить цель приезда не стал.

Предложил он мужикам вместе богатства, которые, говорят, пан где-то здесь спрятал, поискать. Молчали мужики. Объяснил он, что это сейчас народные богатства, а пан их нагребил, эксплуатируя их же, мужиков. Но те сразу поскущели и под разными предложениями начали расходиться. Только один с интересом смотрел на Петра Николаевича. Его окликнули: «Эй, Нестор, пойдем! Но тот будто и не слышал. Подошел к Рябову, закивал головой и сказал: «А-а-а! Гостей ждешь? Праздник? Веселиться хочешь? Огоньки, фонарики? Придут и к тебе небось!» — и вдруг неожиданно громко рассмеялся.

На руках у него сидел какой-то полудохлый лисенок. Рябов был готов к сложному разговору и поэтому не сразу понял, что перед ним ненормальный. Даже сейчас, спустя несколько часов, не мог он избавиться от неприятного осадка.

Потом этот Нестор затащил зауспокойный псалом и погрозил грязным пальцем с обломанным ногтем.

«Вы того... Не сердчайте. Не в себе он. Умом малость тронутый. То наш, местный. Годами-то взрослый, а разумом дите...» — Один из мужиков вернулся и потянул Нестора вслед за собой к деревне.

Сейчас Рябов опять задумался, вспоминая слова дурачка. Глупости, а не по себе как-то. Что за гости?

В светлое время бойцы дотошно осмотрели стены, заглядывали в дымоходы, лазили по подвалам. Но всего, естественно, осмотреть не успели.

И почему Астахов решил, что эта их суета в имении поторопит Барковского? Ну ладно, просто оставить засаду. А то впрямую говорим, что знаем, кто он и зачем нужен.

Петр Николаевич поежился. Холодает уже. Потрогал ноющую рану над ухом, залепленную пластырем. Боль отдалась уколом в затылке. «Контузило все ж таки», — вздохнул Рябов и пошел к лестнице. Спустился вниз.

Красноармейцы, что сидели рядом с ручным пулеметом, — отсюда хорошо простреливались подходы к дому, — при его появлении настороженно оглянулись.

— Ну как? Тихо? — спросил Петр Николаевич.

— Тихо...

— Вы тут того, повнимательнее. Сами знаете, кого ждете. Чтoб ничего не пропустили.

— Тут вроде огонек мелькнул.

— Где? Когда?

— Да вон, между деревьев, на пригорке, церквушка. Видите? Там, минуты четыре назад. Хотели сразу доложить, но вот решили подождать. Может, еще что появится?

Рябов и сам, стоя на втором этаже у окна, заметил мелькнувшую светлую точку у церкви. Но больше ничего не было, ни движения, ни шума. Что делать? Послать разведать? Или сразу группу? Но не было у него такого приказа.

А вдруг он сейчас отошлет туда людей, а здесь появится Барковский? Нет, группу он ослаблять не может. Рябов успокоил себя тем, что, ничего не предприняв, он приказа не нарушит, а об этом огоньке все равно никто не узнает. Сколько раз, когда он был директором, приходилось не замечать того, что не нужно...

— Показалось, — спокойным тоном сказал Рябов красноармейцам. — Церковь заколочена. Я сам пробовал. Вот такой замок висит. Огоньки это от усталости. Со мной так бывало. В империалистическую, помню, стоишь на посту, вглядываешься в темень — все глаза проглядишь. Начинает тебе мерещиться: то огни, то шорохи... Ну поглядывайте тут...

Он зашагал по коридору, проверять другие посты.

ЖИВУНЬ

— Давай!

Алексей был не тяжелым, и все же Паисий даже крикнул, когда тот вскочил ему на плечи. Алексей чувствовал, что опора под ногами совсем ненадежная. Повесив моток веревки на шею, он искал выступы. Вокруг плотные кроны деревьев съедают последние лучики жал-

кого света луны. Сопение внизу становилось сильнее. Труден путь в храм господен...

— Ну же! — На выдохе из последних сил просто-нап внизу Паисий.

Вот наконец-то приличный выступ. Алексей быстро подтянулся, зацепился за край карниза, вскарабкался на него.

— На крыше ты там... не загреми... — донесся снизу заботливый шепот еще не отдышавшегося Паисия. — Левее возьми. Там у барабана¹ листы оторваны... Веревку лучше привяжи, стропила прогнили...

Об этом Паисий уже говорил раз пять и теми же самыми словами.

— Ладно, ладно. Вы идите. Сам управлюсь, — зашипел Алексей сверху.

— Сам-сам! — снова донесся сиплый встревоженный шепот. — Слушай, что тебе говорят. В среднем нефе², слева под сводом посмотришь. Они там только и есть...

— Да понял я, понял. Идите... — Алексею было неудобно, но только резкий, чуть командный тон мог остановить Паисия. Заговаривание его — от страха.

— Я у часовенки посторожу. Если что, камешек в крышу кину.

Тихо скрипнул песок под ногами уходящего Паисия.

Алексей нагнулся и стал ощупывать руками давно не крашенное железо старой церковной крыши, потихоньку двигаясь вперед. Вот и оторванные листы. Осторожно, чтобы не было шума, стал отгибать их. В тишине старое железо жутко скрежетало. Алексей болезненно поморщился. На ощупь выбрал стропило потолще, привязал веревку, дернул, пробуя. Пропустив ее вниз, начал спускаться.

Под куполом было еще темнее, чем там, наверху.

Веревка колола пальцы. Ее перед выходом забыли проверить. Да еще и скользкая. Узлы они, конечно, тоже не навязали. Плохо все начинается. Ноги вдруг нащупали опору. Обвязавшись веревкой на всякий случай, Алексей чиркнул спичкой. Слабое пламя сначала ослепило его. Со второй спички, когда глаза уже привыкли, он увидел, что стоит почти в центре деревянной крестовины. Сюда, по замыслу строителей, должны были при-

---

¹ Башенка с окнами, на которой стоит купол с крестом.

² Пролет храма.

весить люстру. Но на нее денег не хватило. Зато сейчас эта прочная опора очень здорово могла помочь. Только вот веревка... Мешается, а отпускать нельзя. Вдруг и эти балки только на вид крепкие.

Значит, слева должны быть портреты. Стоп, а слева от чего? Он забыл это уточнить у Паисия. Если лицом к алтарю, то, значит, надо разворачиваться. Если ко входу — наоборот. Алексей решил идти вперед. Не вылезать же назад.

Дошел до стены. Дальше узкий карниз, но если ползти вплотную к холодной, шершавой стенке, вполне можно пройти. Наверное, со стороны он напоминает полудохлую муху, с трудом передвигающуюся по оконному стеклу.

Так, метра три прошел. Здесь должен быть карниз. Все верно. Он осторожно опустил на корточки на небольшой каменной площадке, зажег коптилку. Темнота чуть расступилась. Так, если ему повезло и он угадал направление, то здесь, под сводом, и должна быть та самая роспись, которая ему нужна.

Алексей осторожно повернулся, поднеся коптилку ближе к углублению. На грязном, от тусклого света, голубом фоне расписанной штукатурки виднелись фигуры святых. Угадал, они.

Паны стояли рядом, подняв правые руки, словно благословляя или грозя! Тот парень, что делал эту роспись, был старательным ремесленником. Он попытался оставить благочестие святости, которое было, очевидно, на старом, закрашенном изображении. И все же в лицах новоявленных святых Барковских было много далеко не праведного.

Та фигура, что побольше — это, разумеется, отец. Лицо чуть продолговатое, с большими темными глазами, волевым подбородком, резкой складкой у рта. Чувственные губы казались капризно надутыми и, наверное, могли бы говорить о мягкости и изнеженности, если бы не их изгиб, который придавал лицу выражение еще большей властности и честолюбия. Если такой святой и был когда-то, то всем проповедям и призывам к заблудшим он, наверное, предпочитал меч и пытки.

Две другие фигуры — мальчики лет двенадцати-четырнадцати и лет двух. Лица чем-то похожи на святого наставника. Однако черты мягче, глаза наивны, теплы. Можно было бы совсем умилиться этим нежным созданиям, только и здесь за святостью и младенческой на-

ивностью угадывался не менее жесткий характер, чем у отца.

Впрочем, пора за дело. Надо тщательно срисовать эти лица. Алексей поставил коптилочку на карниз рядом с собой, отвязал веревку и зацепил ее за что-то, достал из-за пазухи листы бумаги, карандаш и принялся делать набросок. Начал он со «святого» полковника польской разведки, а ныне немецкого пособника и руководителя банды, именуемой в народе «болотным духом». С Барковского. Чувство настороженности, которое было вначале, исчезло.

...Скрипящий звук раздался внезапно, резко и страшно.

Сердце ухнуло вниз и сильно забилося. Алексей судорожно задув коптилку, сжался за выступом карниза. Сидеть было неудобно на корточках. Но не устраиваться же, когда тяжелая дверь уже тонко и противно заскрипела на давно не мазанных петлях...

По полу, покрытому стертой каменной плиткой, по стенкам с потускневшими картинками из жития, заскользили нереальные синие лучи. Гулко, многократно умножаясь от ударов в стены, метались звуки шагов. У порога кто-то задел прикладом о дверь и зло чертыхнулся.

«Банда», — понял Алексей.

— Стань у двери.

— Быстрее.

Снизу доносились негромкие команды. Несколько человек подошли к алтарю. Это совсем рядом, под ним, только чуть правее.

«Почему же Паисий не подал сигнала? — с тревогой подумал Алексей. — Неужели со стариком что-то случилось? Тогда — обрыв связи. Тогда он совсем отрезан от своих. А ведь вот она, зацепочка. Передать бы ее Астахову, если уж сам не смог».

Между тем внизу один из мужчин нагнулся, что-то вставляя в основание ступеней алтаря. Ломик. Плита начала, хотя и с трудом, подвигаться. Открылся черный провал потайного лаза, который был сверху хорошо виден на фоне светлых плит пола.

Высокий, в офицерской форме, не занимавшийся работой, протянул фонарь действовавшему только что ломиком. Тот начал спускаться вниз. Эх, Паисий Петрович, неужто оплошал, неужто дал себя убить? Как же нуж-

на связь... Здесь же тайник! Тайник, о котором никто и не подозревает!

Только что там они хранят? Алексей попробовал еще чуть подвинуться, чтобы лучше видно было...

У-у-х! Гулко ударило вниз. Бандиты присели, хватаясь за оружие. Лязгнули затворы карабинов.

Все! Проклятая коптилка. Упала-таки. Маленькая-маленькая, а сколько грохота!

По стенкам беспомощно заметались размытые лучи фонариков, зло вырывая из тьмы лики святых, страсто-терпцев и застывшие в движении фигуры праведников и праведниц.

Вот мелькнул один по глазам и проскочил мимо. Проскочил и вернулся снова. И тотчас остальные скрестились на выступе у карниза.

— А ну? Кто тут? Слазь! — Голос был сиплым, низким и повелительным. Алексей распрямился на карнизе.

— Высоко... — хочется говорить естественно, но распухший язык выталкивает из пересохшего горла какие-то хрипяще-дрожащие звуки. — Как слезать-то?

Так, наверх не полезешь — там тоже может быть кто-нибудь. Остается — вниз и через дверь. Но как до нее доберешься?

— Хватит балаган разводить. Слазь, говорят! Веревку-то не вешаться привязал?!

Надо попробовать прорваться.

Он взялся за веревку и, слегка оттолкнувшись ногами, заскользил вниз. Но уже у самого пола вдруг с лету, используя всю свою ловкость и силу падения, резко выбросил ноги вперед. Сиплый, что ближе всех подошел к канату, кулем покатился по каменному полу.

Алексей по-кошачьи быстро вскочил на ноги. Бандиты растерялись. Еще одно мгновение подарила ему судьба. Он метнулся к двери.

— Взять! Живым! — властный голос.

Живым — это хорошо. Пусть маленький, но шанс.

Чья-то рука рванула за плечо. Но удалось нырнуть под нее, выворачиваясь, и резко ударить сцепленными руками под ребра. В темноте тяжело застонали.

Где ж, она, эта дверь? Впрочем, дверь-то на месте. Только перед ней — трое. Алексей рванулся, казалось, на этих, что приготовились его встретить. Но неожиданно для всех вдруг вместо пола поставил на стену ногу, потом другую и в синем свете потайных фонариков быстро побежал по ней.

— Езус Мария! — ошарашенно пробормотали сзади.

А он прыгнул за спинами тех троих, так и не понявших, что же случилось. Пусть потом размышляют. Дверь, вот она родная.

Но из темноты кто-то тяжелый обрушился на него и навалился всем своим весом так, что кости хрустнули. Резкий рывок. Перед носом оказалась ляжка, туго обтянутая сукном. И Алексей вцепился в нее зубами.

— У-у-у! — захрипел здоровый и откинулся в сторону.

Все. Последний бросок. А там — ищите, если хотите!

И вдруг ночь вспыхнула и пошла радужными кругами. Яркий свет сдавил его всего, не давая вздохнуть. И только после этого, уже теряя сознание, он издалека почувствовал боль в затылке...

Вновь яркий свет в глазах. Он начинает меркнуть, и Алексей ощущает, что по щекам льется что-то холодное. Он пришел в себя.

Теперь некоторое время не стоит показывать, что сознание уже вернулось. Он лежит на полу, руки связаны. Скорей всего той, его собственной, веревкой. Толстая очень — стянута сильно, но не больно.

Голоса отчетливо слышны. Говорили по-польски.

— Ловко ты его... Не наповал?

— Чего там... Сейчас очухается.

— Глянь! Аж из носа кровь потекла. От удар! Может, ты сразу ему нос перебить умудрился?

— Так ему зачем теперь нос? Покойнику, что с целым носом, что с перебитым — все едино. Черви разбирать не будут...

— Здесь, думаешь, и оставим?

— Так не таскать же? Кладбище-то под боком. Убей в любую могилу.

Вопросы задавали разными голосами. Отвечал один, густым баском. Этот его и сшиб, понял Алексей. Он попытался прислушаться к другим разговорам, что вдалеке. Но там говорили тихо, да и в ушах у него от сильной боли в голове, словно ваты понапихали.

Что с ним сейчас сделают? Неужели убьют? Неужели это все? И дальше пустота, ничто?

Рано по себе заупокойные запевать. Пока жив — надо жить! Руки связаны. А ноги? Алексей постарался незаметно пошевелить одной ногой.

— Гляди-ка, задергался. Живой, значит.

— Подымай его.

Чьи-то сильные руки грубо подхватили Алексея и поставили на ноги. Он попытался снова свалиться. Притворяться было легко — ноги действительно слушались плохо. Упасть не дали.

— Ну не придируйся, — сказал тот же густой голос. Чем-то жестким сунули под ребра. Больно и обидно.

— Глазки, глазки открывай, просыпайся, — елеинно издевательским голосом прогнусавили у самого уха и потом уже нормальным, — повторить, что ли?

Алексей не без труда поднял ставшие странно тяжелыми веки. Тусклый синий свет высвечивал фигуру плотного, приземистого мужчины средних лет. Большой, квадратный козырек фуражки скрывал почти все его лицо. Была видна только тяжелая бульдожья челюсть и удивительно не подходившие ей тонкие ехидные губы с тонкой ниточкой темных усов. Подошел другой человек. В полумраке угадывались высокая стройная фигура, затянутая ремнями амуниции, тускло мерцающее серебро позументов на воротнике мундира.

По бокам Алексея стояли еще двое. Они не столько держали, сколько поддерживали. Правда, он уже понемногу начал приходить в себя, но если уж держат, почему не опереться. Тот, что стоял в тени, шагнул вперед.

— Эй, кто там, посветите еще сюда, — негромко, но властно приказал он. Плотный услужливо сдвинул синее стекло на фонаре. Яркий свет полоснул по глазам Алексея. Вспышка осветила и лицо человека. Такое же, как на фреске. Только живое. Барковский?! Сам?!

— Кравец? — резко сказал Барковский. — Вы в своем уме?!

Он быстро выхватил у своего подчиненного фонарь и выключил его.

— Не ожидал от вас. Зачем же понимать так буквально. Достаточно и синего цвета. Тем более для того, кто скоро покинет нас... навсегда. Имение не так далеко. Свет могут увидеть. Вы же не хотите, чтобы и сюда пришли незваные гости?

— Виноват, — вытянулся Кравец. Чувствовалось, что ему досадно за свою ошибку.

— На каком языке предпочитает пан говорить? Пока еще есть у него такая возможность, — с легкой иронией обратился к Алексею Барковский. — Надеюсь, что не заставите вытягивать из вас ответы? У нас в запасе всего

минут десять-двенадцать. А надо так много узнать друг о друге.

— Зачем же мне упираться? — как можно искреннее удивился Алексей. Он старался найти ход, как лучше подать легенду.

— Пан молод, но благоразумен. Это приятно, — ласково улыбнулся Барковский. Игра доставляла ему удовольствие. Он сделал легкое движение рукой, и двое, что держали Алексея сбоку, отпустили. С другой стороны от каких-то мешков, что появились посреди церкви, отделились еще две темные фигуры и направились к ним. Оба высокие, гибкие, сильные. Когда они подошли поближе, в одном из них он узнал повзрослевшего панского сына.

— Итак, кто вы?

— А вы?

— Фу, какое дурное воспитание. Нельзя отвечать вопросом на вопрос. В таком положении тем более.

— Ваше, насколько я понимаю, немногим лучше. Ну а положим, я крикну?

Алексей не успел договорить, как в живот ему уперся ствол карабина. У Кравца оказалась отменная реакция.

— Не советую, — грозно произнес Барковский на сей раз без тени иронии, — вы мгновенно можете лишиться последних минут, отпущенных вам на этом свете...

— Я неудачно пошутил. Извините. Не стоит звать кого-то еще. Мне достаточно и вас.

— Вот как?! — Барковский удивился. — Я вам нужен? Любопытно... Но должен вас, любезнейший, огорчить. В мои планы не входит долгое общение с вами. Давайте ближе к делу. Три минуты прошли совершенно бесполезно. Итак, кто вы?

— Художник, — ответил Алексей и быстро добавил: — начинающий.

Это вывело из себя второго из подошедших.

— Художник, — растягивая слова, повторил он. — Да от него НКВД за километр тянет. Пулю ему, вот и все художество.

— Чеслав, Чеслав, — Барковский был удивлен. — Откуда столько экспрессии?! Может быть, вы что-то знаете?

Чеслав! Несостоявшийся жених Василины! И так шансов никаких, а тут еще это.

Что делать? Надо было как-то ответить. Но как? Под дурачка играть поздно.

Помощь пришла неожиданно.

— Он для него хуже любого энкавэдиста,— вдруг хихикнул Кравец.

— Отчего же? — поинтересовался Барковский, не понимая, почему он не в курсе того, что знают его подчиненные.

— Да этот,— Кравец кивнул на Алексея,— у Чеслава бабу увел. Так, что ли, Лех?

— Сучий выкормыш! Пан пулковник, дайте мне его. Уж я с ним поговорю...

— Хватит, Чеслав,— резко остановил его Барковский.— Отелло... Идите займитесь делом. Время не ждет. А мы продолжим. Так что вы, пан художник, простите, начинающий художник, искали здесь?

— Роспись, слышал, красивая. Хотелось посмотреть.

— Непременно за полночь?

— Церковь закрыта. Днем полезешь — лишние разговоры.

— Резонно. А в тот угол,— Барковский показал в сторону карниза, где прятался Алексей,— случайно попали?

— Случайно, темно...— Этого вопроса Алексей ожидал и боялся.

— Неубедительно. Судя по всему, вы не продумали такой вариант. Ошибка. Ну а зачем мы понадобились пану художнику?

— Мне туда надо... За кордон... Думал, может, можете... Может, сговоримся...

— А ваша фамилия случайно не Ротшильд? Кравец, вы слышали когда-нибудь подобный бред? Нет? Я тоже. Это вы о нем мне докладывали? Так зачем вам, молодой человек, туда? — Барковский с насмешкой едва кивнул в ту сторону, что и Алексей.— Сейчас здесь раздолье для пролетария. Пока здесь ваша власть. Правда, только днем...

— Дело есть...— Алексей решил лишь намеком обозначить легенду.

— Рад бы поверить, но... Однако, согласитесь, странно застать вас ночью, в церкви, у той росписи, которую вам следовало рассмотреть без свидетелей. За границу хотите... Не нуждаетесь в русских братьях пролетариях, но нуждаетесь во мне, аристократе. Наши интересы слишком странно переплетаются.

— Возможно...— пожал плечами Алексей.— Но поймите, жить в бедности и вдруг узнать об огромном

богатстве, оставшемся там. И никто о нем не знает, кроме меня. Сидеть здесь? Не попытаться взять его? Разве тут дадут им воспользоваться, пустят к нему? А Шехтер его теперь уже не сторожит.

Барковский посмотрел на пленника с интересом, услышав имя известного варшавского антиквара.

— Все! — неожиданно отрезал он. — Время истекло. Приберите здесь. Убрать следы! — приказал он подошедшему парню с автоматом. — Церковь запереть! Все вынесли?

Тот кивнул.

— Пан Кравец, на минуту. — Они отошли в сторону.

«Заигрался, приманку надо было дать получше. А сейчас? Расстреляют? Хотя церковь... Впрочем, что им церковь... Но как сказать?» — думал Алексей.

Барковский снова подошел. Алексей не успел к нему обратиться, как он, не останавливаясь, взял своего сына под руку и пошел с ним к двери.

Только бросил плечо Чеславу:

— Выводи, — и, уже не обращая на них никакого внимания, начал что-то тихо говорить сыну.

— Пан... — потянулся было Алексей к Барковскому. Но жесткая широкая ладонь Чеслава тотчас же зажала ему рот. Сзади уперлись коленом в спину, заламывая руки, запихнули кляп — какую-то вонючую тряпку. Сильно и коротко ударили в солнечное сплетение и, когда Алексей согнулся в три погибели, подхватили под руки и поволокли к выходу...

18 октября 1939 года

живунь

Еще одно перо сломалось. Господи, дай силы. Надо успокоиться, унять нервную дрожь рук и сосредоточиться. Нужно обо всем срочно сообщить. Бежать в имение? Нельзя. Астахов категорически запретил. В любой ситуации.

Таким Паисия еще не видел никто. Он сидел за столом в своей комнатке, в грязной одежде, волосы спутаны, на руках пятна засохшей глины. На чистом, аккуратно выкрашенном полу сырые черные следы от мокрых сапог.

Как чувствовал — что-то произойдет. Как чувствовал! Но фигуры возникли так неожиданно. Из темноты

кладбищенских зарослей. Они встали между ним — зачем только он сел за эти кусты? — и церквью.

...Паисий обхватил руками голову и горестно застонал.

В первое мгновение, когда услышал скрип открываемой двери, он хотел отвлечь бандитов. В том, что это были бандиты, он ни на секунду не сомневался. Но в последний момент стало ясно — не поможет. Его даже не застрелят, зачем шуметь? Свернут голову как гусю, и зашипеть не успеешь.

Тогда Паисий затаился. В церковь вошли не все. Трое или четверо остались снаружи. Один подошел совсем близко к кусту, за которым он присел.

Он до сих пор с омерзением вспоминает раздражающее подергивание носом и сопение. Насморк был у бандита. Это хлюпание мешало услышать, что происходит там, в церкви.

«...Спаси и помилуй», — прошептал сам про себя Паисий, вновь вспомнив свой страх за этого симпатичного мальчишку и забывая на мгновение, что тот, к кому он обращался, не услышал его молитвы, или не захотел услышать, или просто его нет на свете...

«Спаси и помилуй», — молился Паисий, всматриваясь в темный провал приоткрытой двери храма. Сначала не было слышно почти ничего, и Паисий вдруг с надеждой подумал: вдруг обойдется? Подумал и оборвал сразу же — сглазить можно. И вот действительно сглазил. Резкий, приглушенный, понятно, и все же резкий звук пустой консервной банки о камень, мгновенная пауза и напряженный гул.

Когда после каких-то, все так же плохо различных вскриков и приказов все в церкви снова затихло, Паисий не выдержал, решил разузнать, что к чему. Медленно, неслышно опустился он на холодную землю. Уже было решился ползти, но тут сторож зашевелился. Паисий замер, прижавшись к земле. Из церкви снова донесся чей-то голос. Мелькнул огонек.

Потом раздался звук шагов. Звук становился громче, шаги приближались. Сопливый охранник снова забеспокоился. Лязгнул затвором.

«Кто там?» — осторожно спросил осипший страж и снова залязгал затвором. «Да я, я, Казимир! Не пальни, дурак... Ладно, пошли, Лех звал!» Они ушли.

Когда уже в церкви все стихло, Паисий привстал,

чуть размял затекшие руки и ноги. И увидел темные фигуры, отделившиеся от чернеющей громады церкви. Они были хорошо видны на фоне чуть посветлевшего неба, но, сворачивая за угол, исчезали.

Паисий не мог понять, что же они вынесли. Несколько человек шли вперед налегке. Другие, появившиеся вслед, были с тяжелой ношей. Но какой? Несколько ящиков. Потом протащили бесформенные тюки.

Когда последний скрылся из виду, Паисий поспешил к двери. Но на ней снова висел большой ржавый замок. Будто ничего и не случилось. Тогда он побрел к тому месту, откуда залезал Алексей. Попытался вскарабкаться на стену, даже какой-то толстый обломившийся сук приставил. Ему слышались стоны. Слабый голос, зовущий на помощь. Но силы не те, он скользил и падал.

Вернулся к двери, дернул со злости замок. Тот неожиданно отвалился. Паисий открыл тяжелую дверь.

Как надеялся найти там Алексея! Звал, потом снова искал. Никто не ответил, никого он не нашел. Потом обшарил все кладбище. Тоже никого. И в темноте следы не разглядишь...

Паисий закончил донесение. Торопливо вышел во двор и пошел за околицу.

Ночь уже кончилась, хотя ранний свет еще был присыпан остатками тьмы.

Он вдруг задал себе вопрос: почему бандиты появились в церкви именно в тот момент, когда там был Алексей? Случайность?

Василина! Да-да, именно она. Ну у кого еще мог быть реальный выход на банду? Конечно, она! С Чеславом у них совсем неясные отношения. Кому Алексей мог сказать о том, что он собирается делать? Тоже ей. Какая у них любовь была. И тропинки все в лесу и на болотах знать может. И отец ее. Кому служит Филипп? Теперь ясно... У Алексея к ней было настоящее чувство. Но разве женщины могут оценить это?!

Паисий недолюбливал красивых женщин.

Эти рассуждения отвлекли от дороги, и совсем скоро показалась деревянная мадонна.

Паисий, забыв о конспирации, да и кто в такую рань за ним следить-то будет, подошел к тайнику, вытащил патрон. Там что-то было. Он достал послание, вставил свое, положил цилиндр на место. И лишь после этого развернул полоску бумаги.

Прочитал и побледнел.

На узком листочке бумаги было написано: «Художнику срочно вернуться. Встречают ежедневно на базаре в Белой Веже 12 до 14. Отец».

19 октября 1939 года

ЖИВУНЬ

Всяко бывало. И с подружками ругалась, и мир казался не мил. Переживала. Думала — горе. А это было так, детство...

Оказалось, что самое горькое горе — это пустота. Пустота вокруг тебя. Все: деревья, дома, предметы, люди — все совсем постороннее. Ты словно прозрачной стеной отделена. Все движется, живет. А там, где ты, ничего — пустота... Даже воздух пустой.

И хорошо бы во спасение обернуться внутрь себя. Только и там, внутри души — непонятная преграда, которая внезапно и жестко отделяет тебя от воспоминаний, делая их далекими, чужими и ненужными, как истертые глянцевые картинки, заброшенные на пыльный чердак.

Была первая любовь. Стала первым горем. Неужели так у всех случается? Да что до всех, почему у нее так? Знала, что так будет. Люди говорили, и он сам не отказывался, когда спрашивала. А все равно не верила, что разлука близка.

Она ждала его первый день. Почему-то лесная избушка, их дворец, вдруг показалась ей поблекшей и неуютной. Ждала дотемна. Ночью сон просила, как благодать. Но не снизошла к ней благодать. Только далеко за полночь она провалилась в забытие, рваное, как старая паутина.

Утром пошла в деревню. Ходила по улицам, здоровалась, пыталась улыбаться. А сама все искала — вдруг встретится. Может, просто дела закружили его? Но он не встретился. К Килине зайти просто боялась.

О плохом старалась не думать. Скорей всего пошел ее Алеша за кордон. Сам ли, с провожатым. Пошел и забыл ее.

И что, собственно, помнить? Кто она такая? Так, деревенская девчонка. Простая, мало знает, дальше Белой Вежи не ездила. Да и туда-то всего несколько раз.

А он! Артистом был. Его, наверное, столько деву-

шек любило. Он такой взрослый и умный. Может, и туда, в Польшу, к какой-нибудь красавице спешил.

Ей тоже надо забыть его. Вырвать из сердца. Вырвет! Забудет! Навсегда!..

Но как же одиноко и пусто!

Наконец, она не выдержала. И пошла к тетке Килине. Пошла так, без повода. По дороге придумывала, что сказать. Не понадобилось придумывать. Едва вошла, Килина обняла ее и расплакалась. Василина вместе с ней. Вместе плакали, старая и молодая.

Когда успокоились, Килина сама, без всякого вопроса начала рассказывать. И как Алексей вдруг собирался куда-то на ночь глядя. Сказал, что порисовать хочет. Она еще подивилась: какие такие рисунки ночью? Сказал, что придет под утро. Попросил вареников сготовить с ягодами. Любит он их очень.

— А что в деревне говорят? — спросила Василина.

— Ничего не говорят. Кто заказы ему делал, уже заходили. Так я им сказала, что в Брест он поехал. За зимними вещичками. Поверили не поверили — их забота. Другие молчат.

Девушка засобиравалась. На пороге старушка снова обняла ее, крепко прижалась и всхлипнула.

Василина почувствовала, что еще немного, и она снова заплачет. Освободилась как можно мягче и вышла во двор.

Надежд оставалось мало. Худшее, что гнала от себя, пришло. Только на душе стало почему-то легче. Впервые по-бабьи ревела, в голос. Потому и полегчало. Только сейчас начинается самое горькое, но такое частое для женщин ожидание, тяжелое и беспросветное. И никто не скажет, когда вернется ненаглядный, прижмет к груди своей и слово доброе скажет.

...Паисий увидел Василину издалека. Ему было и проще и сложнее. Проще, потому что он мужчина. И еще он знал, что случилось на самом деле. Сложнее — потому что груз несделанного давил на него, требовал действий. Прежде всего надо узнать, где сейчас Алексей. И сделать это он хотел через эту девочку. Что она, невеста Чеслава, все знает — он не сомневался. Оставалось только поймать удобный момент для разговора. И вот такой момент настал. Паисий заметил, что с ней что-то случилось. Вроде все как обычно. Но всего неделю назад ходила она по улицам, и чувствовалось — счастли-

вая. А сейчас словно тяжесть на плечах носит — вида не показывает, а идти тяжело.

Паисий растерялся. Он и раньше-то не слишком ясно представлял, как с ней разговаривать. А сейчас — тем более.

— Холода скоро, — сказал Паисий, после того, как поздоровались. Василина остановилась.

— Да может, и не скоро. Вон как тепло, — ответила она, стараясь говорить уж если не веселым, так хоть безразлично-усталым тоном.

— Все по хозяйству хлопочешь? — Учитель почувствовал, что вопросы его ничуть не приближают к выявлению истины.

— Отец занят, а Нестор разве позаботится о себе сам? Вот и приходится...

— Да-да, непросто. Замуж выйдешь, еще хлопот прибавится.

Василина посмотрела безразлично на Паисия и отвернулась.

— Кстати, где он сейчас? Вроде как уехал сопровождать в полк молодого пана, так про него и не слышно было.

— Кто? Куда уезжал? О чем это вы, Паисий Петрович?

— Да как о чем? Чеслав ведь перед отъездом всем сказал, что как вернется, в жены тебя возьмет!

Девушка рассердилась. Нашел время вспоминать.

— Не знаю, рано мне еще, — резко ответила она. — Отчего вы вдруг заговорили об этом. Я и думать о нем никогда не думала, а вы — жених...

— Говорят, видели его. Злой ходит. Кому-то голову свернуть собирался и все про женитьбу говорил.

Паисий лгал неумело. Но остановиться уже не мог.

— Кому? — Василина насторожилась.

— Не знаю. Не я же его видел. Так тебе разве он сам не говорил?

— Мне? Не видела я его и век видеть не хочу.

Паисий посмотрел внимательно на эту хрупкую девочку. Какая злость в ее голосе. Может, и ни при чем тут она?

— Красивая ты. Нарисовать бы тебя... — Паисий помолчал и тихо, почти про себя добавил: — Только вот художника нашего нет...

Василина, отвернувшись, вытерла глаза концом платка.

— Бог даст — обойдется... — перекрестился Паисий, — хороший он юноша, добрый... М-да... Сильно мы с ним сдружились.

— Вы? — улыбнулась сквозь слезы девушка. Очень уж не вязался непоседливый Алеша с пожилым учителем.

— Да-да! Что тут удивительного? Старое, оно всегда тянется к молодому. Опять же общность взглядов... — Паисий осторожно кашлянул. — Бог, он несправедливости-то не допустит! А ты... если какую весточку получишь, порадуешь старика, не забудь. Договорились? — Он заглянул в глаза Василины.

Василина в ответ кивнула, закусив губу, и быстро пошла по тропинке к хутору отца. Паисий, проводив ее глазами, медленно побрел к дому.

«Страшное время, господи, страшное... — шептал он сухими губами. — Дай-то вам бог, дети, дай вам бог...»

БОЛОТА

Наконец он свыкся с мыслью, что жив. Может, будет жить и дальше.

А поначалу было совсем плохо. Когда надели мешок на голову, думал, все. Сейчас за угол отведут, к могилке какой подтащат, и недолго придется мучиться. Только боялся, что они его ножом. Пулей, казалось, быстрее и безболезненней. Пытался вспомнить жизнь, как полагается в таких случаях, если книжкам верить. Не вспоминалось. Почувствовал только, что одет слишком легко и ему холодно.

В темноте трудно было понять, куда они двигаются. Кладбище давно осталось позади. Вроде начинался лес, тот, что сразу за бугром. Тогда он решил, что его хотят повесить. Как того Акима. Снова попытался вспомнить самые яркие страницы своей жизни. И снова не удалось. Зато он надолго запомнит, если выживет, как это неудобно — ходить с крепко завязанными за спиной руками, кляпом во рту из грязной, воняющей старым ружейным маслом тряпки, с плотным мешком на голове и петлей на шее. Другой конец веревки был, очевидно, у того, кто шел впереди и изредка подгонял его, натягивая веревку. Куда они так торопятся?

Потом под ногами захлюпало. «Болото, — подумал он, — будут топить. Кинут в трясины и все. И никаких следов». Вот тут стало обидно. Что подумают люди,

Василина? Сбежал. Испугался. А кто обратное докажет, если Паисия уже нет в живых? Потом его толкнули. Падая, он вновь попытался вспомнить хоть что-то из своей жизни. Не получилось. Едва коснувшись холодной жижи, он почувствовал чьи-то руки, которые тащили его назад, на твердое место. Сверху доносились ругательства. Когда упал второй раз, его опять, матерясь, вытащили. Стало ясно, что и топить не будут.

Понял и загрустил. Ведь если не утопят, значит, будут пытаться.

Шли долго. Наконец Алексей почувствовал сухую почву. За штанины цеплялась трава. Потом, когда прошли немного посуху, закрипела какая-то неведомая, неизвестно откуда взявшаяся посередине топи, дверь. Его втолкнули внутрь. Чуть не свалившись, он кое-как по земляным ступенькам спустился вниз. С головы сдернули мешок, развязали руки, вонючую тряпку он выдернул сам.

После плотной темноты свет в землянке ему показался ослепительно ярким. Когда глаза привыкли, он увидел, что под невысоким потолком висят всего две небольшие лампы-керосинки. Его посадили на нары, покрытые мягкой ветошью.

В бункер, куда его втолкнули, вошли еще человек десять-двенадцать. Но нар было больше. Алексей подумал: «Зачем?»

Больше его беспокоило другое. Когда на допрос? Но его не повели. Более того, усадив в дальний угол, про него забыли. Ходили, пересмеивались, переговаривались. Алексей никак не мог понять, на каком языке. Говорили по-польски, по-белорусски, слышался украинский говор. Проскочила даже немецкая фраза. Двое у стола ножевыми штыками вскрывали консервные банки, крупно резали хлеб, разливали по кружкам ром.

Ему тоже сунули банку консервов и ложку, большой кусок хлеба и кружку.

А потом он вместе со всеми улегся спать. Сначала вздрагивал от каждого шороха. Но все же заснул. И уже не слышал ни скрипа соседних нар, ни глухих тревожных звуков болота, ни густого храпа.

...Алексей не хотел подниматься, лежал с закрытыми глазами.

Думал, что будет самое плохое: пытки, издевательства, допросы. И вместо этого... Спокойно поднялся. Дали поесть. Но на еду он особого внимания не

обратил. Все ждал подвоха, провокации, после которой...

Ничего похожего. Тогда Алексей решил работать — запоминать самое важное. Сколько их здесь, в болоте, приметы, имена, клички. Какое оружие.

Но делать это было трудно, почти невозможно. От бункера его не отпускали, вывели только подышать, да самое необходимое справить — и назад. За ним следовал все время молчаливый и пожилой человек. Так подошел вечер. Барковского он вообще не видел. Поужинали. «Болотные духи» при свете керосинок еще поиграли в карты и в кости. Потом подвернули фитили у ламп. А Алексей долго заснуть не мог — уже выпался. Все размышлял, пытаясь понять, в чем дело. Он не заметил, как провалился в сон, потому что и во сне ему все чудились разговоры с Барковским. Разговоры длинные и ослизлые, как болотная тина.

...Сейчас, когда голова ясная, нужно все понять, а поняв, выработать план дальнейших действий. Нечто подобное уже пришлось испытать. Когда его арестовали в Варшаве, он тоже вот так сидел неделю-другую. Ни допросов, ни передач. Прием испытанный — у заключенного слабеет воля, появляется острая жажда в общении, притупляется чувство опасности. Но болото — это не варшавский «павяк»¹. И недель у бандитов нет. Значит, ждать недолго.

Нужно запастись терпением. А пока наблюдать и запоминать, запоминать...

Алексей быстро встал, оделся. Было еще довольно рано. Но в землянке уже никого. Только один высокий парень в кожаной куртке и голубых кавалерийских галифе. Он старательно занимался своими ногтями, делая маникюр большим обоюдоострым кинжалом. Когда ножом стало неудобно подрезать ногти, парень просто обкусывал их, предварительно тщательно обсосав.

Новый «ангел хранитель», понял Алексей.

— Знакомый вроде, — сказал «ангел», повернувшись к Алексею и внимательно разглядев его. — Зовут как?

— Алексей.

— А-а! Ну конечно, — Алексею показалось, что «небесный посланник» хищно расправил свои крылья. — Циркач...

— Именно так, — как можно покорнее произнес Алексей. Этому стражу только такое успокоительное и нуж-

---

¹ Тюрма в Варшаве при режиме Пилсудского.

но убедиться, что его силу признают и уважают. И действительно, хищные крылья вроде бы сложились.

— Меня Ровень кличут... Садись.

Ровень подал ему котелок с кашей и толстый кусок черного хлеба. Сейчас Алексей уже ощутил вкус еды. Каша была вкусной, с консервированным мясом. Да и хлеб совсем неплох. Ром, каша, мясо — хорошо устроились, сволочи.

— А что я тебя в церкви не заметил? Все же знакомые, как-никак.

Ровень усмехнулся.

— Далеко был... от церкви...

Алексей быстро справился с сытным завтраком. Они вышли наверх. Светило солнце, но было прохладно.

— Где тут у вас... — Алексей повернулся к Ровеню.

— Вон за кустики отойди и давай. Я не баба, меня стесняться нечего. Ты только там лишнего не шагни. А то и «Отче наш» прочесть не успеешь.

Значит, верно, что они на островке и вокруг этого клочка суши, который облюбовали бандиты, была гнилая топь...

Потом повезло — Ровеню надо было пообщаться с приятелями. Пригрозив Алексею, чтобы не наделал глупостей, он повел его в глубь острова.

Островок оказался не маленьким. Кусты, камыши. Бункеры отлично замаскированы.

Только как все передать? Варианты связи, разработанные с Астаховым, полетели к черту.

— Время обеда. Святое дело! — Ровень, обойдя приятелей, повеселел.

В бункере Алексею дали миску борща, одобренного салом, и кружку сладкого жидковатого кофе. «Сухарей они вовсе не едят, — заметил Алексей. — Что это значит? А это значит, что банда не просто снабжается из-за кордона, но снабжается регулярно».

Забрав миску, Ровень добродушно предложил передохнуть. Вышли наверх. Уселись на толстой коряге. Старые, но крепкие ветки — как спинка у плетеного кресла. Удобно...

— Можно покурить! — снова распорядился Ровень. — Ты-то куришь?

— Не часто. Но табачок имеется, — Алексей понял, что Ровеню или лень возвращаться за своим куревом, которое он забыл внизу, или жадничает. Но тут же вспомнил о том замечании, что сделал Филипп об узо-

ре. Ровень не Филипп, но кто его знает, вдруг тоже заметит?

— ...Правда, намок он, испортился,— сказал Алексей, произвольно провел по карману и похолодел. Кисета не было. Провел по другому. Тоже пустой. Но вчера все было на месте. А сейчас карманы абсолютно пусты.

— Чего,— заржал Ровень,— имущество свое ищешь?

Смешно идиоту. Но куда же все делось? Заметят ли вышивку на кисете?

— ...Ищу,— сделал растеряннo-наивное лицо Алексей и стал оглядываться вокруг себя, дескать, вдруг выпало.

— Дурак! И такого еще охранять приставили,— беззлобно подивился Ровень,— у тебя все еще ночью выгребли.

Так, все по плану. Первый день не трогали, а сейчас проверку начали. И он, как мальчишка, не заметил этого.

— Кто?

— Пан Кравец.

— Кравец? Это кто?

— Да крестный твой,— Ровень, усмехаясь, ударил кулаком в ладонь и подмигнул своему «подопечному». — Серьезный человек. Он не только карманы, самого тебя обыскал. Ты как сурок спал. И во сне причмокивал. На, закури!

У Алексея настроение испортилось. Поверили ему или нет? Почему Барковский не вызывает? А ключ-то оставили! Вот он, висит на шее.

Ровень протянул Алексею мятую пачку немецких сигарет «Юно». Он взял одну, понюхал, попросил прикурить.

— Немецкие?

— Тебе что за дело? Дали — кури! А откуда ты, собственно, знаешь? Или угадал? Ты что, у немцев был? Алексей кивнул.

— Приходилось...— это входило в легенду.

— А кто тебя по стенкам бегать научил? Мне рассказывали.

— В цирке.

— ...В цирке, значит... Цирк тот не НКВД называется? — Ровень задал вопрос угрожающим тоном. Но тут же громко захохотал, увидев растерянное лицо Алес-

сея. Он так пошутил. Нет, все-таки идиот. И шутки у него идиотские. Сказать бы ему все. Но...

— Нет, пана Верховского. Шапито. Шатер такой из брезента. Приехали, дали представление, свернулись — и дальше.

— Ладно, ладно. Верю. Слушай, научи так бегать.

— С удовольствием, — Алексей мог это пообещать спокойно, все равно обещание сдержать невозможно. — А стенки здесь есть ровные?

На болоте стенок не было.

Посидели еще. Покурили. Тоска...

— Ты в карты играешь? — неожиданно спросил Ровень. Приятеля, что ли, увидел в пленнике или еще что?

Играть в карты научил Алексея чех Ломжичек, работавший иллюзионистом. Поговаривали, что в юности он зарабатывал на жизнь в игорных домах. Так это было или нет, никто не знал. Но он владел в совершенстве не только фокусами с картами, но и самыми изощренными шулерскими приемами. Был он добрым человеком и, обучая ребят своим хитростям, говорил, что это, конечно, плохо. Но в жизни все может пригодиться. Спасибо, пан Ломжичек, ох, может...

Через полчаса Алексей выиграл у Ровеня три пачки сигарет, спички, новые солдатские носки, утаенную от начальства бутылку немецкой водки.

Вокруг них стали собираться обитатели бункера. Не отрываясь от карт, Алексей пытался присмотреться к ним. Разные. Да только одинаково чужие друг другу.

Впрочем, не в их болотных душах собирался копаться Алексей. Он обратил внимание, что все они были профессионадами, если убийство можно считать профессией. Это было заметно по тому, как обращаются с оружием, как смотрят — будто прицеливаются.

Двое-трое были с повадками уголовников, на таких Алексей еще в польской тюрьме насмотрелся. Они держались особняком.

Бутылку Алексей открыл и демонстративно чуть наклонил вперед. Ребята были с пониманием. Без суеты, сохраняя достоинство, но достаточно быстро подставили кружки. «Спасибо» не говорили.

От нечего делать Алексей показал пару фокусов со спичечным коробком. Когда взял монетку, дверь в бункер открылась, и вошел Кравец. Остановился у стола. В упор посмотрел на пленника.

Тот продолжал фокус. Через минуту Кравец повер-

нулся и тяжело, не торопясь, вышел, оставив гогочущую компанию в бункере. Он пошел к землянке командира вдоль кустов. Тропинок на открытом месте на острове не протапывали.

Барковский его уже ждал.

Настроение было плохое. Вроде все ясно и будущее определено, а есть внутри какое-то чувство зудящей неуверенности. И проблемы... Тут своих хватает, а Ланге еще сюрпризы преподносит. Вчера вместе с группой Ровеня, которую встречал Чеслав, пришел эмиссар немцев. И ему, Барковскому, в приказе на трех листах, как сопливному мальчишке, объясняют, как и что он должен делать. Их бы сюда. Знали бы, как инструкции писать.

Ну да ладно, бог с ними.

Вошел Кравец.

— Разрешите?! — вытянулся в двери.

— Да. Садитесь, закуривайте.

— Как вы приказывали, все уточнил. Это о нем общал наш человек в деревне. Да и Ровень тоже докладывал о нем. Его тогда за землемера приняли. Они с Турком, если помните, телегу остановили...

— Да-да, я помню. Продолжайте, пан Кравец.

— Что продолжать? Собственно, ничего особенного. Шастал по деревне, иконы малевал, ходил к дочке лесного объездчика. Запрос о нем, как вы знаете, я с Ровенем передал. Но информацию герр Ланге пока не прислал. Вот и все на данный момент. Но кое-что мне не нравится.

— «Кое-что» — это лирика, пан Кравец, — жестко сказал Барковский.

— Несколько моментов, пан пулковник, — заторопился Кравец. — Прежде всего настораживает его появление. Не было о нем ничего известно, и вот вдруг появился.

— Это ни о чем не говорит. Мне кажется, у вас есть более серьезное сомнение. Говорите, я постараюсь вас понять.

— Ирония пана пулковника неуместна, — набылчился Кравец. Издеваться над собой он не мог позволить. Не мальчишка. — Именно мне поручено отвечать за безопасность группы. И если пока мы действуем успешно, то в этом есть и моя заслуга...

Барковский достал из коробочки, стоявшей на столе, сигару. Раскурил ее.

— Не будьте таким обидчивым, пан Кравец... —

изящным жестом он чуть отогнал сигарный дым от лица.— Мы все делаем общее дело. Вам, как нашему Аргусу, необходимо быть всегда начеку, и сомнения, видимо, полезны. Не так ли?

Извинился пан Барковский. Но сигарой не угостил...

— Совпадения меня беспокоят.

— Совпадения? Что вы имеете в виду?

— Вспомните. После появления этого «племянника» в деревне мы натываемся на засаду у шоссе. Судя по всему, слух о документах был раздут с определенной целью...

— Вы считаете, что слух?

— Уверен!

— И цель — ликвидация группы?

— Именно так, пан пулковник.

— И как же мальчишка связан с этим? Не от него же шла информация? Тогда, как я помню, его здесь не было.

Опять ироничный тон. И это надо проглотить. Делает вид, что все ему известно наперед. Пан!..

— Не было. Но не в этом дело. Дальше. Совершенно неожиданно НКВД появляется в вашей усадьбе. Это прямое указание на то, что они знают, что вы — это вы. А не странно ли, что этот лайдак попал в церковь в ту же ночь, когда поставлена засада в имении?

— Может, поп проболтался? — задумчиво и тихо предположил Барковский.

— Иезус Мария! — скорчил гримасу Кравец.— Пан пулковник сам же просил договориться с попом, чтоб он молчал. Мы с Чеславом и договорились. Из трясины не поговоришь.

— Ясно. Что еще?

— Еще? Обратите внимание. Обхаживал он именно ту девицу, которую ваш телохранитель в жены себе присматривал. А ее отец, как вам известно, знает лучше Чеслава все безопасные проходы на болоте. И НКВД уже приходило к нему. Эффект, правда, тот же самый, что и у нас. Но, может, этот парень обходными путями пытался его завербовать?

— Так,— произнес Барковский,— но и это, очевидно, еще не все?

— Да, не все. А как можно расценить то, что он у всех искал пути за кордон? Зачем?

— Давайте, пан Кравец, на этом временно остановим наш анализ. Как ведет он себя здесь?

— Спокойно. Будто знал, что попадет сюда. Попыток улизнуть не делает. Не настораживать данный факт не может. За ним приглядывает Ровень.

— Ах, пан Кравец, пан Кравец,— улыбнулся Барковский.— Замечательный отчет о наблюдениях и вдруг — такое! Ну не бросится же человек в топь, пытаясь убежать. Ну да бог с ним. Оговорились. Не кажется ли вам, что слишком он молод для НКВД?

— Молод? — фыркнул Кравец.— Агенты разведки редко доживают до старости. Издержки профессии...

— Верно... Значит, вы, хранитель нашего спокойствия, уверены, что новый знакомый — агент НКВД?

— Да!

— Спасибо, пан Кравец. Вы свободны. Я подумаю...

Барковский не стал спрашивать о предложениях Кравца. Своим «да» тот сказал все. В его понимании это означало одно: надо убирать. Или как это он там сказал: «Договориться о молчании»?..

И все же жандармом от него несет за добрый километр.

Да, собственно, что вздыхать. Так и нужно. Он ведь недаром выбрал Кравца как человека, идеально подходящего на роль сторожевого пса.

Значит, так: раз Кравец сомневается, то он уверен. А это, в свою очередь, означает, что этого сопляка он хочет убрать.

Но стоит ли так спешить? Вдруг все построения Кравца — блеф?!

Парню могло просто не повезти. И те места, где их пути пересекались, могли быть простой случайностью. Совпадением. Барковский знал из своего опыта, что в разведке случайность столь же естественна, как и придуманные ходы.

С другой стороны, при всей своей высокомерности Барковский был достаточно высокого мнения о НКВД. Поэтому, если предположить, что этот юноша шпион, то работает он очень неумело. Барковский быстро прикинул, что он сам бы сделал на месте русских, доведись ему вылавливать группу, подобную его собственной. Не сходилось. Здесь нужна была игра потоньше. Конечно, то, что он местный — это плюс к подозрениям Кравца. Но остальное...

Кравец в одном прав. Что-то в этом мальчишке смущает. Если точнее — стремление за кордон. Для внедрения в его группу — слишком глупо и примитивно. За-

чем бедному заморышу, выходцу из голи, к которой русские так благоволят, рваться к немцам? Что он там плел о «сокровищах»? Тогда Барковский специально прервал разговор, чтобы не вызывать у своих людей излишнего любопытства. «Богатство»! Для голодранцев и три сотни — состояние. А вдруг? Он, кажется, упомянул Шехтера? Любопытный парнишка — здесь его надо проверить. Но не обычными методами. Нет. Малыш сам, добровольно вывернется наизнанку и выложит все не только о себе, но и о своих родственниках до седьмого колена.

Барковский любил тонкую игру

20 октября 1939 года

6.00. РОВЕНКИ

Куда же делись эти проклятые сапоги? Эх, разучился он собираться в считанные секунды, как бывало в молодости. Ага, вот один. Как же трудно быстро обрабатывать спросонок. Второй. И стоят, как ставил: аккуратно — у спинки кровати. Теперь все просто. Только отчего нога так плохо лезет? Всегда сразу надевается, а сейчас... У, черт! Ремень нашарил. Он с кобурой всегда в нужном месте. Шинель...

— ...Когда появились? — Рябов застегивался на ходу и постепенно просыпался. Было рано, только светало. В мокром, полупризрачном свете едва угадывались невысокие, будто нахохлившиеся от сырости и предутреннего холода соломенные крыши деревенских изб. А над ними гордо возвышались стройные башни костела.

— Минут десять назад, — ответил молоденький боец.

— Вас не заметили?

— Никак нет, — отчеканил красноармеец и добавил: — Как те появились, товарищ Коломиец за вами послал.

— Такие, значит, дела. Ясно, — твердо произнес Рябов.

Сказал по привычке. На самом деле никакой ясности не было. Вот уж действительно не везет. Сутки они вместе с Астаховым расставляли ловушки. И вот полтора часа назад Астахов разрешил Рябову, который от усталости уже едва держался на ногах, отдохнуть в деревушке, а сам поехал проверить засаду недалеко от Темной рощи, у развилки. Там тоже могли появиться гости,

о которых предупреждала шифровка. Вот-вот должен назад вернуться. А тут...

Ноги скользили на сырой палой листве. Мелкая водяная пыль неприятно облепляла лицо. Держась за мокрые ветки кустов, они спустились в овраг, который начинался почти сразу за деревней.

Коломиец уже ждал. Рябов опустился рядом с ним на холодный брезент, молча взял бинокль, и, прикинув к окулярам, осмотрел окрестности. Ничего — кроме белесой дымки да едва черневшей полоски болотной травы.

— Фланги закрыли на возможных направлениях проникновения?

Коломиец тихо ответил:

— Закрыли...

Больше спрашивать было нечего, и Петр Николаевич снова принял к биноклю.

Тишина. Плотная, как болотный туман, она душной пеленой висела над ними.

Как и тогда на шоссе, темные фигуры из болота появились неожиданно. Они выглядели сквозь линзы бинокля чем-то нереальным, призрачным. Даже шаги их казались замедленными. Знак повышенного внимания подал тот самый молоденький красноармеец, что приходил в деревню за Петром Николаевичем.

«Кто из них «Фауст»?» — Петр Николаевич сильнее прижал окуляры к глазам. Услышал напряженное сопение. Оглянулся — Коломиец. Даром, что опытный, тоже волнуется.

Рябов едва слышно скомандовал: «Огня не открывать. Брать тихо».

Фигуры уже утратили свою бестелесность и стали вполне объемными и осязаемыми. Оставалось только захлопнуть ловушку. И Рябов дал знак. Атаковали безмолвно, неожиданно для «болотных гостей». Против них применили их же оружие, и те растерялись. Но эти парни из болот были грамотными убийцами, и их было не так уж мало. С растерянностью они справились не сразу, но дать отпор уже были готовы. Две молчаливые группы мужчин сошлись, смешались, и плотный туман начал рассеиваться над местом безмолвной встречи.

Дрались ножами, прикладами, кулаками: зло, сжав зубы, натужно хрипя и скользя по мокрой податливой земле. Петр Николаевич поначалу остался как-то не у дел. Справа, слева, спереди, очевидно, и сзади шла оже-

сточенная борьба. А перед ним никого не оказалось. Но вот чуть сбоку он заметил, что наш боец, застонав, согнулся от боли, его соперник замахнулся, чтобы добить раненого. Рябов подскочил вовремя. Резко, вложив всю силу, с лета ударил врага рукояткой пистолета по затылку. Покатилась по земле, странно переваливаясь, фуражка, пару раз мелькнув белым пятном большой кокарды. Сбоку сильно съездили по ребрам. Рябов захрипел и, развернувшись, вцепился в противника, пытаясь заломить ему руки. Но тот рванулся вбок и неожиданно боднул Рябова головой в лицо. Губы сразу стали какими-то чужими и будто бы непомерно большими. Во рту — медный привкус крови. Но контроля над собой Петр Николаевич не потерял. Присев, он рванул противника на себя, тяжело бросив его на землю. Кто-то сильно толкнул его в грудь. Падая, он ударился головой о булыжник...

Сознание вернулось через несколько секунд. Клубок темных фигур откатился в сторону. Он видел всех чуть со стороны. Голова ныла, в ушах звон. И казалось, что это гудит натянутый воздух от тех ударов, что наносили друг другу люди.

Рябов поднялся, постепенно приходя в себя, потянул за шнур выбитый из рук пистолет. Что же его так удивляет? Тишина! То есть не совсем полная тишина — стоны, вскрики и мат были слышны отчетливо. Но никто не стрелял. Ладно, они сами не стреляли, чтобы попытаться взять «болотных гостей» живыми и не спугнуть возможную подмогу. А те почему?

Но тут Рябов отвлекся от этих размышлений. Кто-то, судя по шинели и фуражке, свой, но почему-то с немецким автоматом, вырвался из толпы и метнулся в сторону. «Куда? Из боя, паскуда! Ладно, разберемся».

...Схватка закончилась. Все как-то устало остановились и стали приводить себя в порядок, вяло перебрасываясь фразами. Лишь один, в короткой куртке, перекачивался посередине поляны, громко стонал, выдавливая из себя вместе с именем святой девы самые грязные ругательства. На поляне остались стоять только свои. Кто-то, долговязый, в солдатской шинели, лежал поодаль. Рябов повернул его. Это был парнишка, что разбудил его всего двадцать минут назад. Петр Николаевич попытался нащупать у него пульс...

— Товарищ Рябов!

К Петру Николаевичу подошел Коломиец. Он ждал распоряжений.

— Немедленно помочь раненым и отправить в госпиталь. Что болото?

— Движение не замечено. Все секреты целы.

— Пленные?

Коломиец смущенно замолк, потом не слишком убедительно сказал:

— Один.

— Этот, что ли? — Рябов кивнул на того, что минутой назад катался по земле и которому сейчас пытались делать перевязку. Однако было ясно: долго не протянет.

— Что же, всех поубивали? — рассерженно спросил Петр Николаевич.

— Нет! — уже четко ответил Коломиец.

— Как нет?

— Одного просто не хватает.

И тут Рябов понял. Понял, кто это был в нашей шинели с немецким автоматом на шее, что метнулся в сторону села. Так вот почему они, подлецы, не стреляли, а ножами работали. Вывести им надо было его. И время растянуть. Все Барковский рассчитал. И людей своих положил ради одного.

Надо спешить. За несколько минут не мог далеко уйти.

— Вот что, Коломиец. Быстро. Несколько человек здесь оставь. Остальные за мной. — Разбитые губы припухли и болели. Приказной тон выдерживать было сложно.

Рябов выхватил пистолет и кинулся к деревне. Сзади глухо хлопали сапоги красноармейцев.

— Цепкой, цепкой давай! — распорядился Петр Николаевич, помахивая пистолетом, — во все закутки смотри. В нашей форме он... Живым брать...

Одышка мешала произносить длинные фразы.

Показались первые хаты. И вдруг все заметили прихрамывающую фигуру, которая метнулась за один из домов. Рябов выстрелил, стараясь попасть по ногам.

— Давай! — Рябов кинулся к дому.

Оттуда полоснула короткая очередь из автомата.

Пули прошли совсем близко. «Во, подлец! — успел подумать Рябов. — В бога душу его мать. Чуток бы пониже взял и...»

— Подтягивайся,— скомандовал Петр Николаевич,— сейчас брать будем.

Он, рывком добежав до дома, прижался к стене. Цепляясь шинелью за паклю, торчащую из пазов, дошел до угла и, чуть согнувшись, выглянул.

Прихрамывающая фигура быстро приближалась к костелу. Рябов снова выстрелил. Мимо.

Рядом, припав, на колено, боец устанавливал прицел.

— Давай, бей. Только по ногам!

Скуластый красноармеец молча кивнул и стал прицеливаться. «Ну же, ну»,— про себя торопил его Рябов. Парень мягко нажал курок. Грохнул выстрел, и с головы хромого слетела фуражка. Петр Николаевич даже испугался.

— Вот закончим операцию, я тебе покажу, откуда ноги растут. На всю жизнь у меня запомнишь,— прошепелявил он разбитыми губами растерявшемуся бойцу.

— Виноват,— пробормотал тот,— исправлюсь.

Хромой добежал до костела и скрылся за массивной дверью.

«Попался! — подумал Рябов.— Даже если отсюда выскочит, второго кольца секретов не миновать. Попался, голубчик!»

Дверь оказалась тяжелой и скрипучей. «Петли не могут смазать, служители культа»,— зло подумал Петр Николаевич. Крадучись, он вошел в костел, держа пистолет на изготовку. За ним, чуть пригнувшись, протиснулся скуластый красноармеец.

Высокие узкие окна, казалось, не пропускают, а наоборот, задерживают серый свет. Полустертые во мраке линии нескольких рядов скамей, широкий проход между ними и в глубине — слабое ровное свечение тяжелым, золотым цветом алтаря. Все это да ряды аляповатых фигурок святых вдоль стен в другой обстановке навели бы на грустные размышления о бренности сует земных. Но у Рябова была одна мысль: «Где прячется враг?» И Рябов решился. Он оттолкнулся от стены, сделал несколько шагов и сразу же бросился на каменный пол. Как и рассчитывал, тотчас поверху прогремела очередь. Сзади застонал боец. Петр Николаевич быстро привстал, низко сгибаясь, чтобы не было его видно за высокими спинками скамей, выволок раненого за дверь. Оказавшись на воздухе, опустил бойца на руки подбежавшим и вытер холодный пот.

— Гнездо там, у стены, в амвоне, что ли,— прошеп-

тал он едва слышно Коломийцу, что стоял рядом, — не подобрешься. Крепко засел, гадина.

— Может, гранатой? — предложил кто-то.

Парень был прав. Гранатой, только гранатой можно выкурить эту нечистую силу из костела. Гранатой и решительными действиями. Так бы Рябов и поступил лет двадцать назад.

Но сейчас он был человек опытный и уже побитый. Он помнил, что везде действовал всеобщий закон — сорвавшаяся инициатива сильно наказуема, а выжидание — неподсудно. Рябов вспомнил одно из последних совещаний, где обстоятельно говорили об отношении к религиозным чувствам местного населения. Вспомнил и инструкцию, которую совсем недавно им прислали...

— Это же костел! — наставительно отрезал Рябов. — Плохо у вас, как я погляжу, поставлена разъяснительная работа. В общем, так, слушай, Коломиец...

Петр Николаевич расставил своих людей, чтобы тот, хромой, выбраться не смог. А сам отправился к ксендзу. Сначала он хотел послать этого служителя культа как парламентаря. Потом испугался. Вдруг немец полоснет из автомата? Доказывай потом, что не ты попики шлепнул, если слухи пойдут. Решил просто притащить в костел — пусть дверь запрет и как представитель духовенства местного постоит. Вот вам и политическая символика. Там, глядишь, и Астахов подоспеет. Все легче.

Рябов уже решил отказаться от лавров победителя. Лавры тоже могут колоться. А последнее всегда удобнее предоставлять начальству. Особенно молодому.

Дверь в дом открыла румяная, пышная и томная хозяйка лет тридцати. Зябко кутаясь в накиннутый на плечи яркий платок, она проводила его в комнату. Шагая за ней, Рябов уловил уютный запах трав. «Ромашкой волосы моет. Знает толк! Попик-то, видно, не дурак в этом деле...»

Ксендз, высокий мужчина, с редкими волосами, был уже одет и сидел за круглым столом, покрытым аккуратной скатертью в синий цветочек. Он посмотрел на Рябова, встал, кивком приветствуя его, а потом быстро и властно взглянул на женщину. Та безропотно вышла.

— Слушаю пана полковника. — Ксендз жестом предложил гостю сесть.

— Я не полковник, — строго поправил Рябов, а сам никак не мог придумать, как обращаться к ксендзу. Свя-

той отец — не для работника НКВД. Гражданин? Уж слишком по-граждански. Решил никак не обращаться. Местонаимения хватит.

— Но пан есть высокий военный чин, а это для меня — пулковник.— Ксендз говорил почтительно, а сам так и сверлил маленькими глазенками.— Слушаю, пан пулковник!

— Прошу ключи от костела.

— А зачем пану ключи от храма?

Этот вопрос Рябова удивил. Он уже привык, что им лишних вопросов не задают, а делают то, что необходимо.

— Нужны. И вы нам тоже нужны. Пойдемте.

— Это невозможно. Я хвораю...

— Как невозможно? Болеете? — не нравился такой разговор Рябову.

— Так есть, пан, болею.

— Хорошо, тогда дайте ключи.

— И это невозможно. Я... как это... не имею прав. Пан должен понимать. У меня тоже начальники. Невозможно...

Рябов даже сразу не нашелся от удивления. Ну и ну. Работнику органов отказывает. Что-то здесь не то.

И это твердое упрямство в глазах.

Ксендз, воспользовавшись паузой, сам перешел в атаку.

— А зачем пан решил отомкнуть костел? — спросил он все таким же мягко-послушным тоном. А Рябов снова подивился. Что ж он, иезуит проклятый, не знает, что костел не заперт? Крутит, как пить дать, крутит.

— Чем вы больны? — настолько строго, насколько ему позволяли разбитые губы, спросил Рябов.

— Лихорадкой, проше пана... Может, чашечку кавы? Эльзя!

— Не надо,— отрезал Петр Николаевич.

Появившаяся было хозяйка снова неслышно ушла.

— Собирайтесь.— Петр Николаевич устал разводить дипломатию.

— Что? — Ксендз побледнел. Он приказ понял по-своему.

— Собирайтесь, говорю. Берите ключи и пошли. Не так уж здесь далеко. Не убьет лихорадка.

— Я не понимаю пана...— Ксендз тянул время.

— Фамилия? — строго прошепелявил Рябов. С раз-

битыми губами этот короткий вопрос прозвучал грознее обычного.

Ксендз потерял свою самоуверенность.

— Симковский, проше пана... — промямлил он.

— Так вот, гражданин Симковский, собирайтесь. И побыстрей! Некогда, — Рябов недвусмысленно передвинул кобуру на ремне.

— Это что, арест?

— Нет.

— Но...

— Собирайтесь! — резко оборвал Петр Николаевич. Его расцарапанные пальцы постукивали по крышке кобуры. Ксендз осекся.

— Пусть так. Эльзя, запряги лошадь. Это быстро. — Последние слова снова были обращены к Рябову.

Через несколько минут пара рыжих сытых лошадей, запряженных в легкую телегу, несла их к костелу. Перестук копыт далеко раздавался в округе...

Стук копыт был слышен и в костеле. Это насторожило Генриха Лихера. Что-то пока нехорошо выходит...

Сначала все шло прекрасно. «Полковник» — человек толковый. Чувствуется школа. До мелочей все предусмотрел. Как подойти. Как дальше небольшой группой пробираться. Даже как избежать возможных внезапных неприятных встреч продумал. А тут эта засада русских... И ногу подвернул.

Хорошо, удалось все же оторваться и воспользоваться запасным вариантом. Двери костела, как и было условлено, оказались открытыми.

А лодыжка у него здорово припухла. Внутри словно углей из костра набросали. Так, русские, получив свое — автомат недаром сам отлаживал, — пока внутрь не сунутся. Только кто там на конях разъездили? Да ладно, нужно успеть.

Генрих быстро разрезал голенище, снял сапог и, морщась от боли, быстро перевязал ногу бинтом из инд-пакета. Снова натянул сапог и сверху замотал разрезанное голенище.

Что делать? Русские, судя по всему, попытаются взять его живым. Прекрасно... Уничтожить шифровку со связями? Не стоит паниковать. Надо уходить. Трудно. Но не зря послали именно его, Генриха Лихера.

Молодец «полковник», его идея с костелом. Он тихо спустился вниз, отыскал в полумраке потайную дверь. Потянул ее на себя. Дверь не поддавалась. Генрих дер-

нул сильнее. Закрыта! Чертов ксендз! Приказ же получил. Его бы сейчас сюда...

Что делать? Выбить замок очередью? Нельзя, услышат. Он, крадучись, подошел к парадному входу. Дверь была закрыта неплотно. Присел и прищелкнул глазом к щели.

Во двор въезжала повозка. Генрих перевел дух...

— Далековато вы обосновались,— заметил Рябов, оглядываясь назад.

— Это не мой дом,— мрачно ответил ксендз,— я вынужден пользоваться приютом у доброй прихожанки. Мой сгорел.

«Вынужден... Ишь кобель»,— со злой иронией подумал Рябов. Они остановились неподалеку от лестницы костела.

— Что нового? — спросил Петр Николаевич у подошедшего Коломийца.

— Все тихо.

Рябов и ксендз слезли с телеги.

— А дверь здесь одна? — с внезапной тревогой спросил Рябов, повернувшись к ксендзу.

Но тот не ответил. Округлившимися от ужаса глазами он смотрел на вход в костел...

...Астахов пытался заснуть, притулившись в углу кабины автомобиля. Но сон не шел. Хотя что беспокоить? «Фауст» не проскочит. Группами руководили опытные работники. Все возможные выходы из заблокированного участка перекрыты.

А болота все молчат. Вдруг отменили операцию? Не должны, нет повода. И польские товарищи дали бы знать. Или новая каверза Барковского? Этот может... Ладно, скоро деревня. Как там Рябов?

Астахов повыше поднял воротник и попытался задремать...

Вспомнилась далекая осень двадцать первого. Туманное утро. Босой есаул Раменков, уперший большие пальцы белых ступней в сырую после ночного дождя землю. Он мрачно глядел на Астахова, не моргая, не шурясь. Астахов прочел приговор и посмотрел ему в глаза. С минуту они смотрели друг на друга. Потом есаул не выдержал. Отвернулся.

Сухо и коротко треснул нестройный залп. Раменков дернулся и завалился на бок. По рубашке поползли тем-

ные пятна. Астахов ждал. Вот упадет он, ледяной обруч с сердца. Не упал... Сколько же его носить? Всю жизнь? Всю жизнь...

Тогда он был молод. Молод и не очень опытен. Тогда, давно... Но враг поблажек не делает. Никогда. В борьбе классов скидок не бывает ни на молодость, ни на неопытность...

Однажды он не сумел разгадать замыслы врага. Когда отряд выбил белую банду из станицы, он ужаснулся. Пепелища, повешенные, порубанные. Старики, женщины, дети. Самое страшное — дети! Хотя своих у него все еще так и не было, детей он любил, трогательно и беззаветно. Сейчас, когда прошло уже много лет, ему все равно еще, бывает, снится тот кошмар из далекого двадцать первого года — опоганенная и порубанная мать, в луже ее крови ползает малыш-годовичок, уже не плачет, нет, только тихо всхлипывает и икает. Пухлые ручонки в крови...

Астахов, увидя его, остановил коня, слез с седла. На негнущихся деревянных ногах, путаясь в ножнах шашки, шагнул к нему и... застыл, не решаясь взять на руки. Сердце словно сдавило ледяным обручем.

— Пусти-ка... — Его отодвинули, и малыша взял начальник оперотдела Альфред Риекстинь, переkreщенный казаками для удобства произношения в Рекстина...

Вечером у костра он подсел к Астахову, угостил папирсой. Покурили, помолчали. Потом он спросил:

— Запомнил?

Астахов кивнул.

— Не забывай! Ни-ког-да!..

Главаря Астахов взял сам. Не обращая внимания на стрельбу, он на полном скаку метнулся с седла на карниз поповского дома, где засели бандиты, выбил ногой раму окна и швырнул в проем одну за другой две гранаты. И потом сам нырнул туда, следом за взрывами, стреляя из нагана направо и налево...

Трибунал приговорил бывшего есаула Раменкова к высшей мере социальной защиты — к расстрелу.

Астахов дождался Риекстиня и попросил, чтобы привести приговор в исполнение разрешили ему. Альфред Эрестович долго его разглядывал в упор.

— Сережа... Расстрел это не есть акт личной мести. Это есть кара народа и от имени народа... Подумай... Может, лучше без этого?

Астахов упрямо мотнул головой: «Нет!»

— Не думай, что этим ты можешь самоутвердиться... Зачем тебе это?

— В глаза этому нелюду хочу поглядеть напоследок....

— Хорошо... В порядке исключения разрешаю...

А ледяной обруч все жал и жал сердцу. Астахов перестал жалеть себя. Лишь бы были живы люди. Работать и работать: днями, ночами, сутками, неделями, месяцами... Раньше при проведении операций у него практически никогда не было ни потерь, ни неудач. И люди как-то сами собой подбирались вокруг него такие же, как он: одержимые, сжатые, как стальная пружина, крайне требовательные к себе и другим. Раньше...

Вправе ли он сейчас рисковать мальчишкой? Но разве тот не знал, на что идет? Разве для удовольствия его, Астахова, тот пошел к болотам? А заменить его некем... Прав ли он, не жалея ни себя, ни других? Не пожалел мальчишку-сержанта. Сидит пока под арестом. Если найдут его вину, придется отвечать. Выходит, что не пожалел он и мальчишку-художника? Пропал он. А может, это начало реализации замысла?.. Жалеть... А кто пожалел его? Жалел ли он сам себя? Может, иначе-то и нельзя? Можно ли говорить о жалости в их деле? О человечности — да! О жалости — нет!

Астахов опять подтянул воротник повыше и засунул руки в рукава. Может, все же удастся хоть чуток подремать.

...Из внезапно раскрывшейся двери костела выкатился черный ребристый металлический шарик гранаты. Он, весело постукивая, быстро падал со ступеньки на ступеньку и, наконец, шлепнулся на сырую мягкую землю...

Взрыв поднял всю грязь на дворе. Генрих быстро метнулся за дверь. Он успел увидеть ксендза, схватившегося окровавленными руками за лицо, рядом лежащего на земле плотного русского с выбритым черепом. Но все это мельком. В несколько прыжков — боль в ноге, забыта — он догнал рванувшуюся упряжку, вцепился в край повозки и отработанным движением переброшил натренированное тело в телегу. Пискнула пуля, потом еще одна. Генрих оглянулся. Русский, оказывается, был жив. Стрелял он и еще несколько солдат.

Вдруг впереди на дороге показалась крытая авто-

машина. Проскочит? Но нет, шофер выворачивает влево, и грузовик загораживает собой всю дорогу. А по бокам вырастают серые фигурки с винтовками в руках. «Черт! Второе кольцо оцепления русских!»

Рано паниковать. Здесь должен быть проселок. Да, вот съезд. И столб чуть-чуть в сторонке врыт.

Кони, почти не останавливаясь, резко свернули вправо. Но один внезапно поскользнулся, и телега со всего хода резко опрокинулась, выбросив седока в сторону.

Генрих увидел, как стремительно перевернулся весь мир. Он почувствовал необычайную легкость. Столб стал стремительно расти, приближаясь, и заполнил собой все...

— МIRONENKO Павел Иванович... — прочитал Рябов в документах, которые он достал из кармана старшего лейтенанта, лежащего на земле с разбитой головой.

12.00. БОЛОТА

Что-то он задремал. Впрочем, сегодня пришлось рано проснуться. Поутру провожал «посылку Ланге». Проверил снаряжение своих людей, дал указание старшему группы — Юреку. Наконец пожал руку немцу, у которого под плащ-палаткой была форма РККА. Слов не говорил. Они — люди дела.

Когда группа двинулась, он едва заметным кивком головы подозвал Чеслава.

— Посмотришь... Сам не выходи. Если что, подчисть и сразу уходи. Ясно?

Чеслав ответил: «Так есть...» — и быстрым пружинистым шагом пошел догонять группу, придерживая за спиной немецкий МГ.

Хорош глаз у парня! Только нет-нет, да проявится упрямство. Куда подевалась покорность, что так любил пан у старого Леха?

Барковский снова зашел в свою землянку и, пристроившись у едва потрескивавшей печурки, закутался в шинель. Ему были глубоко безразличны результаты сегодняшней операции и вообще все...

С этой мыслью Барковский задремал. Только сон был не сон, а какой-то липкий кошмар. Ищет вроде он фотографию Владека и не находит. А она, оказывается, у него на медальоне вместо лика святого Иоанна. Хотел было поднести медальон поближе к глазам, рассмотреть, что же случилось? Но чем ближе медальон подносит он

к глазам, тем непонятнее изображение: словно исчезает, затягивается дымкой. Его глаза видят все хуже и хуже...

Нет, вот снова все нормально. Только вместо Владека — Чеслав! Впрочем, это уже не сон, а явь...

Чеслав молчал. Чего говорить, пока пан не спросит.

Барковский поднялся, подошел к столу. Взглянул на часы. Двенадцать. Чеслав пришел. Юрека, старшего группы нет. Любопытно!

— Что хорошего скажешь?

Чеслав было поднял кружку с водой, чтобы попить, но при вопросе полковника сразу же оторвался.

— Пей, пей,— Барковский заметил, как парень жадно приник к воде.

Лех поставил кружку и отер губы тыльной стороной ладони. Потом сказал:

— Плохо...

— Подробнее!

— Они захватили его.

— Кто они, кого его? Чеслав, когда вы научитесь говорить сразу все, что нужно? Вытягиваешь из вас, как клещами.

— Эти из НКВД человека Ланге...

— За тобой никого?

— Кто за мной пройдет? — Лех тяжело шлепнулся на табурет, стал неторопливо рассказывать: — Все шло, как обговаривали. Я им направление показал, а сам наблюдать стоял. Прошли они по суше шагов полтора-ста. Засада.

— Вы что, не посмотрели, как следует, прежде чем выходить?

— Смотрели. Но энкавэдисты тоже прятаться умеют. Перекрыли все. Немец, правда, смог выйти из свалки. Но те спохватились быстро...

— Что с группой? — прервал Барковский.

— Подчищать не пришлось. Все там остались... Последним Юрек...

— Холера ясна! А почему ты решил, что немца взяли? Сам видел?

— Нет, слышал. Уйти сразу не мог. У них секретов полно. Пришлось отсиживаться. Там-то и слышал, когда они приходили рядом. Один солдат говорил другому, что в деревне диверсанта поймали. Кого могли они еще поймать?

— Ладно. Спасибо им, что хоть сказали в нужный

момент.— Барковский расстелил карту на столе.— Покажи, где их секреты?

Чеслав взял карандаш со стола, наклонился к карте.

— Тут, тут и тут... Судя по звукам, и здесь они были. В других местах тоже, но сказать точно где, не могу. Туман!

Барковскому уже не нужны были другие места. Он понял, что его противник знает многие тонкости в этих хитрых играх.

— Иди, Чеслав, приведи себя в порядок, подкрепись. Когда будешь нужен, позову...

Барковскому необходимо было подумать в одиночестве.

Положение становилось критическим. Конечно, его меньше всего беспокоил провал человека Ланге. Волновала собственная судьба и судьба сына. За личную безопасность он мог бы, не задумываясь, положить всех этих ублюдков, а в придачу и тех, кто был за кордоном.

Весть Чеслава — сигнал, ниспосланный небесами. На стала пора думать о себе.

Барковский склонился к карте. Что имеет он и что есть у его противника?

Судя по всему, они закрывают наиболее вероятные, с их точек зрения, выходы на оперативный простор. Грамотно закрывают! В этой берлоге его пока не взять. Но болота — помеха для русских временная, пока не ударят холода.

Игры кончились. Финиш уже близко. Кто придет первым? Сейчас Барковский уже не мог уверенно ответить на этот вопрос. Ясно одно, надо спешить. Пропустишь хоть одну минуту, победителем станет тот, другой.

Барковский выпрямился, глубоко затянулся сигарой и медленно выпустил дым. Да, против него играет достойный соперник. Порой о разведчике можно судить не только по тому, как он действует, но и по тому, как может выжидать, внешне вроде ничего и не делая. Жаль, что он только сейчас понял класс своего врага. Тот давал ему относительную свободу, а потом, выяснив тактику, сделал ловушку для жирной птички. Логично! И красиво! Использовать врага в своих целях помимо его воли! Он сам, пожалуй, поступил бы точно так же.

Теперь, когда группа разгадана, этот азиат примется за ее уничтожение. Барковскому почему-то очень хоте-

лось, чтобы этот энкавэдист, руководивший операцией против него, был азиатом: скуластым, меднолицым, с узкими тускло и загадочно мерцающими глазами, в цветастом ярком халате, с причудливой шапкой на голове. Может, так будет легче объяснять, почему его, опытного разведчика, обвели вокруг пальца? Кто их поймет, азиатов?

Хотя еще рано говорить о том, кто кого. Он пока не в камере у комиссаров сидит, а у себя на базе. Сюда не так просто добраться. Но все равно долго здесь не пробудешь.

Надо уходить. И не только из этой игры. Пусть немцы и русские сами выясняют свои отношения.

Правда, появляется еще одна проблема: не встретиться с Ланге. Барковскому уже не о чем с ним говорить.

Размышления прервал вошедший Кравец.

— Позвольте? — спросил он. — Я видел Чеслава. Он что, один вернулся?

— Да. Неприятная новость. Наш немецкий друг попал в засаду НКВД, — ответил Барковский. Он внимательно взглянул на своего контрразведчика. Пожалуй, если кто и работает на Ланге без его ведома, так этот экс-жандарм. Дурак! Придется нейтрализовать. А ведь крепкий мужчина. Мог бы и до старости дожить.

— Что с ним, известно? — Кравец спросил очень заинтересованным тоном.

— Чеслав вроде слышал, что его смогли захватить. Но это не подтверждено. Надо послать разведку.

— Готовить людей?

— Да-да. Займитесь этим вопросом. Только выходить им придется по карте. Там обозначена одна тропка. Чеслав должен отдохнуть. Да и к вечеру он мне будет нужен.

Кравец взглянул удивленно и недоверчиво на командира. По карте люди ходить не любили. Вероятность неточности слишком большая. Ошибка стоит жизни... Но недоверие он мгновенно спрятал за выражение полной исполнительности...

— Хорошо. А что вы решили с этим лайдаком?

— Пан Кравец, я так расстроен прискорбным происшествием. Не время распыляться. Ведь нам торопиться пока некуда? Не правда ли? Мы еще потолкуем с

этим молодым наглецом. А пока идите, займитесь подготовкой к разведке.

Проводив Кравца, Барковский сразу же позвал сына.

— Пойдете с Чеславом сюда.— Полковник показал на карте место за мельницей.— Там немного: саквояж из свиной кожи. Попял? Там камни. Помнишь, я показывал тебе мамины украшения? И бумаги.

— Бумаги? Зачем бумаги?

— Мой мальчик, за этими бумагами люди. А за них готовы будут заплатить хорошо и те и другие. Это наши индульгенции. Ведь об этих людях знаю в данный момент только я. А нужны они всем.— Он ласково потрепал сына по плечу.

Сын кивнул.

— Когда выходить?

— Чем быстрее, тем лучше. Только вас никто здесь видеть ни уходящими, ни приходящими не должен. Ясно? Будь осторожнее.

Владислав быстро собрался. Вскоре они с Чеславом отправились в путь. Их никто не провожал. Только из кустов смотрел им вслед Кравец.

12.00. ЗАБРОДЬ

Он привык к этому креслу. Недолго вроде и пробыл здесь, а успел. Комнаты, люстры, столы, ковры — сколько их поменялось за годы работы на различных должностях? Ничего в памяти не осело. Но вот к рабочим креслам у него слабость...

Это Ланге очень нравилось. Не кресло — поэма. Мягкое, но не слишком. В меру упругое. И отдохнуть можно и от работы не отвлекает. Но особенно хороши подлокотники. Резные, изящные. Рука на них просто отдыхает. Может, с собой взять?

Он ласково погладил полированное дерево. И оно, как ему показалось, едва слышно скрипнуло в ответ, словно замурлыкал старый домашний кот. Задумался.

Вовремя, очень вовремя приспело новое назначение. Друзья и здесь не оставили его без внимания. Последние дни слишком многое стало его раздражать.

Вот позавчера едва успел выйти из автомобиля, в него вдруг начала стрелять какая-то девка! Пистолет, это надо только представить, достала из засаленной хозяйственной сумки. В ней, наверное, еще ее бабушка

гнилую картошку с базара таскала. А эта — пистолет!

Кто была эта девка, с кем связана, выяснить не удалось. Охрана, следовавшая за его машиной, в считанные секунды превратила девчонку в решето. Ну да ладно. Профилактическую акцию они провели, десять человек в назидание повесили на видном месте.

Операция «Вейс»¹ принесла сюда самый справедливый порядок. Полякам пора бы смириться и радоваться, что и они стали генерал-губернаторством великого рейха. Так нет же, еще и сопротивляются. Без армии, без правительства... Да, без правительства! Не считать же правительством кучу маразматиков, сбежавших, как только запахло паленым.

Эта девка в сто крат страшнее. Попалась она одна. Но кто за ней?

Русские, говорят, еще хуже. Они ведь чуть ли не потомки Чингисхана. Живут в скудности, а строят танки и самолеты.

Ладно, пусть начальство само разбирается. Ланге всегда был исполнительным подчиненным. Это и помогало ему завоевывать хорошую репутацию. Но свое мнение он все же имел, хотя и не афишировал его. Сейчас его непосредственные начальники несутся вперед, как на бешеном жеребце. Но в разведке метод кавалерийской атаки — не всегда залог победы.

И «полковник» хорош. Преподнес свинью. Впрочем, может, и обойдется все? Может, и не обложили его группу русские, как волков флажками?

Ланге вздохнул. Сейчас же он, как хороший знаток своего дела, боевой офицер разведки рейха, должен быть в гуще событий. На Запад!

Его отъезд все воспримут как отказ от спокойного теплого местечка, ради борьбы в сложных условиях. Может, и отказ. Только там — Запад! Там воюют только профессионалы, а не все подряд, начиная с сопливых мальчишек и кончая древними старухами.

Голландия... Цветочная клумба с миллионами тюльпанов и неисчислимые моргены² зеленых полей. Странные мельницы, лениво вращающие своими крыльями, и по утрам стук деревянных башмаков-кломпов по мостовым из старой полированной брусчатки, которую чистоплотные голландцы моют по пятницам с мылом.

---

¹ Кодовое название фашистского плана захвата Польши.

² Морген — мера земли в Германии.

У Ланге в голове крутились картинки из иллюстрированных журналов, детских, уже полузабытых, книжек и закрытых, для служебного пользования офицеров разведки, брошюр.

Стараниями высокопоставленных друзей Ланге переводился в Голландию, под крышу ведомства дипломатов. Но, разумеется, эти внешние изменения не влекли за собой изменений в работе¹.

Вот он, приказ. Завтра уже Берлин, неделю-другую на ознакомление с материалами по Голландии, отдых дома и... Недаром имя Густав, которым его нарекли, означает «посох бога». На кого же будет опираться добрый немецкий бог, если эти чертовы славянки с пистолетами в хозяйственных сумках ухлопают здесь его, Густава Иоахима Ланге?

Отсюда он уходит победителем. Рапорт начальству об исполнении приказа он успел отослать. Передать бумаги не сложно. Вот они, аккуратно подготовленные.

В кабинет вошел адъютант, доложил о прибытии его преемника. Ланге придал лицу строгое официальное выражение.

— Просите.

Адъютант открыл дверь и пропустил в кабинет подтянутого гауптмана с водянистыми глазами.

Ланге поднялся с кресла и с достоинством, соответствующим его опыту и званию, ответил на его приветствие.

— Дейгель! — представился гауптман.

— Очень приятно... Очень... — радушно сказал Ланге, но свою фамилию посчитал называть излишним. Впервые, гауптман и так должен ее знать, а во-вторых, это с самого начала расставляет всех по своим местам.

Вопреки привычке Ланге предложил преемнику свои сигары. Он, Ланге, уезжает победителем. Тернии — тому, кто остается. Пусть пока наслаждается сигарой, ни о чем не догадываясь.

Сам Ланге тоже наверняка ничего не знал. Но интуиция подсказывала. Так долго условный сигнал задерживаться не мог. Жаль «Фауста». Толковый был малый. Если все нормально, давно бы болтался в небе воздушный змей с нужной раскраской. Условный сигнал прост

---

¹ Фашистская Германия захватила Голландию в мае 1940 года. Задолго до этого независимая страна была наводнена германской разведывательно-диверсионной агентурой. Многие резиденты имели дипломатические паспорта.

и наивен. Но эффект несомненный — такой сигнал хорошо просматривается с их стороны и у русских подозрений не вызывает. Мало ли ребят балуется?

Однако время вышло, а веселый змей так и не поднялся в небо. Перехитрили «Фауста» на той стороне. В чем, как — Ланге не знал. Но явно перехитрили.

Да, пожалуй, и его, Ланге, тоже перехитрили. Как он не насторожился при столь вольготной жизни «полковника», а русские выманили у него подарок. «Полковник», сам того не зная, стал приманкой. Но об этом пока будет знать он один. Гауптман пусть сам копается в ошибках, которые принял вместе с бумагами и сигарой. Ланге передал ему прекрасных людей, отлично разработанную и блестяще начатую операцию.

...К вечеру, уже в сумерках, они с Дейгелем приехали к границе. Ланге кое-что хотел показать на местности.

— Вот это и есть болота... Именно так и пошел «Фауст». И после выполнения задания здесь же должен вернуться.

— Вы уверены, что он вернется? — не отрываясь от бинокля, спросил Дейгель. — Говорят, русские — серьезный противник?

— Да, не сомневаюсь, — ответил уверенно Ланге, не уточняя при этом, в чем именно он не сомневается...

12.00. БРЕСТ

Астахов зашел в кабачок, взял кружку пива. Сдул шапку пены и хлебнул. Пиво было хорошее. Густое, припахивающее хмелем. Наверное, оно осталось еще от прежнего хозяина. Заметив заинтересованный взгляд молодой польки, торговавшей пивом, Сергей Дмитриевич отошел в сторонку, сел за дальний столик.

Женщина проводила взглядом красивого синеглазого русского, на котором так ладно сидела военная форма. Русские уже обживали старую крепость над Бугом и Муховцом. По вечерам в парке, если не было дождя, стал играть духовой оркестр. Снова звучали красивые вальсы и фокстроты. В общем, жизнь начала налаживаться, и не такими уж страшными оказались они, эти русские. И вовсе не дикие, как рассказывали. Осторожные, правда, будто чего-то ждут. Но добрые и не нахальные. Хотя до польских улан им в галантности далеко, зато они и не дают воли рукам. Неужели этот синеглазый военный так и не посмотрит? Астахов, не за-

мечая изучающего взгляда молодой женщины, думал о своем.

Попгб резидент — инспектор абвера. Глупо погиб. Никто в этом не виноват, кроме кобылы, не вовремя подвернувшей ногу. Был бы в наших руках — рассказал бы больше. Но осталась же шифровка, которую уже здесь, в Бресте, нашли в подкладке. Над ней пока работают. Астахов был уверен, что в этих листочках — списки подготовленной немцами для перевербовки и расконсервации бывшей белопольской агентуры.

В тайне Астахов был доволен, что расчет — уделить внимание малоактивной банде Барковского — оправдался. Теперь понятно, зачем немцам подобные группки. И не смог его переиграть Ланге, который активностью других банд стремился отвлечь внимание от важного участка. Ну что ж, мы и другие банды уничтожили: «Озон» и прочую мерзость, и болота не выпускали из внимания. Тем более из Заброды пошла хорошая информация.

Было, конечно, опасение, что немцы могут затаиться, действовать еще осторожнее, пока не создадут опорные точки на нашей территории. Но не выдержали у них нервишки. Жадность, она пагубна. Массовость в разведке в отличие от физкультуры не всегда хороша. Им уже грезился такой жирный кусок, как бывшая белопольская агентура. Только они пока не знают, что не так уж ее много и осталось. А те, что попрятались по щелям, все равно не скроются. У нас тоже много ниточек в руках. Выкурим. Только нового нашего соседа ставить в известность не будем. Еще в Испании стало ясно, что немцы любят торопиться. Пусть торопятся...

Он поставил пустую кружку, вышел из кабака и, закулив, пошел по улице, обсаженной липами, к особняку, в котором расположилось областное управление НКВД.

Неплохой городок Брест. Чистенький, уютный, брусчатка блестит как новенькая. Наверное, здесь очень хорошо, когда липы цветут. Ладно, все это лирика...

Астахову вдруг пришла в голову мысль, что обязательно нужно съездить к Паисию Петровичу. Поговорить с ним. Алексей вестей не подает, это факт. Но факт — что и о провале его точно неизвестно. Увели — и все. А раз так, рано его списывать со счетов. Это знает любой начинающий оперативник.

Конечно: есть шанс получить нагоняй от начальства

за то, что старается все сделать сам. Но уничтожение этой банды Астахов считал не только служебной задачей. Победить Барковского он хотел сам, своими руками. В таких единоборствах Сергей Дмитриевич не привык уступать врагу...

14.00. БОЛОТА

— Передохнем,— негромко сказал Чеслав.

Владислав устало сел на ствол свалившегося дерева. Оперся спиной о пень. Трудно дался ему этот переход по пружинящему, волглому мху. Не столько для тела — в душе была усталость от первородного страха. Он все время ощущал, что под зыбкой пленкой ненадежной тверди — бездна. Жидкая, засасывающе-липкая смерть, от которой нет спасения.

Каждый поход по болоту становился пыткой для Владислава.

А Чеслав был абсолютно спокоен. Он достал из подвешенной на суку торбы захваченные с базы немецкие консервы, открыл их и протянул панычу. Вторую банку взял себе. Они запивали мясо кисловатым вином, передавая друг другу флягу.

Младшего Барковского не удивила забота Чеслава. Они знали друг друга, что называется, с колыбели.

Когда родился Владислав, Чеслав уже вовсю бежал на большом и далеко не бедном дворе своего отца.

Исполнилось паненку два года, и пан Барковский позвал старого Леха к себе. «Послушай, Збигнев,— сказал пан,— мы оба старые солдаты, и была наша дружба в окопах сплавлена...» Старый Лех кивнул пану. Он многое помнит. Ведь он, Збигнев, верой и правдой служил пану Барковскому, как его дед и прадед служили своим Барковским. Только ему было известно, почему так быстро поднялось вновь было пришедшее в упадок без хозяйского глаза и от военного лихолетья имение. И только пан знал, откуда появилась у Збигнева мельница да злотые в трофейном сундучке. Хозяин объяснил, что хочет он, Барковский, его Чеслава видеть подле своего сына. Чего Леху отказываться от такого лестного предложения?

Стал Чеслав вроде няньки и наперсника забав у молодого пана.

...Чеслав отбросил пустую банку. Владислав давно уже сидел в полудреме.

— Пошли,— сказал Чеслав,— дотемна должны успеть.

Он шел чуть впереди. Вспоминал и размышлял. Может, по происхождению он и ниже панов, а вот в другом нет особой меж ними разницы. Во всяком случае, образование у него — дай бог любому пану.

Когда срок подоспел, Барковский решил, что Чеславу пора серьезно учиться. Он заставил старого Леха отправить сына во Львов, в иезуитский коллегиум.

Пан не собирался делать из Чеслава ксендза. Главное, отцы-иезуиты хорошо учили не только наукам, но и изворотливости ума, послушанию. Он тоже не вечен. Так пусть рядом с сыном будет слуга, который одинаково свободно владеет и словом божьим, и оружием, и хитростью, и ядом.

Поначалу Чеслав тяжело переживал разлуку с родными местами, с молодым паном Владиславом, к которому был сильно привязан. Здесь, во Львове, прочие послушники относились к нему насмешливо, пренебрежительно.

Но вскоре от природы хитрый и изворотливый Чеслав понял, что святые отцы сами святы лишь внешне. Он быстро научился лицемерить. Стал незаметно исчезать из семинарии. Обычно, первогодники такого себе не позволяли. Когда на него донесли — он безмолвно выдержал удары плетью, но потом безошибочно определил доносчика и избил его так, что тот месяц в себя приходил. Следов побоев никто не нашел. Наука отцов-иезуитов уже стала давать свои плоды.

Больше на него не доносили.

Отдыхал он в городе. Львов тогда был веселым местом. Как же хороши были львовские «флячки»¹. Это вам не консервированные сосиски. А знаменитое пиво! А какие во Львове были паненки!

За год-другой Чеслав превратился в настоящего завсегдатая самых темных притонов, к которым обыватели Львова старались сами близко не подходить и детей своих не подпускали. Там он отточил науку точного удара ножом и перестал с трепетом относиться к жизни человеческой. Только вот завзятым «бавидамеком», как называли во Львове развлекателей дам, Чеслав так и не сумел стать.

На стройных, пышногрудых паненок, что так ласково и многообещающе улыбались красивому широкопле-

---

¹ Местное блюдо.

чему брюнету-послушнику, Чеслав смотрел украдкой. Он не знал, куда девать руки, не знал, какие слова говорить. Так что если и приходилось Чеславу грешить в уютных спаленках юных паненок со стройными ножками, то заслуга была здесь не его, а скорее самих энергичных и настойчивых барышень.

И вдруг, когда жизнь в коллегиуме стала для него родной и привычной, судьба нанесла первый подлый и сильный удар. Пришла весть из имения. Убит старый Лех, его отец.

Убили... Эта мысль не давала покоя Чеславу. Да, его папаша был не сахар для людишек — работать заставлял в полную меру. И пропустить мимо себя стаканчик самогона или смазливую бабенку Лех не мог. Так ведь он вдовел который год, а бабы — те зачастую и сами были не против. Пожалуй, старый Лех обходил стороной только жену Филиппа, царствие ей небесное. Хотя после того, как не стало ее, люди начали было поговаривать, что не случайно утопла в болоте, вспоминая на завалинках, как заглядывался на нее этот потаскун, старый Лех.

Так ли, иначе, а нашли отца Чеслава в лесу с простреленной грудью. Чеславу показали это место, когда приехал он домой. Барковский поговорил с Чеславом и убедил, что не стоит вмешивать полицию.

Кипела в Чеславе злоба и неудовлетворенное желание мести. Но отцы-иезуиты научили его подчинять чувства рассудку. Рассудок же говорит Чеславу, что таким, как отец, не надо быть. Как ни крутись, а от всех напастей даже под защитой пана не убережешься. Поэтому сказал он на сходе мужиков, что прощает того, кто грех на душу взял. Он действительно не хотел найти того, конкретного убийцу. Ему всем им хотелось отомстить, голоштанникам. Только волк не режет овец у логова своего. Благо познакомил пан с людьми из корпуса охраны пограничья, осуществлявшими «меры пацификации». И уж там пошло веселье души! Горели хаты, превращая ночи в жуткие мерцающие дни. А дни становились темными от затухавших головешек. Патронов Чеслав тоже не жалел. Прокатилась темная слава о нем по окрестностям.

— ...Пошли,— окликнул Владислав.

Они были в небольшой рощице недалеко от шумевшего в кустах ключа. Молодой пан быстро отыскал нужное место и притопнул по нему ногой.

— Солнце уже вон где... Надо быстрее,— сказал он. Чеслав скинул куртку и саперной лопаткой начал копать.

Лесной грунт был мягок и податлив. Вскоре Чеслав подал Владеку тяжелый, темно-желтой кожи саквояж, с каким обычно ходят сельские лекари.

Дорога назад оказалась длиннее. Шли не так быстро. Саквояж несли по очереди. Уже вечерело, когда вышли к реке. Вдали послышался свист. Это была граница. Они мгновенно затаились в кустах. Встреча с русскими им ни к чему. Но здесь все было спокойно. Пересвистывались на той стороне «гренцшутцены» — немецкие пограничники.

Владек сделал знак, и они осторожно пошли в сторону леса. Сейчас командование было в руках Барковского-младшего.

Лес напомнил Чеславу о Василине. Уезжал во Львов, была невзрачная, голенастая девчонка. А встретил после приезда — земля под ногами зыбкой стала. Львовские паненки перед ней, как базарные бабы перед королевой. Стал Чеслав ей вроде жениха. Он так всем объявил. Правда, она отказала, когда сватов заслал. Но это Чеслава не смутило. Никуда не денется. Кто ж в округе осмелится поспорить с ним? Даже на этой странной войне, куда он пошел за паном, не спрашивая зачем, не забывал он ни на день об этой девчонке. Рисковать не пришлось. Пан не стремился лечь костями в окопах. А вместе с ним и Чеслав... Думал, вернется — и все станет на свои места. И вдруг голытьба дождалась своего. Пан убеждает, что ненадолго. Да, но пока немцы двинутся на холопское государство, он совсем потеряет Василинку. И что она нашла в этом заморыше?

Чеслав со злостью сплюнул и огляделся. Владислава не было видно. Со своими переживаниями Чеслав отстал.

Он перекинул саквояж в другую руку, пора бы и меняться, и сделал шаг к орешнику.

В кустах стоял какой-то долговязый мужик и целился в Чеслава из дробовика. Чеслав качнулся вправо, а затем прыгнул в другую сторону, покатился по земле. Густая листва и стволы деревьев не давали его сопернику увидеть его. Поверху сыпанула крупная дробь...

Чеслав рванулся от тропинки, пока тот, по его расчетам, перезаряжал ружье. Но потом резко свернул и быстро обошел то опасное место.

Почему тот долговязый пропустил молодого паныча, а его попытался задержать?

Впереди затрещало, кто-то приглушенно вскрикнул. Чеслав присел. Осторожно раздвинул ветки. На поляне шла драка. Клубок тел катался по траве. Какие-то люди навалились на Владека.

Сопротивлялся тот недолго. Его скоро подмяли и начали вязать руки.

Судя по одежде — не энкавэдисты и не красные прикордонники. Но кто?

— Второй был! Смотрите туда! — донеслось с поляны. Это появился тот долговязый в поддергайке и с дробовиком за спиной, который стрелял в Чеслава.

Чеслав неслышно придвинулся туда, где кусты были гуще. Голоса приблизились.

«Сволочи, — подумал он о мужиках. — Дерьмо собачье вам искать, а не за мной охотиться. Орут на весь лес, словно ошпаренные».

Он поднял автомат. Кто-то прошел совсем рядом. Чеслав напрягся перед прыжком. Но тут он услышал шум с другой стороны. От деревни продирались еще несколько человек. Чеслав снова затаился, решил выждать.

Вскоре вновь все собрались на поляне.

— Никого...

— Тут крапивы до черта. Пошли назад...

— Погоди, я тут гляну...

— Хоть тут, хоть там. Нет никого. Один он...

Говорившие подошли к Владеку, который уже перестал брыкаться и мычать и просто сидел на земле. Мужики подобрали его оружие, высекли огня, подняли его на ноги. Осветили лицо.

— Вот те на! — хрипло сказал высокий. — Так то паныч! В места родные потянуло. Мало нашей кровушки попил. А, волчье отродье!

Он смачно размахнулся и с разворота врезал своей длинной лапой молодому пану по глазу. Те, что стояли сзади, едва поймали связанного Владека.

Мужикам такой поворот дела понравился, и они придвинулись ближе. Двое засучили рукава, чтоб было сподручнее.

Но кряжистый, наверное, старший, встал перед Владеком, защищая его спиной, и твердо сказал:

— Не тронь!

Мужики слегка опешили.

— Ты что?! Пана защищаешь?

— Не пана. Мы кто есть? Мы есть представители народной власти. Не гоже нам самосуд устраивать. А потом разузнать все надо! Раз волчонок здесь, значит, и волк поблизости крутится. На заставу надо сообщить. Пошли...

«Грязные псы,— выругался про себя Чеслав,— бандиты. Ишь власть отыскалась!»

Чеслав с трудом отнял онемевший палец от спускового крючка, вытер враз вспотевшую ладонь о брюки.

Мужики, захватившие Владека, в деревню входили гордо. В домах захлопали двери, засуетился народ, собираясь кучками на улице. Стало почти совсем темно.

В деревню Чеславу хода не было. Что же они будут делать? Он нашел высокое раскидистое дерево, скинул сапоги и быстро взобрался на него и стал всматриваться. Вся картина была как на ладони. На улицу люди вышли с огнем, так что наступившая темнота не мешала. Чеслав даже пожалел, что нет винтовки с оптическим прицелом. Попрыгали бы эти деревенские вояки...

А вокруг Владислава собралась уже порядочная толпа. Спорили. О чем, естественно, было не слышно, но по жестам догадывался. Видимо, придя наконец к согласию, вооруженные мужики повели пленного к сараю, что стоял посередине деревни. Повесили большой замок. Двое остались сторожить. Чеслав обрадовался. Эта парочка не серьезное препятствие. Тем более ночью. Только долго они еще колобродить будут? Словно и не собираются расходиться. Ага, пошли. Ну, ну!

Однако к тем двоим, что сидели у сарая, подошли еще три мужика. Уселись поудобнее. Развели костерок.

Это уже хуже. С пятерыми, пусть дураками, но вооруженными, в одиночку не справишься.

Вот и коня подвели к костру. Все ясно. Тот крижистый, он у них «солтыс» — новый совдеповский староста. Что-то объясняет парню, который взобрался на коня. По какой дороге поедет? Если в город — дело пустое. Не догнать.

Парень прищепил коня и направился в сторону Чеслава. Точнее, в сторону заставы, по дороге, над которой так удобно устроился Чеслав.

Он соскользнул с дерева, быстро обулся, одним движением снял пояс с тяжелым пистолетом, положил на траву автомат, рядом пристроил саквояж, достал кинжал и затаился...

...Конь всхрапывал. Чеслав, успокаивая, похлопывал

его рукой по холке, поправляя перекинутое у седла мертвое тело. Наконец он добрался до болот. Спрыгнул с седла. Зайдя в кусты, сбросил наземь мертвого. Конь всхрапнул, но заржать не смог. Чеслав рукой зажал ему ноздри, захватив уздечку, потом быстро выхватил нож, резко и сильно полоснул по шее животного.

Полоснул и едва успел отскочить. Тугая темная струя ударила по веткам. Жеребец сделал шаг, другой и рухнул на колени, с треском подминая молодые ветки кустарника. Кровь уже не хлестала, а вытекала из раны пульсирующим ручейком. Коня было жалко. Но следы оставлять нельзя...

Чеслав подошел к телу, обыскал убитого. Нашел бумагу и, не глядя — чего увидишь в такую темень? — сунул в карман куртки.

Вернулся к деревне и еще полночи бродил у околицы, как голодный волк, выжидая момент. Но горел костер у сарая и стражи не спали.

...Уже под утро, усталый и грязный, он ввалился в землянку. Пан Барковский в накинутой на плечи шинели сидел у стола и читал. В углу рассматривал какие-то бумаги Кравец.

— Что? — глухо спросил пан.

— Там... Владека...

Барковский медленно поднялся, неотрывно глядя на Чеслава. Даже в тусклом свете свечи было видно, что лицо его побледнело, будто покрылось инеем. Кравец встрепенулся и с интересом стал наблюдать за происходящим.

Пану мешал стул. Он отбросил его. Подошел твердым, чересчур твердым шагом к Чеславу, больно взял его за подбородок.

— Жив? — спросил, как выдохнул.

— Да... — быстро ответил Чеслав.

— Где?

— Мужики из Мокрого Бора захватили.

— Мужики, — протянул Барковский. — А ты почему здесь?

В глазах его не было презрения — это бы Чеслав понял и простил. В глазах пана была гадливость. Полковник еще секунду посмотрел на Чеслава, губы его дернулись в брезгливой гримасе, и он оттолкнул своего ординарца, будто выбросил что-то мерзкое и осклизлое.

Так с Чеславом еще никто не рисковал обращаться.

— Оставьте нас, пан Кравец, — властно сказал Бар-

ковский. Дождался, пока тот вошел, и строго сказал:— Ну, отвечай!

— Я не мог один,— сквозь зубы ответил Чеслав.— И никто бы не смог! Их слишком много. Они человека на заставу отправили. Я перехватил. Вот письмо. До полудня, пожалуй, не хватятся. Ждать будут... И саквояж в целости.

Он грохнул им по столу.

— Саквояж,— то ли повторил, то ли переспросил Барковский из другого угла землянки. Он стоял спиной к Чеславу. Потом развернулся и громко приказал: — Поднимай людей! Выступаем!

— Не буду,— резко ответил Чеслав.

— Что такое? — опешил Барковский.

— Сгинец в трясине. Темно еще. Я один еле-еле прошел. Да и устал. Ближе к утру выступим.

— К утру...— эхом повторил Барковский. Он раздумывал. Хладнокровие вновь вернулось к нему.

— Если что с Владеком... ты пойдешь за ним. Понял?.. Пока отдыхай. Через час рассветет и выступаем. В Мокром Бору всех — под корень. Дома запалить! И уходим. Все, хватит! Понгнали! Ты со мной... если Владек жив,— добавил тихо.

Подошел к столу. Поднял стул. Вновь раскрыл книгу. Чеслав вышел из землянки. Его душила злоба. Он прошел мимо хотевшего о чем-то спросить Кравца, даже не взглянув в его сторону.

21 октября 1939 года

6.00. БОЛОТА

Всю ночь накрапывал нудный мелкий и холодный дождь. И только под утро тучи медленно отползли за горизонт, теряя по дороге рваные куски, и на небе тускло засветила болезненно-белая луна, давшая земле не столько свет, сколько еще больший сырой холод...

На заре Чеслав хмуро обошел бункеры. Люди поднимались неохотно, глухо матерясь спросонок. Завтрака не было. Вместе с оружием и патронами брали с собой сухой паек. Собирались на полянку между бункерами.

Барковский уже прохаживался там, нетерпеливо поглядывая на часы, хотя отряд собрался как обычно — быстро.

Подняли и Алексея. Велели быстро одеваться и вы-

ходить. Спросил было, что случилось, но его резко оборвали. Стал одеваться нарочито медленно. Грубо начал подгонять. Когда вышли из бункера, он сразу увидел Барковского, рядом Кравца с карабином в руках. Перед ними вся банда. «Повыползали, тараканы,— зло подумал Алексей,— что-то вас всех так всполошило? Уж не со мной ли решили разобраться?» Но на него никто не обратил внимания, и он пристроился позади бандитов.

Барковский поднял руку, и Кравец мгновенно подал команду:

— Становись!

Стоявшие впереди Алексея быстро образовали две стройные шеренги, подтянулись.

Барковский заговорил не сразу. Он внимательно посмотрел на стоявших перед ним подчиненных.

— Друзья мои, вчера вечером произошло печальное событие. Наши товарищи, боевые соратники, с которыми мы бок о бок сражались и вынесли столько тягот, попали в засаду красных. Все героически пали...— Строй молчал.— Я послал разведку,— продолжал Барковский,— чтобы узнать судьбу наших товарищей, возможно, оказать им помощь... Но на разведку тоже напали. Кто, спросите вы? Снова красные? Нет! Это сделало мерзкое быдло, почувствовавшее волю при новой власти. Мне особенно тяжело говорить об этом, потому что в руках этой мрази оказался мой сын и ваш боевой соратник. Я не приказываю, я прошу...— Здесь голос Барковского сорвался, словно что-то не давало ему говорить. Он перевел дыхание.

Строй все так же молчал.

— В общем, так,— твердо сказал Барковский, ставший снова командиром.— Сейчас мы пойдем к Мокрому Бору. Деревню окружить. Живым никого не оставить. Потом — сжечь. Десять минут на подготовку к выходу. Командирам групп ко мне! Разойдись!

Строй мгновенно распался. Бандиты загомонили, задвигались оживленно, загремели оружием.

Один Алексей стоял посреди этой суеты и не знал, что ему делать. Подойти, спросить — а вдруг пристрелят, чтоб не мешался. Спрятаться? Значит, самого себя заживо похоронить. Или его оставят дожидаться, пока все вернутся назад? Ответов не было, и ничего не оставалось делать, как оставаться на месте.

Именно поэтому он увидел, как к стоявшему рядом

с Барковским Кравцу подошел пожилой легионер в темной куртке и что-то почтительно прошептал ему на ухо. Кравец недовольно дернул плечами, потом удивленно и сердито посмотрел на него.

— Что? — переспросил он. — Ты в своем уме?

Легионер снова наклонился к уху Кравца и опять зашептал.

Кравец сердито качнул головой и что-то коротко и тихо приказал.

В этот момент к нему повернулся Барковский.

— Снимите посты, пойдем все, — приказал он. Заметив растерянное лицо своего помощника, спросил: — Что там у вас стряслось?

— Пришел наш человек из Живуни. Я велел его привести сюда.

— То есть как это, «пришел»? Он что, дорогу сюда знает? — с подозрением спросил Барковский.

— Не знает.

— А если не знает, то как пришел?

— Сейчас выясним.

— Выяснять будете сами. В принципе он нам ни к чему.

Барковский отвернулся к ожидавшим его командирам групп. Кравец с интересом посмотрел ему вслед. Странными сегодня были сборы. Станными распоряжения.

Алексей, слышавший этот разговор, отошел в сторону, чтобы не мозолить глаза. Сейчас он увидит наконец-то человека Барковского.

Вдали показалась группа людей. На поляну среди бандитов вышел... Нестор... Он шел, как обычно, блаженно улыбаясь, спокойно и ласково глядя на стоявших перед ним людей.

Алексей не мог поверить своим глазам. Что же это такое? Значит, придурковатость, юродствование — все это было игрой, прекрасным способом конспирации, на которую он купился! Тогда какова роль Филиппа? А Василина?

Он был так ошарашен, что не сразу заметил за рослым Нестором еще одного человека, скромного, невзрачного скорняка Алфима.

Они хотели подойти, как это было приказано, к Кравцу, но так уж вышло, что наткнулись на Барковского.

— Кто вас сюда звал? — резко спросил полковник у Алфима. На Нестора он не обратил внимания. Только

едва уловимо мотнул головой. И Нестора оттолкнули, затерли спинами.

— Прощеньца просим, милостивый пан... Это дурак меня привел до вас.

— Дурак? — не понял Барковский.— При чем тут этот сумасшедший?

— Так есть, милостивый пан, дурак,— скорняк, очевидно, сильно волновался и потому не мог сразу уловить, о чем его спрашивают.— В деревне нашей, в Живуни, красные объявились.

— Красные? И что из этого? Они давно объявились. И не только в вашей деревне.

— То не просто красные, милостивый пан. Большой красный начальник. Приехал на черной легковой машине, вот такие звезды, на рукавах — кинжалы со щитом. Сам молодой, на воротнике палочки такие.— Скорняк показал рукой на петлицы. С каждым словом он, кланяясь, подвигался все ближе к Барковскому, и тот вынужден был слегка отодвинуть его от себя, брезгливо ткнув ему в грудь рукой, затянутой лайковой перчаткой. Алфим смутился еще больше, смял шапку и вытер ею вспотевшую от волнения плешь. Потом снова зачистил:

— С этим красным начальником приехали жолнежи¹. Все с оружием, собаки с ними здоровые... И пулемет!

— Солдат много? — спросил подошедший Кравец.

— Две машины, милостливые паны, две... Но они в сторонке остались, а начальник — тот прямо к дому учителя Паисия...

Алексей понял, о ком говорил этот человек. Астахов! Конечно, Астахов приехал! С красноармейцами! И они не знают, что готовится. Знает он. Но как сообщить? С бандой ведь можно покончить разом и людей спасти. Все они туда идут. Даже посты сняли.

Кто-то тронул его за рукав. Сзади стоял радостный Нестор.

— Я говорил ей... Она не верит! Все говорят — она верит. Я говорю — не верит! — Он счастливо засмеялся, Алексей тоже улыбнулся.— А ты вот, живой! В гостях!

Нестор, Нестор! Они не догадались использовать тебя для связи. Это факт. Зато он попробует!

---

¹ Солдаты (польск.).

Алексей, улыбаясь, незаметно достал из кармана какой-то клочок, благо, вещи ему вернули, карандаш, и по буковке нацарапал: «М. Бор. банда, сегод. утр. Ал.». Больше ничего не уместилось. Потом скатал клочок тоненькой трубочкой, незаметно снял ключ, сунул записку в отверстие. Осторожно, не переставая болтать с Нестором, оглянулся. На них никто не обращал внимания. Все были заняты сборами.

— Плачет Василюк? — спросил он.

— Все плачет, — ответил, печально выпятив губу, Нестор.

— Так иди домой. Скажи привет от меня. И ключик вот передай. — Алексей увидел, что Нестор растерянно обернулся в сторону скорняка.

— Ты ей ключик мой отдай. А она тебе красочку подарит. У Паисия возьмет и даст. Иди же, иди. Скорее... Только здесь не говори никому, что уходишь. А то красочка пропадет...

Нестор заговорщически скривился лицом на одну сторону, подмигнул и... пошел. Пошел по самому видному месту, обходя группки людей. Может, именно потому, что не прятался, не обратили на него внимания.

Алексей перевел дух. Хорошо, что он вовремя вспомнил, как Нестор выпрашивал у него желтую краску.

— ...Как ты сюда попал? — уже Кравец спросил Алфима.

— Так я говорю, милостливые паны, лиса у дурака потерялась, а он ее у болота szukaet. Я возьми да скажи ему, что на островок, поди, убежала. Давай поищем вместе... Он и повел. Всяк знает, что он по болоту, как по своей хате ходит. Мать болото отняло, разум тоже, а вот дар подарило...

— Ну что же, — сказал Барковский, — хорошее сообщение. Благодарю за усердие. Но, пан Кравец, ваш человек не умеет коротко говорить. Он отнял у нас целых пятнадцать минут. Но информация все же любопытная. Началась большая охота за нами. Усердие облегчает его промах. И все же вам надо договориться с ним о молчании. — Барковский иронически улыбнулся, вспомнив недавний разговор с Кравцом.

Скорняк наконец-то услышал ласковые слова и начал благодарно кланяться. Но тут по знаку Кравца его подхватили под руки Ровень и лысоватый, с кулаками-булыжниками. Алфим догадался, что с ним хотят сделать. Он взглянул, заикался и стал вырываться из рук

своих конвоиров. Шея его покраснела, потом пошла лиловыми пятнами. Ровень, поняв, что быстро этого мозгляка не оттащишь, достал кинжал, но ударить было не так-то просто. Алфим начал дергаться и извиваться еще сильнее. Барковский посмотрел в их сторону и брезгливо сморщился. Ровень почувствовал, что полковник недоволен. Больше не выжидая, он сильно ткнул кинжалом, куда придется. Скорняк оборвал крик на высокой ноте, неестественно выпрямился и потом обмяк, как тряпичная кукла. Затихшее тело снова подхватили и поволокли за кусты.

— Все правильно, пан Кравец.— Барковский разговаривал со своим помощником.— Риска нет. Мы придем туда, где нас не ждут. Красные пока действуют грамотно, но отстают на полшага. Это только подтверждает правильность моего замысла. Да, не забудьте дурака убраться...

Барковский подошел к Чеславу. А Кравец начал искать глазами Нестора. Его на поляне не было. Кравец еще раз внимательно все оглядел. Невольно его взгляд остановился на Алексее, потом скользнул дальше. Но что-то заставило его взглянуть на пленника снова. Ключ! Нет на шее гайтана от ключа!

Пропал дурак, не висит ключ. Значит?..

Кравец было повернулся, сделал шаг по направлению к полковнику, но остановился. Потом снова взглянул на Алексея. Задумался, вспомнив события последних дней и сегодняшнего утра.

Медленно подошел к Барковскому.

— ...С мальчишкой? Тоже убраться! — донесся до Алексея приказ Барковского.

Его, как несколько минут назад скорняка, подхватили под руки. Но он не Алфим! Он чуть отклонился вперед, потом дернулся назад. Это был не то кувырок, не то полусальто. Руки стали свободны, и, пока стражи не пришли в себя, недоуменно сжимая ключья одежды, он метнулся к Барковскому, распластался перед ним, ловя начищенные сапоги.

Не ожидавший такого поворота полковник сделал произвольно шаг назад.

— Что? Что такое? Уберите!

— Пан! — пытаюсь обнять сапоги Барковского, с надрывом закричал Алексей.— Пан, не убивай! Я все скажу! Все!

— Да уберите вы его наконец,— пятась назад и

расстегивая кобуру, раздраженно приказал Барковский.

— ...Я тебе половину отдам!.. На всю жизнь хватит!.. И внукам хватит!..

Алексея схватили за ноги, оттаскивая от пана.

— Все отдам!— протягивая руку к полковнику, истошно завопил Алексей.— Все тебе!.. Там же миллионы!

Барковский взглянул заинтересованно. Сделал знак.

Алексея подняли на ноги, подтолкнули к пану.

— Что вы там кричали? Только быстро! Вы меня опять задерживаете.

— Там большие ценности,— сказал Алексей.

— Где?

— Это разговор без свидетелей.

Барковский дернул щекой. Все, кто стоял поблизости, отошли.

— Итак? — спросил Барковский.

— Я работал при мастерской Арона Шехтера...

— Что из того?

— Мне известно, где его коллекция.

— Молодой человек, Шехтер был очень богатым антикваром. Но то, что вам может быть известно, где его коллекция, это, простите, сказки. У вас все?..— Он посмотрел на часы.

— Я могу доказать, что я знаю... Я узнал это случайно от его конфидента¹. Шехтер погиб при бомбежке Варшавы. А с его конфидентом мы встретились, когда бежали от немцев.

— Опишите внешность Шехтера, его привычки. Быстро!

— Седой, бритый, маленького роста. Всегда в вязаном жилете и штраймеле². Нас всегда называл щинкерами...

— Так-так... А кто был его конфидентом?

— Пан Шеляг³.

— Это прозвище. Назовите имя.

— Его так называли за пристрастие к нумизматике. Настоящее имя было Самуил Юркевич.

— Было?

— Он умер.

— После того, как открыл вам, где находится коллекция антиквариата? — Барковский снова посмотрел на часы.

---

¹ Доверенное лицо (польск.).

² Еврейское название обшитой мехом бархатной ермолки.

³ Мелкая разменная монета в Польше в конце XVII века.

— Пан! — Алексей понял, что нужно продавать легенду до конца. — В коллекции чаша польского подскарбия¹ времен Батория, картины, принадлежавшие лично Брюлю², полотна старых голландцев, некоторые египетские древности...

— И Юркевич рассказал вам, где все это, из-за большого расположения?

— Тогда казалось, что ничего уже невозможно...

— Следовательно, поделившись с вами тайной хранилища коллекции, он вынужден был умереть. — Этот момент понравился Барковскому. — Теперь понятно, зачем вы рветесь туда. Но даже если все это правда и вещи смогли уцелеть, взять их вам будет трудно.

— А с вашей помощью...

— С моей?!

— Почему бы и нет! — Алексей перешел на деловой тон. — Вы мне жизнь, помощь, я вам — половину богатства.

— Три четвертых, — холодно и твердо заметил Барковский. — Причем, я сам определяю, что вам дать. Хотя, у меня нет никакой уверенности, что вы не лжете. А посему расскажите, где именно находится коллекция в настоящий момент. От этого сейчас зависит ваша судьба.

— Пан! Мне бы не хотелось повторять ошибок Юркевича. Да и не найти вам без меня тайника.

— А мы вас попытаем...

— Варшава в руинах. Вы плохо знаете окраины...

Барковский, заложив руки за спину, задумчиво прошелся.

— Хорошо, допустим, что все так и есть. — Полковник щелкнул пальцами, подзывая Чеслава. — Этот пойдет с нами. Ровень пусть глаз с него не спускает.

— Нет, — отшатнулся Алексей.

— Что «нет»? — недоуменно посмотрел на него Барковский.

— Я лучше здесь останусь, подожду...

— Бойтесь? — усмехнулся Барковский. — Не бойтесь! Там не будет опасно. А мне спокойнее, когда вы рядом. Будет время — поговорим подробнее. Если солгали — в трясины. Идите...

---

¹ Казначей польского королевства в средние века.

² Первый министр саксонского курфюрста Августа II, бывшего одновременно и польским королем.

Барковский проверил пистолет, вытащив и снова вставив обойму. Передернул затвор, досылая патрон.

— Пан пулковник! — рядом стоял Кравец. — Вы собираетесь уходить?

— Да, и как можно быстрее. Мы потеряли много времени.

— Я не про то. Вы же не вернетесь сюда?

— Что вам, собственно, нужно?

— Мне кажется, что встреча с герром Ланге не принесет удовольствия ни вам, ни ему. Вы не сможете дать сведений ни о войсках москалей, ни о «линии Сталина», ни о других вещах, интересующих наших немецких друзей.

— Что же хотите вы?

— Я боюсь, — бесстрастно продолжал Кравец, — что вам нечего будет рассказать герру Ланге. Разве как попал к русским его резидент-инспектор?! Или пан пулковник желает поведать, как нас обложили в болотах русские?

— Долго мы будем вести этот беспредметный разговор? — с непроницаемым лицом поинтересовался Барковский. — Встречи с вашими друзьями — моя проблема. Я давно знаю, что вы работаете и на Ланге, и на Келлера. Что нужно лично вам?

— Кравец — скромный человек... и не может, как пан пулковник, отсидеться где-нибудь на далеком фешенебельном курорте...

— Я теряю время и терпение...

— ...Могу вам помочь в некоторых вопросах. Если, разумеется, вы поможете мне. Тогда нам не придется лишний раз беспокоить герра Ланге.

— В вашей помощи подобного рода я не нуждаюсь.

— Вы можете пожалеть об этом и очень скоро. — Кравец решил не говорить о своих догадках. — Я с вами в Мокрый Бор не пойду. Кое-что в Живуни надо проверить. Но договориться, если все будет нормально, нам все же нужно!

— Хорошо! Ждите нас на перекрестке троп. Там и поговорим.

Барковский, не прощаясь, повернулся и широким шагом пошел догонять уже вышедший отряд. Чеслав с ранцем из телячьей кожи за спиной побежал за ним. Пан сказал тихо Чеславу:

— После Бора уходим. Мальчишку этого возьмем с собой. Кравца убереешь сразу, как он появится.

...Кравец, проводив взглядом ушедших, направился в другую сторону. Ему надо было подготовиться к разговору с Барковским. Для этого нужен ключ соплняка, вряд ли его исчезновение случайность. Заодно будет время подумать, как можно нажать на полковника. Имея так много, он пока не хочет делиться с ним, с Кравцом. А ведь господь велел делиться...

7.18. ЖИВУНЬ

...Нестор решил свить себе гнездо. Там будет тепло и уютно.

Место для гнезда он облюбовал в дальнем конце сада, за подвязанными кустами малины, у старого сарая.

У Нестора было хорошее настроение. Как обрадовалась сестра, когда он передал ей ключик от этого странного парня, который в самый дождь и темень мог заставить солнышко светить всего двумя движениями руки. Василинка обещала, что и он скоро сможет так сделать. Не просто сказала об этом — спела! Раз Василинке хорошо, то и Нестору радостно. Он знает, что сделает. Вот сплетет гнездо, летать научится. Полетит на небо, выберет облачко побелей да посуше и принесет сестренке. Пусть на зиму красивая шуба будет.

Нестор начал заботливо выкладывать дно гнездышка. Работал аккуратно, старательно, но торопливо, твердо решив к вечеру взлететь.

Он мурлыкал что-то приятным, густым, слегка осипшим голосом. Сипел давно — с детства в любую погоду в лесу или по деревне бегают. Нестор так увлекся своим делом, что не слышал как сзади к нему подошел человек. Это был Кравец.

Грязный, вымокший, усталый и злой, в руках он держал карабин. Ему сейчас нужны были данные. А для этого нужен был Нестор. Кравец отер вспотевший под фуражкой лоб, посмотрел на «творение», покачал понимающе головой и вдруг резко спросил:

— Где ключ?

Он знал, что такой прием действует безотказно. Если не ответит, так хоть замешательство появится. Это половина успеха.

Нестор распрямился, ласково посмотрел на Кравца и неторопливо доверительно сказал:

— Я еще не сделал...

Кравец растерялся.

— Чего не сделал?

— Вот сделаю,— продолжал Нестор, не слыша вопроса,— вместе летать будем. Полетишь?

Кравец зло сплюнул.

— Куда, дурень?! Ключ где? Ключ, что дал тебе этот парень на острове? Куда ты его дел?

Нестор, глядя на бывшего жандарма, вытер грязной ладонью выползшие из носа сопли и заулыбался.

— А как полетим, так красочку захватим. Разрисуем вместе. Большое солнышко уйдет — зима приползет. А Нестор свое солнышко возьмет, холод спрячется под деревом — опять лето будет!

Он снова нежно взглянул на Кравца, доверительно потянулся к нему, затаил вполголоса своим сипловатым басом церковный гимн. Кравец не выдержал, схватил за руку, повернул к себе.

— Где ключ, скотина ты этакая! Давали тебе ключ или нет?

Легко высвободившись, Нестор тихо ответил:

— Ага...

— Где он? Кому отдал?!

Нестор радостно улыбнулся:

— Зима выползет, а у меня гнездо есть! Прилетай!

Кравец еще раз с чувством сплюнул. Он был взбешен.

Разве от этого ненормального чего-либо добьешься? А главное, к нему вкралось сомнение. Может, и не было здесь ключика? Попробуй этому идиоту втолкуй, куда и что передать.

Расспрашивать Нестора он дальше не стал. Между подвязанных на зиму кустов медленно пошел к дому, на двор. Он размышлял. Размышляя, покусывал кончик тонкого уса.

От раздумий его отвлек громкий лай.

Кравец поднял голову. Огромный черный пес злобно осерился, стоя на крыльце рядом с хозяином. Филипп! Крутой мужик. И смотрит недобро своими черными цыганскими глазами.

Хозяин положил на холку пса ладонь. Тот затих, хотя до конца не успокоился. Шерсть на загривке грозно топорщилась, он глухо и зло рычал. Кравец был не из пугливых, но карабин перехватил поудобнее.

— Нех бензе похвалены Езус Кристус!¹ — поздоро-

---

¹ Слава Иисусу Христу (польск.).

вался он с лесником.— Уйми кобеля своего. Вон как глазами сверкает.

— Нех бензе... — равнодушно отозвался Филипп. На просьбу он не обратил внимания.

«Чертова семейка,— подумал Кравец,— один от души слушать ничего не хочет, другой и вовсе в своем лесу одичал. Сразу и не поймешь, кого больше бояться. То ли пес первым в горло вцепится, то ли хозяин».

— Я смотрю, не отобрала новая власть ружьишко-то? — Кравец кивнул на двухстволку, которая висела на плече Филиппа.

— Зачем оно им? — ответил вопросом Филипп.— У них и своих ружей хватит, новых. А мне для дела...

— Дела? Что за дело ты себе нашел?

— Мне искать нечего. Как было, так и есть. Это власть меняется, а деревья остаются. Им забота нужна. Лес, кто бы ни стоял наверху, он и есть лес. Ты зачем пришел? Говори или попрощаемся, ежели дела нет.

— Да шел мимо. Дай, думаю, загляну.

Филипп усмехнулся.

— Гулял, значит. Что ж, погода подходящая.

— Ты красных-то не видел?

— Здесь не было,— нахмурился Филипп.

— А в деревне?

— Не заходил.

— Чтой-то там твой Нестор лепит?

— Что лепит, то и лепит. Он человек божий — у него свои дела. С утра все лисенка искал, а теперь вон в кустах...

— Лисенка-то нашел? — Кравец, пожалуй, в своем участии явно переусердствовал. Филипп взглянул на него еще более подозрительно, чем прежде.

— Нет... Сбег куда-то... Нового пошукаю...

«Медведь чертов! — злился Кравец.— Ишь цедит... Слова нормального сказать не может».

— Ладно.. Раз про деревню не знаешь, пойду я. Если краснюки появятся, ты меня не видел.

— Я никого не видал: ни тебя, ни их! — пробурчал Филипп, открывая дверь дома.

Кравец направился к калитке, на ходу бросив через плечо:

— Да, чуть не забыл. Дочке от Чеслава передавай привет. Очень он по ней скучает.

— Вернется, передам,— сказал Филипп уже из сеней.

— Вернется.— Бандит резко повернулся. Пес снова вскочил с крыльца и грозно зарычал.— А она что уехала? — Он старался говорить спокойно, чтобы этот лесной увалень ни о чем не догадался.

— Куда ехать? В деревню побегла по своим делам...— Филипп ничего не заметил.

— Давно?

— Да недавно...

— Ну тогда действительно прощай.

Кравец не торопясь зашагал к калитке. Потом так же неторопливо пошел к лесу, в сторону болот. Но лишь дом лесника скрылся в кустарнике, он резко изменил направление и понесся, ломая с треском ветки.

Быстрее, быстрее к деревне. Если вышла недавно, он еще может перехватить. Не ошибся! Связан лайдак с красными, связан! Проницательный пан пулковник не понял. А он, Кравец, раскусил сразу!

Наконец он выбежал на тропинку почти у самой деревни. Оглянулся. Никого не было. Если обогнал — сама натолкнется. Если она прошла быстрее...

Кравец взошел на пригорок. Не успел! Внизу лежала деревня, и совсем близко от первых дворов двигалась по дороге девичья фигура.

Так: куда пойдет? Если сейчас свернет к церкви, его расчеты правильные. Пойдет, не сворачивая, низом, напрямком к домам — напрасно торопился.

Василина свернула к церкви...

Все! Ключ попадет к чекистам. Что он означает? А может, в нем передана информация? Какая? Скорее всего болотной эпопее пришел конец. Как и группе. Красные скоро буду в Мокром Бору — грузовики у них на ходу. Значит, ему туда не успеть... Ничего, Барковский вывернется. Он еще должен обеспечить его, Кравца, будущее.

А теперь... Теперь надо наказать зрадца¹.

Кравец осмотрел карабин. Прислонясь к раскидистой иве, он ждал. Василина шла домой. Она мурлыкала что-то веселое и задорное. «Ишь ты, как брат», — зло усмехнулся Кравец и приладил карабин к высохшему сучку. Вытер ладони о брюки, чтобы цевье не скользило.

Девушка вышла из-за молодых деревьев. Она вер-

---

¹ Предатель (польск.).

тела в руках тоненькую веточку и в такт песенке качала головой.

Кравец повел стволом. Он увидел нежные завитки на смуглой, красивой шее сквозь щель прицела. Взял чуть повыше, где в русых волосах начинался пробор, скользнул глазом по стройным девичьим ногам. Снова прицелился и нажал курок...

7.32. МОКРЫЙ БОР

Серое утро с трудом отодвигало тьму, осторожно ступая на стылую, сырую траву. Еще не заморозки, но уже кажется, что холода затаились в той близкой росице.

Юхиму хотелось спать. Но заснешь тут, когда он последний осгался. Вон мужики как дрыхнут. Поначалу боязно было — шутка ли, паныча взяли! Летом подумал бы о таком — перекрестился — не дай бог, узнает кто.

Молодец все же новый староста, то бишь председатель сельсовета. Ведь поначалу мужики даром что не переругались. Охранять надо, а в одиночку страшновато. Вдруг и пан рядом?! Спорили, спорили, пока староста, председатель то есть, не решил: пятерым вместе сидеть!

Правда, и потом долго не расходились, вспоминали, как скрутили этого волчонка. Поболтали, а потом по одному потянулись по избам. Тут-то страхи и начались. В темноте они росли, везде «дух болот» со своими головорезами чудился. Да ничего. Развели костерок. У огня и не зябко, и страхи сгорают. Под утро и вовсе успокоились. Мужики носом клевать стали. Он-то продержался, не впервой. Потом на печи отоспится.

Над трубами уже потянулись легкие дымки. Сразу видно, у кого хозяйка расторопная. Над его, Юхимовой, хатой дымок кучерявится чуть ли не раньше всех. Чем это его сегодня жена порадует после холодной ночки? Эх, хорошо бы драников догадалась... Ничего, скоро придут с заставы, паныча заберут, тогда и узнаем...

Юхим взял еще несколько толстых веток, подбросил в огонь и поглядел в другую сторону, туда, где в низинке темнел лес.

По тропинке двигались трое...

Шли спокойно, прямо по улице, ведущей к сараю. Юхим не испугался, уж слишком обыденными они были, эти трое в поношенной милицейской форме. Тот, что

повыше и покрепче, споткнулся на дороге и незло ругнулся. Юхим насторожился. Быстро разбудил своих товарищей. Когда те трое подошли поближе, стало видно, что на поясах у них кобуры, у одного на плече болтался карабин.

— Здравствуйте, товарищи,— поздоровался, подходя к сараю, тот, что повыше, начальник, судя по всему.— Кто тут у вас старший?

— За старшего у нас староста, председатель то есть... Он в том доме живет...— показал Юхим.

Он не знал, что делать. Вроде власть слушаться надо. А с другой стороны, откуда здесь взялись милиционеры? Поехали ведь на заставу?

— Понятно, понятно,— по-доброму усмехнулся начальник.— Я спрашиваю, здесь вы пленного сторожите?

— Да вроде как и мы,— осторожно ответил Юхим.

— А вот мы из милиции. Нам с заставы позвонили. Они записку вашего председателя получили. Приказано в город доставить. А вам благодарность за бдительность и находчивость. Ключи, я думаю, у вас? Давайте, время дорого.

— Да вроде как у нас,— протянул Юхим. Ключи ему отдавать не хотелось. Если из милиции эти трое, почему форма на них так сидит, словно с чужого плеча? И потом не пешком же они собираются вести паныча?

Юхим медленно задрал полу залатанного зипуна, словно вспоминая, куда он мог сунуть ключ.

Милиционер, стоявший сзади начальника, снял с плеча карабин.

— Как же ключ без председателя? Не положено,— быстро сказал Иван.

— И то,— облегченно начал Юхим, но закончить не успел. «Начальник» резко ударил его в голову. Юхим свалился на землю. Мужики застыли. Из-за угла сарая вышли еще двое. Один с автоматом в руках и ранцем за плечами, второй — в польской военной форме.

— Что стоите? Открывайте! — негромко приказал военный.

Мужики отшатнулись назад. «Болотный дух»!

«Начальник» быстро нащупал у Юхима ключи. Замок, заскрежетав, отвалился. Один из «милиционеров» кинулся внутрь, вывел Владислава, на ходу разрезая веревку широким кинжалом.

Пан шагнул к нему, взял за плечи.

— Цел? А это что? — кивнул он на большой лиловый синяк под глазом.

— Это ничего... это... сейчас,— Владислав высвободился из рук отца, с ненавистью посмотрел на мужиков, стоявших у стены сарая. — Дай-ка,— обернулся он к Чеславу, протягивая руку к автомату.

Чеслав вопросительно посмотрел на пана. Тот едва кивнул. Владислав дернул затвор и прямо от живота выпустил очередь по мужикам. Потом еще одну...

— Не поверили,— сплюнул в сторону убитых «начальник». — Я и так, и этак — не верят. Документы, наверное, хотели проверить. Может, стоило форму комиссарскую обмять.

— Ладно,— прервал Барковский. — Председателя повесить...

Группа быстро разошлась. То там, то здесь раздавались щелчки карабинов и резкий треск автоматных очередей, слышались крики, заголосили бабы. Но вот в эти звуки ворвался глухой стук выстрелов охотничьих ружей.

— Не успели всех врасплох взять,— заметил Чеслав.

— Ерунда,— отрезал Барковский. — Найди-ка мне этого циркача.

Он придержал сына, который было рванулся к дому председателя, где завязался небольшой бой.

— Стой здесь, с тебя хватит приключений.

Банда окружила деревеньку с разных сторон.

Много Алексей видел в своей небольшой жизни. Но поверить в то, что происходило, было невозможно.

Он видел, как двое бандитов ворвались в дом. Тщедушный мужичок в одном исподнем пытался что-то сказать. Но его сшибли с ног и разбили голову прикладом.

В другом доме хозяин выскочил было с топором в руках встретить непрошеного гостя, но автоматная очередь переломила его пополам. Второй очередью бандит убил парнишку лет десяти, который выбежал на порог вслед за отцом. Бандит наступил на убитого и шагнул через порог. Глухо треснул еще один выстрел. Потом раздался девичий тонкий крик.

Ровень усмехнулся и кивнул Алексею, чтобы тот шел за ним. Они подошли к двери, Ровень ногой отодвинул тело мальчишки, и они вошли внутрь. На полу, тихо постанывая, лежала простоволосая женщина. Пуля попала ей в живот. А в дальнем углу шла борьба.

— Не надо, дяденька, не надо! — голосила совсем

молоденькая девчушка. На ее худеньких плечах висели лишь лоскутки полотняной рубахи. Руками она пыталась прикрыть свою хрупкую девичью наготу. Ей удалось вырваться из объятий того, с залысинами, и она вжалась в дальний угол, надеясь, что хоть темнота спасет ее. Бандит не слушал. Сопя, схватил ее за руку и резко дернул. Девчонка охнула и отлетела к лавке. Он накинул на нее.

— Ай... дяденька, не надо... не надо...

Ровень смотрел на всю эту сцену с улыбкой. Алексей сжал кулаки. Надо выдержать. Надо выдержать!

— От, кобель,— усмехнулся Ровень,— ни одной бабы не пропустит. Ладно. Пошли.

Потом бросил тому:

— Ты давай побыстрей здесь, не задерживайся.

Они вышли на улицу.

«Передал ли Нестор Василине? — мучительно гадал Алексей.— Догадалась ли она? Где же Астахов?!»

Их нагнал легионер. О тащил что-то, завязанное в лоскутное одеяло.

Ровень покосился на него.

— Брось. Барахло ведь.

— Лучше немає...¹ — коротко и зло огрызнулся легионер.

Ровень брезгливо поморщился. Убивать он любил, но мародерство презирал.

Однако все шло не так гладко, как рассчитывал Барковский. Мужики отчаянно сопротивлялись, то там, то здесь гулко били их ружья. В окно передней хаты высунулся ствол охотничьего ружья. Выстрел, и легионер, дернувшись, свалился в лужу со своим большим узлом. Ровень мгновенно бросился на землю, Алексей тоже. Они перекатились к плетню.

— Пошли, святой Алексей,— зашипел Ровень, обернувшись,— здесь нас, кажется, заждались.

Он привстал и одним прыжком перемахнул через изгородь. Алексей не отставал. Он твердо решил про себя: будь что будет, а Ровень отсюда живым не уйдет.

Хозяин их не видел, наверное, перезаряжал ружье. Распахнув дверь, Ровень прижался к стене. Грохнуло. Самодельная пуля выбила большую щепу из косяка. Ровень резко присел, выстрелил снизу вверх и кинулся в хату. Хозяин, держась за пах, катался по полу. Рядом

---

¹ Лучше нет (польск.).

валялась двухстволка. Ровень навскидку выстрелил в мужика. Тот дернулся и затих.

— И чтоб щенки не плодились.— Ровень вставил новую обойму, передернул затвор, поднимая карабин.

У печи стояла молодая женщина, прижимая к себе двух белоголовых ребятишек, закрыв их лица фартуком,

Алексей больше не думал. Он прыгнул вперед, целясь тяжелым ботинком в поясицу Ровеня. Тот все же успел выстрелить. Женщина вскрикнула. Но пуля пошла вверх, ударившись в угол печи. Посыпалась побелка, открылись старые кирпичи.

Бандит, выронив карабин, согнулся дугой, опершись одной рукой об пол. Другой нашаривал застежку кобуры на поясе. «До карабина не дотянусь, не успею»,— понял Алексей. Он быстро поднял двухстволку. Если в стволе есть еще один заряд— он победил, если нет... Алексей нажал сразу оба курка.

Жакан распрямил Ровеня и отбросил к стене. Ударившись о нее, он секунду был неподвижен, потом медленно сполз на пол. Глаза его невидяще уперлись в Алексея. Уже мертвые глаза...

— Уходи быстрее! — крикнул Алексей женщине.

Он подтолкнул ее к окну, выходившему на зады, в заросли кустов. Прикладом, с маху, высадил раму и почти выкинул в окно и ее и мальцов. Отбросил двухстволку к телу мужика, схватил карабин Ровеня.

Едва успел выпрямиться, в комнату вошел Чеслав. Ему не нужно было долго оглядываться, чтобы понять все.

— Бежать хотел, гнида! — с ненавистью прохрипел Лех.— Ровеня положил?!

— Не я...— начал оправдываться Алексей,— мужик это... Мужик!.. Ровень сначала промахнулся. А тот и всадил. И меня хотел. Вон, в стене дыра, увернуться успел. До карабина дотянулся...

— Герой!..— Чеслав не поверил ни одному его слову. Но Алексею было на это наплевать. Барковскому сейчас нужна его жизнь, а раз так — он будет жить.

— Дай сюда!— Чеслав вырвал карабин из рук Алексея.— Пошли. Пан требует.

Алексей вышел на воздух. Запах свежего хлеба и поздней травы смешивался с запахом густой гари и смерти. Ближе к центру в крепкой хате засело несколько мужиков. Бандиты, окружившие дом, безуспешно обстреливали его. «Долго все равно не продержатся»,—

понял Алексей, заметив, что у дальнего угла бандиты уже собрали хворост и сено.

Чеслав вел его к другому краю деревушки. Вскоре Алексей увидел Барковского, его сына, еще нескольких бандитов. Лех хотел было доложить о случившемся, но полковник не дал.

Он внимательно всматривался в дорогу. Ему показалось, что там, на дальнем пригорке, какое-то движение. Но дорога уходила в лесок и лишь потом снова была видна. Да, действительно показался грузовик с людьми, еще один.

— Чеслав!

— Я здесь!

— Дать сигнал отхода.

Один из бандитов несколько раз пронзительно свистнул.

— Оставить заслон.— Полковник продолжал распоряжаться.

— Трех?

— Человек шесть-семь!

Чеслав удивленно взглянул на пана. Это же почти треть группы.

Барковский на взгляд внимания не обратил.

— А вы, молодой человек,— Барковский повернулся к Алексею,— если хотите найти, то... Пошли.

Алексей оглянулся на дорогу. Скоро здесь будут наши, а он уходит...

8.22. БОЛОТА

Дела плохи, обстоятельства — отвратительны, но Кравец чувствовал большую удачу.

Бывает так: слова разные, а значение у них одно. Вот и для него — богатство и власть были едиными. Мечтая быть необыкновенно богатым, он столь же сильно жаждал власти над людьми. Но, как не бывает первого без второго, так и второе немыслимо без первого, в этом Кравец уже убедился. И, убедившись, захотел стать таким же, как те властители умов и душ, с кем случайно сталкивала его судьба. На родовое состояние рассчитывать не приходилось. Какое там состояние у потомка загоновой шляхты¹, род которого разорился

---

¹ Польское мелкопоместное дворянство, обычно весьма бедное.

еще в середине прошлого века? Свое счастье надо было создавать своими руками.

Руки у Кравца были сильными. И он нашел им самое, по его мнению, лучшее применение. Он стал жандармом. Это было в лоскутной и уставшей от собственной громоздкости Австро-Венгерской империи. Он носил каску с петушиными перьями, знаком жандармской власти и наслаждался первыми глотками тягучего и сладкого вина под названием «Власть». Мальчишка! Разве это было настоящее вино? Так, разбавленная наливка на базаре. Хорошо, он вовремя понял, что малым довольствуются только плебеи. Надо карабкаться наверх. Но рухнула проржавевшая империя, и пропали все старания. Крушение? Но не таков Кравец, чтобы сдаться.

Он оставил в Вене молоденькую жену с белокурым мальчиком на руках и быстро забыл о первом опыте семейной жизни. Власть и достаток — не жена. С мечтой о них расстаться невозможно.

Теперь Кравец попробовал начать с богатства. Ему нужно было много и сразу. Он хорошо изучил приемы тех, против кого несколько лет боролся. Попробовал. Не то. Прятаться, скрываться... Умные люди делают то же, но по-другому, и их за это не только не осуждают, наоборот, они пользуются необыкновенным уважением.

Тут и большие события подоспели — провозгласили Польское государство! Вот чего он ждал. Ведь если есть государство, должны быть и жандармы! Опять же, хочешь остаться незамеченным, как говорят французы, встань под фонарем! И пан Кравец встал. Кто станет искать в жандармском корпусе виновника нескольких лихих налетов на конторы богатых ростовщиков и мастерские преуспевающих ювелиров!

На новом месте он утвердился быстро. Начальство звало его уважительно — «универсал». Он умел сбить с ног одним ударом кулака, метко стрелять, допрашивать в темноватых и глухих подвалах, откуда не доносятся даже самые сильные крики и стоны. Что еще?

Рвение молодого жандарма отметили, и стал Кравец не быстро, но уверенно двигаться по служебной лестнице. Для солидности женился, для престижа завел любовницу.

Власть потихоньку открывала свои парадные двери. А богатство шло само. У людей есть слабость — они

часто хотят откупиться от неприятностей. Кравец позволял себе быть добрым, если доброта хорошо оплачивалась.

Все шло прекрасно. Но оступился. Забыл, что осторожность — самое важное качество в любой аванюре. И ведь по всем данным подтверждалось, что есть у этого чахлого еврея золотишко и кое-что другое. Долго бился с ним пан Кравец. А тог возьми, да и сдохни после первого же прижигания пяток. Мало того, что ничего путного не удалось узнать, так еще и шум поднялся. Как же — исчез человек! Причем не очень-то и бедный. Пан Кравец искал его вместе со всеми, ухмыляясь безгубым ртом под тонкими усами. Не нашли. Кравец хорошо умел прятать концы...

Но нервы, нервы... Вдруг выплывает? Как тогда его карьера? Все утихло и забылось. Но однажды в кабачке к Кравцу за столик подсел обаятельный, улыбчивый пан и стал рассказывать, что и как было. Договориться сразу не удалось. Предложил встретиться через два дня в загородном ресторане. Пан на удивление быстро согласился.

Кравец подумал, что бог послал дурака испытать его.

Оказалось, бог дураков не посылает. Накануне встречи пан Кравец спал в своей уютной спальне. Открыв глаза, он увидел приятного пана. За ним стояли еще два, уже не таких приятных. Кравец торопливо встал и направился, куда ему показали. Как не торопиться, когда свою просьбу приятный пан подкрепил револьвером с весьма внушительным калибром.

Езус Мария! Как он наивен! Оказывается, это они были готовы платить ему! Более того, ликвидировать все возможные последствия того неприятного инцидента и сделать так, чтобы начальство снова полюбило его. Кравец, сторговавшись, стал тайным агентом немецкой разведки. Новые друзья устроили ему перевод в корпус охраны пограничья. Все вроде было хорошо. Только Кравца снова мучили сомнения. Где, где тот взлет, о котором он мечтает?!

То, что его отправили в болото обеспечивать безопасность разведгруппы и присматривать за полковником, он посчитал крахом всех надежд. Но святая дева заботилась о нем.

Теперь он знает о тайне медальона. Полковник Барковский говорил, что в нем то, что сделает невысказано

богатым на всю жизнь! Вот она, мечта! Надо только осторожно ее взять.

Кравец подошел к нужному месту — перекрестку троп на болоте. От Мокрого Бора сюда шла всего одна тропа. Барковский пройти мимо не может.

Уходил бы с острова сразу за кордон. Но вишь ты, пока щенка не вытащит, двигаться не может. С такими деньгами стоит ли рисковать из-за щенка? Не старик ведь, еще сделает, если понадобится...

Кравец внимательно осмотрелся. Ему понравились заросли кустов, на которых сохранилась еще листва. Со стороны казалось, что там сложно укрыться, но в глубине зарослей маленькая ложбиночка — настоящий окопчик.

Кравец присел на корягу, достал еду, выпил стаканчик водочки. Легкий ветер донес до него едва слышный звук, похожий на стрекот кузнечика. Звук шел со стороны деревушки. Он узнал этот звук: так бьет русский пулемет. В их группе пулемета не осталось. Чеслав утопил в болоте, убегая от НКВД, когда взяли немца...

9.20. МОКРЫЙ БОР

Надо отрезать тропинку к лесу.

Астахов приказал развернуться в цепь и, как бреднем, охватывал деревеньку.

Бандиты не сразу начали отстреливаться. Они выбрали самый удобный момент, когда красноармейцы вышли на открытое место. Огонь был нечастным.

«Заслон», — понял Астахов.

Стреляя на ходу, где ползком, где перебежками, приближались к деревне.

«Медленно, очень медленно», — нервничал Астахов.

Но быстрее двигаться было невозможно. Противник, ведя огонь из-за домов, сараев и поленниц дров, сдерживал движение цепи. Наконец подтащили пулемет. Две очереди вдоль улицы заставили бандитов отступить. Астахов кинулся к пулемету.

— Давай на тот бугор, поверх крыш сыпанем. Отрежем от болот.

На склоне первый номер, молодой веснушчатый красноармеец, охнул, осел бледнее. Выше колена правой ноги поползло ржавое пятно.

— Санитара сюда! — крикнул Астахов.

Он сам подхватил пулемет и потащил дальше. Быстро развернув, взялся за ручки.

— Поправь ленту! — приказал второму номеру, устанавливая прицельную рамку.

Дал короткую очередь. Сменил прицел, приметив в прорезь, как кинулись, пригибаясь, к кустам маленькие темные фигурки, еще раз резанул по ним.

Потом стрелять стало невозможно. Впереди замелькали свои. Астахов встал, отряхнул шинель и пошел в деревню.

Едко пахло гарью. Тушили пожар в середине улицы. Сносили убитых к сараю.

Трупы бандитов складывали отдельно. Их было пятеро, но они Астахова не интересовали. Он смотрел на двоих живых, которых красноармейцы вывели из-за домов. Памятуя о полученном опыте, пленных укрыли за толстым бревенчатым сараем.

Итак, первые пленные из этой неуловимой банды. Они мрачно смотрели на пожарище.

«Говорить сейчас не будут,— понял Астахов.— Они себя уже отпели и похоронили. Все скажут, когда осознают, что выжить можно».

Распорядившись отправить их с усиленной охраной в город, он направился к хате, около которой собралась группа красноармейцев и местных. Прибыли проводники с собаками.

Дверь хаты распахнулась. Оттуда вышел высокий худощавый мужчина в поношенном пальто. Правой рукой он обнимал за плечи девочку-подростка, дочь, наверное.левой, раненой и беспомощно болтавшейся на перевязи из женского платка, он неловко прижимал к себе винтовку. За ним вышла полная моложавая женщина. За ее подол ухватились еще двое ребятишек. Третьего малыша она держала на руках. Его плечо было замотано желтой тряпкой, на которой проступили темные пятна. Он уже не плакал, а только всхлипывал и серьезно смотрел на взрослых покрасневшими глазами.

— Фельдшера и санитаров,— приказал Астахов.

Пока те не пришли, один из красноармейцев бережно взял раненого ребенка, расстегнул шинель и спрятал его босые ножки у себя на груди.

Мужчина шагнул к Астахову.

— День добрый! — сказал он.

— Здравствуйте,— козырнул Астахов.

— Я председатель сельсовета...— Мужчина стоял, опершись на винтовку.— Как те вошли в деревню, Ганна,— он кивнул на женщину,— двери заперла. Вижу, запалить дом хотят... Застрелили двух. Вон ваши уже отнесли. Потом видим, идут свои... Вчера на заставу Пашку отправили... И фуражки на них...

Мужчина говорил медленно, переводя дух после каждой фразы.

— У нас просьба к пану командиру,— обратился он к Астахову.— Бандиты в лес подались, а дальше болото. Возьмите нас, мы покажем ход по болоту. Там одна тропа. Им негде пройти, кроме нее...

Астахов оглянулся. Вокруг, смешиваясь с красноармейцами, стояли мужики и бабы, напряженно вслушиваясь в их разговор.

— Хорошо,— сказал Астахов.— Но кто же нас проведет? Вы же ранены.

— Ничто... Рана тут...— Председатель с болью посмотрел на убитых односельчан, чьи тела лежали рядом с телами погибших красноармейцев. Астахов увидел среди них тело худенькой молодой девушки.

— Людям жить надо,— после паузы снова заговорил председатель.— Пока те в лесу да на болоте — жизни нет. Кончать их надо.

Он оглядел толпу.

— Никифор, пойдешь?

Патлатый мужик в линялой рубаше и солдатской куртке протиснулся вперед.

— А чего не пойти? — сказал он.— Только вот винтовочку бы сподручней...

Астахов кивнул, Никифору дали винтовку. Тот посмотрел на нее ласково и нежно провел заскорузлой рукой по прикладу.

Мужики молча выходили и становились рядом с Никифором.

— От мы и пойдём,— сказал председатель.— За меня не беспокойтесь, я еще многое сделать могу. Только вот перевязать бы...

Жена, Ганна, быстро сходила в избу, пока мужу перевязывали руку, и вынесла фуражку со звездой.

— Помогите тут друг другу, люди,— сказал он односельчанам, надевая фуражку. Закинул винтовку за спину.— Мы готовы. Меня зовут Казимир Нежин.

Все, больше Нестор ждать не мог. Старое солнце совсем устало. У него были силы, чтобы светить, но греть оно уже не могло. Поэтому Нестор хотел повесить свое солнышко. Только как повесишь, когда Василинки все нет и нет. И красочки нет. Желтой, яркой, теплой-теплой.

Он сам легко переносил и жару и холод. Иногда зимой, в мороз, мог выйти на двор в одной рубаше, и ничего с ним не случалось. Просто Нестор любил радость. Не свою, а общую. Чтобы всем было весело, светло и хорошо. Как, например, бывает, когда гости приходят или праздник какой. Вот когда всем весело, и Нестору хорошо.

Только часто не понимали его люди. Называли повсякому. Он не обижался — чего злобу таить, ведь они столько не замечают, не видят того хорошего, что происходит рядом с ними.

И тогда ему стало ясно: нужно дать всем тепло — с теплом и радость. Но Василинки все нет и нет...

Нестор сломал большой полузасохший репей, воткнул рядом со странным нагромождением веток, палок и старого хлама. Репей будет отпугивать всех злых. Вон какой недобрый подходил недавно. Ему про дело толкуют, а он — все какие-то глупости.

Нестор улыбнулся — хорошо он сегодня поработал — и пошел со двора. Чтобы не терять времени даром, шагая по тропинке, он выковыривал занозу из своей головы. Она появилась недавно. Вдруг стало тревожно на душе, беспокойно, словно кинул кто-то в него камень и убежал. Только камень странный — попал в другого, а болит у него. Не просто болит, а захлестывает своими мохнатыми, противными лапами все светлое. Нестор начал было вытаскивать эту занозу. Вроде получилось. Но вот вошел в лес — и снова она, эта зудящая штука зашевелилась в голове.

Он старался. Но ничего не получалось. Наоборот, чем ближе был он к деревне, тем больше эта заноза становилась.

Еще один поворот — и деревня. Но Нестор вдруг остановился. Он только-только обошел ствол толстого дерева. Почему ноги дальше не хотели идти? Глаза ничего не видели. Они в землю смотрели — что увидишь? Эта заноза вдруг еще сильнее впилась, до сердца достала, словно приказывая — остановись!

Нестор понимал: надо поднять глаза и посмотреть, что случилось. Но глаза не хотели подниматься. Они зацепились за маленький камешек на тропинке. Тогда Нестор откинул ногой его в сторону. Глаза неохотно начали подниматься.

Ничего он не увидел. Просто на тропинке лежала Василина. Что тут ужасного? Может, просто устала? Он сам часто так ложится, когда захочется. Только руку так не заламывает. Неудобно ведь.

— Эй,— тихо окликнул Нестор,— Василина?!

Василина не откликнулась. Неужели заснула? Плохо, земля мокрая, нехорошие сны видятся будут.

— Василинка,— снова окликнул он. И голос почему-то дрогнул.

Надо подойти и разбудить ее. Нестор попытался сделать шаг. Ноги его не хотели слушаться. Тогда он их перехитрил. Встал на четвереньки и пополз.

Тропинка была чистая. Ему же казалось, что придется пробираться сквозь спутанные стебли трав. Сестра была уже совсем рядом. Но не осталось сил двигаться даже на четвереньках.

Нестор лег на живот и, цепляясь за землю пальцами, подполз к неподвижной Василине.

Вот она, совсем рядом. Нестор кончиками пальцев коснулся ее руки.

Коснулся и одеревснел. Нет, рука ее была не холодной. Она была прохладной.

Нестор ничего не понял. Но эта необычная прохлада лютым морозом ворвалась ему в сердце. Почему же такая боль в голове?

— Василина,— с трудом прошептал он.

Сестра молчала.

Нестор закрыл глаза и забыл о себе. Он пытался свое тепло отдать сестре. Только бы снова вернуть ее ласковые руки и веселые глаза. Но тепло не шло к Василине. Ее рука становилась все холоднее.

Он лежал почти в беспамятстве. И вдруг мысль. Отец! Вот кто поможет. Нестор вскочил и что было сил бросился назад, к дому.

Филипп чистил ружье. Обстоятельно и неторопливо. Он не любил торопиться. Очевидно, постоянное общение с лесом, в котором время идет совсем по-другому, нежели среди людей, сильно изменило его представление о мире.

Он любил лес. Не тихий покой его привлекал. Нет

в лесу спокойствия. Там тоже жестокая борьба. Только не знает природа подлости, низости и коварства. Жизнь идет по порядку, установленному веками, и смерть приходит тоже по установленным правилам.

— Отец! — Филипп не сразу узнал голос Нестора, который истошно кричал издалека. — Отец!

Филипп не торопясь вынул шомпол из ствола. Потом собрал ружье и повесил на гвоздь. Обтерев руки чистенькой тряпочкой, которую недавно выстирала Василина, Филипп вышел на крыльцо.

— Там! Быстрее! Ей холодно, холодно!.. — Необычно возбужденный Нестор стоял ниже отца на ступеньке и, дергая его за рукав, бессвязно лепетал.

Филипп смиренно относился к причудам своего юродивого сына. Что тут попишешь — божья воля! Но сейчас бессвязное бормотание Нестора было уже не бессмысленным набором слов.

— Ей холодно, холодно. Отец, быстрее... Ты можешь!.. Она не устала... — Нестор силой стягивал его с крыльца.

Филипп решил не расспрашивать. Он быстро пошел за Нестором. Потом они побежали. Ему было трудно — годы. Но он старался не останавливаться.

...Увидев Василину, он понял, что бежать уже не нужно. Сердце глухо стукнуло и оборвалось. Оно не верило.

Филипп медленно подошел к дочери. Смерть пришла очень быстро, и девушка ничего не успела понять. Она продолжала улыбаться. В застывших фиалковых глазах отражалось серое осеннее небо. Правая рука, по-детски сжатая в кулачок, лежала на груди.

Ему стало трудно дышать.

Он медленно взял дочку на руки и, тяжело ступая, пошел к дому. Сзади, всхлипывая, шел Нестор.

10.00. БОЛОТА

Кравец все любил делать обстоятельно. Он уже вполне обжил свой кусочек суши в полузатопленной рощице. Для него это было не просто свидание в назначенном месте. Это было начало его нового пути к благополучию и процветанию. И потому он готовился встретить все неожиданности во всеоружии.

Сложнее всего было то, что он не знал точно, к чему готовиться. К обороне, к нападению?

То, что энкавэдисты сели на хвост группе, у него

сомнений не вызывало. Русские мобильны, чтобы быстро стянуть к нужному пункту достаточное количество сил. Впрочем, какие особые силы нужны для уничтожения горстки людей. Пусть эти люди хорошо обучены и неплохо вооружены. Такая группа незаменима для мелких комариных укусов, но в открытом бою она реальной силы не представляет... Тем более Кравец не обольщался в отношении боеспособности группы пана пулковника. Это даже не воинская часть. Нет, дисциплина у них, конечно, есть, и Барковский достаточно опытный командир. Но дисциплина держится на страхе смерти в зловонной жиже, выучка у каждого индивидуальная, а командир имеет большой опыт во всяких шпионских хитросплетениях, а не в проведении войсковых операций. Их все это время спасало то, что большевики не знали, где и когда ударить, не могли пройти по болотным тропам.

Но тонкий комариный зуд русского пулемета сказал Кравцу очень многое. Что ж, сейчас ему это на руку. Главное, чтоб этот лис Барковский выскользнул из русской западни. Вырвался и оторвался. Русские могут помешать начатому сегодня утром разговору. Вообще всему помешать. Сам-то он спасется. Пропустит всех мимо себя и спасется. И собаки его не учуют — ветер с другой стороны. Но что тогда он будет иметь?..

Кравец сделал себе подобие амбразуры в стеблях кустарника, проверил секторы обстрела. Внимательно осмотрел карабин, положил рядом запасную обойму, поудобнее подвинул кобуру с пистолетом, поправил кинжал. Потом проконтролировал себя — осечки быть не должно. Вытянул руку и зажмурил глаза. Почувствовал легкую дрожь в пальцах. Сказывалось напряжение. Пришлось еще хлебнуть из фляги, чтобы успокоиться...

Барковский не дурак. Ему есть что спасать. Себя он очень любит и щенка своего. Да и остальные прелести жизни — тоже. Поэтому должен он хоть нанемного опередить русских. Сколько же времени отпустит судьба ему, Кравцу, на то, чтобы разбогатеть? Минут за десять вполне можно управиться. Придется пану поделиться с ним, с Кравцом. А потом пусть все идет к черту. Он найдет способ, чтобы возвыситься над толпой. Какой именно, он еще не знал, но ведь должна же судьба ему улыбнуться? Судьба, она тоже деньги любит...

Интересно, тянет ли пан за собой этого малого? Должен. Что он ему сказал, когда все отошли? М-да,

а парень-то все равно — агент НКВД. В этом никаких сомнений не оставалось. А хитрый пулковник перехитрил сам себя. На такой эффект и было все рассчитано. Хитер, видно, тот контрразведчик, который готовил этого лайдака. Да и сам мальчишка тоже не промах. Как все ловко подстроил! Скорей всего сумасшедший не был каналом связи — слишком ненадежно. Вероятно, из-за того, что такого канала не было, парень именно с ним и передал ключ с запиской.

Ну, да ладно. Это все интересно теперь Кравцу лишь как развлечение...

Кравец попробовал, как ложится цевье карабина в сделанную им рогатку, и остался доволен. Теперь каждый, кто идет по тропе, может наверняка получить пулю в лоб или затылок. Все зависит от его, Кравца, желания...

Вдалеке тонко пискнуло. Какая-то пичуга, испуганная неосторожным человеком, вскрикнула и полетела над болотом.

«Идут», — понял Кравец.

Но кто?..

10.05. БОЛОТА

...Чевк-чавк, чевк-чавк...

Они идут по болоту. Но это совсем не та тропа.

...Чевк-чавк, чевк-чавк...

Противно — вода под ногами холодная, грязная.

Из деревни вышли быстро, но без паники. Чеслав незаметной тропинкой, по которой они и пришли в деревню, вывел назад, к болоту. Но потом они не свернули, как тогда, а пошли прямо. Здесь почти не было пружинящего настила мха. Под тонким слоем воды и грязи ноги чувствовали опору — гать.

...Чевк-чавк, чевк-чавк...

Алексей шел в середине цепочки. Сзади слышал ровное дыхание Барковского. Впереди легко шагал молодой пан. Первым, время от времени щупая дорогу в болотной грязи длинной слесгой, шел Чеслав. За плечами у него висел немецкий ранец.

Что там может быть?

Уже ясно, что назад, на остров, они не вернутся. Тогда что Барковский мог захватить с собой? Личные вещи? Вряд ли. Не те люди. Золото? Слишком легко идет Чеслав. Что-нибудь антикварное? Но что положишь

в узкий ранец? Нет, не то. Бумаги? Бумаги... Пожалуй, именно так. Но бумаги, которые имеют очень высокую цену. Посмотреть бы хоть одним глазком...

...Чевк-чавк, чевк-чавк...

Когда же кончится эта противная грязь? Ладно, о бумагах подумаем потом. Пока надо разобраться, что будет дальше. Главное — банды уже нет!

Вон какая стрельба была слышна. Здесь их всего девять. Точнее, восемь. Он, Алексей, не в счет. Только непонятно, куда делся Кравец? Его, кажется, не было и в деревне.

Сзади не стало слышно дыхания и шагов Барковского. Алексей оглянулся. Полковник остановился и что-то говорил двум замыкающим. Те неохотно начали расстегивать подсумки. Значит, еще один заслон оставляет. Шестеро.

Наконец-то они вышли на твердое место. И тропинка удобная, широкая. Почти проселок.

Тихо. Выстрелов совсем не слышно. То ли очень далеко, то ли уже все закончилось. Наверное, наши уже пошли по следу.

Группа немного прошла по молодому сосняку и остановилась.

Чеслав оглянулся, вопросительно взглянул на Барковского. Тот, грубо отодвинув Алексея, подошел. Говорили они тихо, но Алексей смог услышать.

— Это и есть развилка. Здесь договаривались...

— Сколько нам еще идти? — Барковский посмотрел на часы.

— До обеда успеем...

Полковник с раздражением заметил:

— Все обедают по-разному. Я в три пополудни. Говорите точнее!

— До трех и должны там быть. Если ждать долго не придется.

— Ждать? Мы не можем позволить себе остановок. Вперед!

Чеслав дал сигнал продолжать движение.

Группа снова повернула к бодоту. Опять по сторонам тропы потянулся кустарник, чахлые, низкие березки.

...Они прошли всего несколько десятков шагов.

Сухо стукнул выстрел. Сзади раздался слабый, едва слышный стон. Все застыли. Алексей оглянулся и увидел удивленное и необыкновенно бледное лицо Барковского с расширенными глазами. Словно не веря, он при-

слушивался к самому себе, силясь понять, что же такое произошло и происходит там, внутри. Губы его дрогнули, будто хотел что-то сказать. Глаза открылись еще шире. Он молча и тяжело начал валиться на Алексея...

10.05. ЖИВУНЬ

Сквозняк гулял по комнате. Стучал неплотно притворенный ставень. Тихо и редко поскрипывала дверь. И даже свет, скупой серый свет осеннего дня, струился по комнате темной траурной, полупрозрачной тканью.

Филипп сидел молча. Принеся Василину в избу, он положил ее на широкий стол, поправил сбившееся платье, сложил по-христиански руки на груди и грузно, по-стариковски — будто потерял на этой тропе, по которой нес убитую дочь, добрый десяток лет — сел рядом на прочную, им самим сработанную табуретку.

Он ни о чем не мог думать. Не вспоминал, не пытался осознать, что же такое случилось. Все внутри его было сдавлено ощущением безысходного горя. Он просто смотрел на Василину.

Филипп понимал, что нужно домовину сделать, старушек позвать, чтобы тело обмыли, о поминках позаботиться. Понимал, что надо. Но не осознавал: зачем? Смерть и Василина — разве такое может быть?

Он смотрел на дочь. Смотрел, впитывая ее всем своим существом. Ведь потом будет только воспоминания. А ее не будет...

Ее не будет? Рубаха, что она постирала вчера — будет. Шуба новая, что для нее приготовил — будет. Платья ее — будут! А ее — не будет! Да как же это?!

Волосы Василины, пушистые и светлые, упали и рассыпались почти до пола. Сквознячок нежно покачивал их.

Филипп сидел неподвижно.

Он понимал, что такое смерть. Он много раз видел ее. И сам не боялся. Тяжело ему было пережить потерю жены. Но так, что уж поделаешь — все, как на роду было написано, так и случилось. Недаром покойница все воды боялась. В лесу вон тоже сколько всего. Но никто не убивает просто так. Это может сделать только бешеная собака или волк, которые готовы кусать кого угодно и когда угодно, лишь бы доставить себе удовольствие.

Филипп смотрел на дочь.

Холодно ему было. Что-то исчезло в душе. И эта потеря становилась темным холодным провалом.

А еще было ему беспокойно. Ведь тот, чья пуля оборвала жизнь дочери, еще ходит по земле. Филипп не гадал, кто он. Имя он знал наверняка. Сердце подсказало.

Лесник встал и пошел к углу, где хранилось все его охотничье хозяйство. Половицы поскрипывали под ногами. Взял двухстволку, внимательно осмотрел ее со всех сторон. Переломил, заглянул сначала в один ствол, потом в другой. Достал из патронташа два патрона с самой крупной картечью и, загнав в стволы, закрыл ружье.

Закинув двухстволку за плечо, он направился к двери. На пороге оглянулся. Сначала взглянул на стол, где лежала Василина, потом повернулся к углу, в который забился притихший, съежившийся Нестор. Хотел что-то сказать ему, но не стал. Открыл дверь и вышел из избы...

10.05. БОЛОТА

...Мир был заключен в прорезь прицела. Нет больше ничего. Есть только прорезь с черным провалом мушки. Провалом, который в мгновение может решить судьбу тех, кто сам, не ведая того, попал в него. Стоит только надавить пальцем... И ты уже царь и бог, властитель жизни и смерти всех, кто идет по болотной тропе. И вот одно легкое движение спускового крючка — и вся твоя вселенная, в которой ты властелин, — прах! Властелином твоей вселенной оказывается другой. Всего на сотую долю секунды. Но этого хватает, чтобы твое сердце судорожно вздрогнуло и навсегда замерло. Подумай! Пока еще есть у тебя жизнь!..

Кравец усмехнулся. Он давно заметил, в сложные минуты его тянет на лирику. Все много проще. Просто начинается азартная игра в покер. Кравец легонько повел стволом по фигурам идущих по тропе. Семеро. Но трое здесь не в счет. Они уже в проигрыше, хотя пока и не подозревают об этом. У остальных есть козыри. Правда, у каждого свои. Чеслав в любом случае не будет проигравшим. Проиграет он, остальным тоже выигрыша не видеть. Без него быстро за кордон не попадешь. Хотя, если он будет себя плохо вести, может по-

лучить свое. Паных? Тоже не в счет. Он не играет — подыгрывает отцу. Но реальной опасности не представляет. Этот байстрюк из НКВД — третий. Вот уж игрок! Никто и не думал, насколько крупные козыри в его колоде. Не хватало еще показывать ему проход через границу. Да и там предстоит встреча с Ланге... Такое соседство Кравцу совершенно не нужно. Ага, вот и пан пулковник собственной персоной. Прекрасно...

У него в запасе всего один выстрел. Сразу не определяют, откуда стреляли. Болото и звук искажает. А после — догоню!

Кравец покусал тонкий ус. У него не было точного плана действий. Цель была. А достигать он ее будет стремительно и теми путями, которые предоставят ему обстоятельства. Но прежде всего — сопляк! Потом — разговор с Барковским. Он зажмурил на секунду глаза, давая им отдохнуть. Потом снова припал к карабину. Повел стволом. Теперь уже по спинам идущих по тропе. Вот и пиджачок этого лайдака. Вот сюда, прямо в левую лопатку. И кровавой точкой закончится комедия болот. Каждый из них думает, что самые сильные козыри у него. Но все они забыли о «джокере», который может быть и самой младшей и самой старшей картой. А «джокер»-то он, Кравец! Вот теперь его время пришло. Последняя взятка его! А исчезнет этот сопливый энкавэдист, можно пулковнику выложить свои аргументы. Очень неплохие...

Мушка словно приклеилась к спине третьего. Кравец загадал. Когда им останется два шага до гнилой колоды, он выстрелит. НКВД так и не узнает, куда делся их человек. Ушел порисовать ночью в церковь — и все...

Шаг, еще шаг... Пора! Кравец затаил дыхание, палец начал медленно давить на спусковой крючок. И в этот момент спину третьего закрыла другая спина, обтянутая тонким сукном дорогой шинели. Кравец снял палец со спускового крючка и отер пот. «А почему, собственно, нет? Вон как он гордо вышагивает, не от красных удирает, а на светский прием собирается. И с этим можно договориться? А потом зачем? Делиться зачем? Тайна-то ему известна!» Чтобы разбогатеть, ему нужен медальон. А снять его лучше с мертвого.

Кравец снова медленно повел стволом, аккуратно совместил прорезь прицела с мушкой и решительно нажал на спуск...

...Полковник навалился как глыба. Алексей не устоял на ногах, и они свалились в болотную грязь. Остальные бросились на землю и начали стрелять. Стреляли просто так. Понять, где противник, не мог никто.

«Наши,— подумал Алексей.— Хотя, если это погоня, то почему нет больше выстрелов?»

Выбраться из-под полковника сразу не удалось. Лицо Барковского было совсем рядом. Побледневшее, с закатывшимися глазами. Он с хрипом дышал, на губах пузырилась розовая пена. Наконец, Алексею удалось перевернуть его.

К ним подполз Чеслав. Он махнул рукой, подзывая Владека... Сам рванул ворот мундира у раненого, нетерпеливо полоснул по шинели кинжалом и припал ухом к груди.

— Жив,— выдохнул он,— легкое пробито...

Остатки банды уже заняли круговую оборону, настороженно поводя стволами по зарослям, готовые в любую минуту начать отстреливаться. Стало тихо.

Чеслав посмотрел на лежащего пана, на Владека, который сидел беспомощно около него, осторожно касаясь лица и тихо приговаривая:

— Папа, папа...

Владека Чеславу было жалко. Хороший парень, а без пяти минут сирота. К полковнику жалости не было. Чеслав его не любил, хотя и тщательно скрывал это.

Он оттеснил Владека и завертел пана как куклу, умело перетягивая бинтом рану. Барковский застонал.

— В спину его стукнуло... Выходного нет. Погоди, сейчас закончу перевязывать... Может, обойдется.

Бандиты были настороже. Но уже стали потихонечку вставать. Кто стрелял, никто так и не понял. «Шальная»,— сказал чей-то голос. На шальную эта пуля была мало похожа.

— Понесем его... Пока живой... Может, успеем выйти. А там — как бог даст...— Чеслав закончил перевязку и встал.

Оглянувшись, он увидел Алексея. Взгляд его был тяжелым и недобрый. Он наклонился к Владиславу и что-то тихо спросил. Не поднимаясь с колена, молодой Барковский махнул рукой и коротко приказал. Чеслав шагнул к Алексею, держа в руке широкий кинжал, которым только что разрезал шинель пана.

Алексею стало не по себе. «Что же это? Конец?» Тяжелая рука Чеслава ухватила его за ворот, сдавливая дыхание.

Алексей резко рванулся вбок и вниз. Куртка с треском разорвалась. Он упал Чеславу под ноги и толкнул его, что было сил. Чеслав, не ожидая такого, перелетел через него и грузно рухнул в холодную болотную жижу.

Алексей перекатился и, быстро вскочив, прыгнул к бандиту, который, стоя неподалеку на коленях, поправлял ремень.

Удар головой. Бандит, схватившись за лицо, упал. Автомат. Сильный прыжок. Алексей уже укрылся за колоду, лежавшую сзади поперек тропы. Все произошло так быстро, что никто не успел понять, в чем дело.

Вдруг сзади стеганул еще один выстрел.

— Красные! — истошно завопил кто-то.

И, словно подтверждая это, недалеко застучал пулемет, зачастили винтовки.

«Наши,— подумал Алексей,— заслон уничтожают. Скоро будут здесь. Надо этих задержать».

Алексей сам себе поставил бовую задачу, которую ни с Астаховым, ни с кем другим не оговаривал. Он должен заставить залечь остатки банды и не дать им уйти до прихода наших.

Он передернул затвор и полоснул очередью по тропе.

Поднявшийся было Чеслав снова упал, вжимаясь в зловонную жижу. Пули с чмоканьем ушли в грязь перед его носом...

Автомат в руках Алексея дрожал, словно пытался освободиться.

Один из бандитов, задержавшись, чуть приподнялся, но снова распластался. «Готов»,— радостно отметил Алексей. Но тут же ему пришлось спрятать голову. По трухлявой колоде, за которой он лежал, застучали пули.

— Высунуться ему не давайте! — услышал он голос Чеслава.

Алексей чуть отполз в сторону. Попытался выглянуть из-за колоды. И тут же его обдал веер грязи от пуль. Тут его надежно стерегли. Он пополз ближе к болоту. Попал в какую-то колдобину, полную вонючей воды.

Он осторожно выставил автомат и, поймав на мушку конфедератку, дал короткую очередь. Фуражка подпрыгнула и ткнулась вниз. Перед ней вдруг появилась рука, которая судорожно начала рвать и мять мох. Постепен-

но движение пальцев замедлилось, рука замерла... Алексей приподнялся, чтобы выползти из ямы...

Выстрела он не услышал. Тяжелое и тупое гулко стукнуло по груди, и она словно раскололась. Яркий мир завертелся волчком, сливаясь в прозрачные пятна и темнея. «Слепну?» — успел удивиться Алексей.

Бандиты поднялись с земли.

Барковский-младший распорядился:

— Для верности еще пару очередей всадить!

— И так — падаль... Торопиться надо... — заворчал было Чеслав.

— Я сказал! — отрезал Владислав.

Чеслав и Кравец, укладывавшие полковника на шинель, переглянулись. Можно было подумать, что это сам вельможный «пан пулковник» отдал приказ. Но полковник лежал на земле с розовой от крови пеной у рта.

Кравец появился незаметно, во время перестрелки. Он вылез откуда-то сбоку, грязный, заляпанный бурыми пятнами и каким-то пухом. Чеслав помнил распоряжение Барковского. Но стоит ли выполнять приказ почти неживого пана? И так еще двое лежат в болотной жиже, убитые этим лайдаком. Сейчас и Кравец пригодится.

Кравец любовался делом рук своих. Он был доволен. Удачный день: девка готова, пан вот-вот богу душу отдаст. Жалко только, забыл сделать поправку — стрелять-то пришлось над водой. И этого циркача ловко завалил. В шуме перестрелки его карабин никто и не услышал. Здесь-то он поправку сделал.

Одно плохо — прекратилась стрельба там, где был заслон. Зато стал слышен собачий лай.

Бандиты засуетились. Чеслав мотнул головой в сторону Алексея.

— Марек, добей...

Вместе с Кравцом они подняли на шинели полковника и быстро зашагали по болотной тропе.

Марек остановился в раздумье. Потом, осторожно выбирая места посуше, начал двигаться к неподвижному телу Алексея.

Лай приближался.

Шаги уходивших стали едва слышны. «Так и потеряться можно, — испугался Марек. — А этот все равно мертвей мертвого». Злобный лай собаки раздался совсем недалеко. Бандит, резко развернувшись, выстрелил туда и побежал догонять своих.

Куда они свернули? Туда? Или в эту сторону? Дьявол, ничего не видно за кустами!

Марек взял поудобнее карабин и прыгнул на кочку. Но та вдруг медленно поехала в сторону, переворачиваясь вверх белесыми корешками болотных трав. Вместо тверди Марек почувствовал бездонную пустоту. Он еще ничего не успел понять. Холодная, тухлая вода разом намочила одежду, сделав ее страшно тяжелой. И, только окунувшись с головой, он осознал, что происходит. Ему еще удалось чуть вынырнуть. Попытался крикнуть, но из горла вырвался только жалкий и тонкий всхлип. В последней отчаянной попытке спастись он схватился за коварную кочку. Но она неторопливо начала переворачиваться, закрывая собой человека. Вода вспучилась пузырями, на секунду мелькнула рука, и болотная ряска сомкнулась, стягивая и успокаивая гнилую воду. И только предательская кочка качалась, словно кивая и сожалея о сделанном...

...Их осталось четверо. «Вот и последняя взятка в нашей партии,— подумал Кравец. Ему понравилось сравнивать все происходящее с покером.— Но кто сорвет банк?»

Вышли на сухой островок. Шинель опустили в тени кустов. Чеслав устало сел рядом. Отер пот, жадно принял к флаге.

Невдалеке стукнул выстрел, залаяла собака...

— Они «висят» на следе,— мрачно сказал Владек.

— Чеслав прав.— Кравец тоже уселся на землю.— Надо хоть немного передохнуть. Иначе не дойдем. Русские тоже осторожничают, засад боятся.

— Некогда отдыхать,— жестко сказал Владек,— я посмотрю дорогу вперед. Вы через минуту поднимайтесь. Ясно?!

— Ясно. Дальше сухого дерева не ходи,— предупредил Чеслав,— там только я могу провести.

Владислав совсем как отец дернул щекой и, ничего не ответив, ушел.

Кравец достал сигареты, спрятанные в жестяную баночку с завинчивающейся крышкой. Предложил Чеславу. Выпустив синий дым, тихо спросил:

— Как это его?

— Черт его знает... Шел, шел — и на тебе... Шальной, что ли, стукнуло? Да вроде выстрел слышен был,— протянул Чеслав и вдруг с подозрением посмотрел на Кравца.

— Ладно, это сейчас неважно,— бесстрастно ответил тот,— уже неважно. С ним мы не дойдем. Надо подумать о живых.

— Он тоже пока жив...— кивнул Чеслав на пана.

— Жив...— протянул Кравец, подвинулся поближе, приподнял веко полковника, заглянул в глаз, щурясь от дыма,— это ненадолго.

— Что вы предлагаете? — Чеслав прямо посмотрел на Кравца.

— Я не предлагаю. Я просто думаю, что пан пулковник уже умер.

Чеслав наклонился к пану, уловил едва слышное дыхание. Выпрямился.

— Он жив.

— К сожалению. Тем самым пан пулковник очень сильно задерживает нас. Потому мне кажется, что всем будет лучше, если он умрет.

Чеслав глубоко вдохнул в себя дым. Встал, потянувшись, сделал несколько шагов и вдруг резко обернулся.

Кравец пристально смотрел на него, не мигая, уперев в колено рукоять тяжелого пистолета. Его ствол был направлен Чеславу в живот.

— Это лишнее,— брезгливо скривился Чеслав.— После первого же выстрела здесь появятся красные. Самое надежное — это тишина. В любом случае.

— Вы знаете, что сказал этот лайдак пану, когда они остались наедине? — Кравец, словно не слыша Чеслава, держал пистолет в прежнем положении.

— Нет... Не знаю. Это знал только он...— Чеслав кивнул на пана,— покойный...

Барковский застонал.

Кравец усмехнулся и повел стволом.

— Владеку скажешь скончался. И все.

Чеслав подошел к Барковскому, внимательно посмотрел на него. Жалости в душе не было. Пан сейчас стал для всех обузой, от которой надо избавиться. Так Чеслава учил сам пан.

Чеслав наклонился над паном, приподнимая его...

Потом он медленно выпрямился, пучком травы вытирая лезвие. Кравец заботливо поправил шинель под убитым.

— Догоните младшего,— распорядился он.

Чеслав быстро пошел по тропе за Владеком.

Как только он скрылся в кустах, Кравец наклонился и, распахнув ворот мундира на полковнике, начал су-

дорожно шарить рукой по телу. Наконец нащупал, что искал, сильно рванул. Тонкие звенья золотой цепочки лопнули. Он, не глядя, запихал медальон за пазуху, развернулся и почти побежал в глубь болота. Благо эти места он знал неплохо.

...Владислав кинулся к отцу, припал к груди и застонал:

— Нет... нет... не верю...

Чеслав взял его за плечи, поднял.

— Уходить надо,— сказал он.

— А-а, да-да... надо.— Молодой пан взял себя в руки: он наклонился над телом отца, снял пояс с вшитыми драгоценностями. Пытался еще что-то найти.

— Скорей, Владислав, скорее,— торопил его Чеслав.

— Момент. Тут должен быть еще... Очень ценная вещь. Самая ценная... — обшаривая тело, Владек повернул его на бок. Вдруг глаза его широко раскрылись. Он увидел ножевую рану под лопаткой.

— Кто?! — выдавил он сквозь зубы.

Чеслав побледнел.

— Пся крив! То он! Кравец! Пан засипел. Он говорит, кончается, зови Владека. Я побежал, а он...

— Ты знаешь, что он унес? — Владислав вскочил и вцепился в Чеслава.— Знаешь?

— Все вроде здесь... — отмахнулся Чеслав, показывая на ранец с бумагами.

— А-а... — простонал Владек, — бумажки, эти бумажки! Там же будущее мое было... За ним, скорее!

Владек рванулся было в кусты. Чеслав поймал его за руку.

— Куда! — грубо прикрикнул он.— Куда? Ты что, не слышишь? Собаки заливаются. Надо уходить!

Владек сел на землю и разрыдался. Чеслав оттащил тело полковника в сторону и спихнул в трясину.

Потом он подошел к Владеку, немного помолчал, слушая всхлипывания, и тронул за плечо своего нового хозяина.

— Уже ничего нельзя сделать. Пошли. Сейчас главное — выжить.

Владек с трудом встал. Посмотрел в сторону зарослей, где, очевидно, скрылся Кравец с медальоном, и тихо сказал:

— Я найду. Мне отец завещал. Я найду. Чего бы мне это ни стоило.

Потом, повернувшись, зашагал вслед за Чеславом...

Да, НКВД красиво повернуло дело. Столько времени Барковский водил их за нос. И вот за пару часов от группы осталось одно воспоминание. И то только у ограниченного круга лиц.

Сам пулковник небось уже в трясине... А у Кравца настроение было прекрасным. В какой-то степени он даже был благодарен энкавэдистам за все случившееся. Как иначе можно было бы найти свою мечту.

Кравец был опытным жандармом. Он умел не только ловить, но и прятаться. Поэтому он не пошел к границе, она была перекрыта — это вне всякого сомнения, а направился в противоположную сторону. Прежде всего, как он себе наметил, надо было уйти из района действия русских частей. Затем отсидеться. Возможно вернуться на остров. Там еще достаточно пищи и воды для одного человека. И лишь потом, когда все уляжется, перебираться за кордон. Единственное, что не нравилось Кравцу в этом прекрасном плане, необходимость возвращаться к Живуни. Не лежало сердце к этой дороге. Но лучшего варианта не было. Там начиналась единственная тропа по болоту, которую он хорошо знал.

Дело было сделано, но он держал себя в руках. Как часто бывает на скачках: идет жеребец всю дистанцию прекрасно. Но вдруг на последнем круге, за несколько метров до финиша, враз теряет все: и победу, и награды, и почести, и славу. Оступился. Он, Кравец, оступиться не должен. На это он теперь не имеет права. Предельная собранность, верх осторожности.

Кравец все рассчитал. И только тайна жгла ему душу. Он пытался избавиться от неодолимого желания тут же остановиться, раскрыть медальон и узнать секрет несметного богатства. Желание он подавлял. Сейчас торопиться некуда, можно все сделать в спокойной обстановке. Сейчас надо идти и идти.

Наконец поворот к Живуни. Еще несколько километров по суше, потом час-полтора по болоту, и он в безопасности. Хотя вряд ли он успеет добраться засветло. Нужно будет на ночь берлогу соорудить.

На ночь! Это до завтрашнего утра так и не станет ясно, обладателем каких несметных сокровищ он стал? Кравцу сделалось не по себе. Езус Мария, какая изощренная пытка!

Тайна засветилась тусклым золотым цветом, который постепенно поглощал опыт, осторожность и чувство опасности.

Кравец прошел еще с километр. Потом понял, что дальше идти не сможет, пока не узнает, в чем секрет медальона.

Он огляделся. Вдали виднелась небольшая полянка. С двух сторон ее, словно стенкой, ограждал молодой орешник. Место показалось ему подходящим, и он направился туда.

Весь день по небу плыли мрачные холодные облака. Но вот, перед закатом, серое покрывало вдруг разошлось на горизонте. И на землю из-под навеса туч глянуло усталое желто-красное солнце.

Но Кравец уже ничего не замечал. Он даже забыл об обычной своей осторожности. Выйдя на поляну, не осмотрелся, не прислушался, а сразу остановился на месте, где было побольше света. Бросил на траву карабин, достал медальон.

Это украшение само по себе стоило неплохих денег. Но то были жалкие гроши по сравнению с тем, о чем мечтал Кравец.

Он не рассматривал красоту изящной решетки, сплетенной из тончайших золотых нитей. Лишь мельком взглянул на миниатюру. Ему хотелось быстрее отыскать тайный замочек, который открыл бы путь в роскошную жизнь.

Кравец поворачивал медальон то одной, то другой стороной. Золото тускло отсвечивало мрачным красно-золотистым светом, приглушенным тенями крон деревьев.

Наконец он заметил, что одна веточка расположена не так, как нужно. Вот он, рычажок!

Кравец забыл об опасности. Он не заметил, что в густых зарослях стоит человек и внимательно наблюдает за ним.

Кравец взял удобнее медальон одной рукой. Пальцами другой он хотел нажать на рычажок.

Человек в кустарнике поднял двухстволку, прицелился. Но не стрелял. Он никогда не стрелял в спину.

— Кравец! — глухо окликнул он.

Кравец замер. Потом тихо стал поворачиваться на голос. Одна рука медленно поползла к кобуре.

Он узнал голос.

— Кравец! — повторил Филипп.— Повернись!

Кравец поднял голову. Но не увидел глаз Филиппа. Он увидел два черных отверстия. Вот они начали расти, шириться, и из них вырвалось жгучее пламя...

Филипп еще мгновение постоял над распростертым телом. Потом вытер руки о траву и медленно пошел к дому. К своей дочери...

А потом, когда почти совсем стемнело, на эту же поляну вышел грязный, оборванный человек. Он был во втором прикрытии, которое Барковский оставил в болоте. Ему повезло — удалось спастись. Ушел в болото и не провалился в трясину. Карабин вот утонул, а он спасся.

Заметив на поляне лежащее тело, бандит отшатнулся за деревьями, но потом, поняв, что это мертвец, безбоязненно приблизился. Он узнал, хотя не без труда, что это Кравец. Бандит наклонился, взял карабин убитого, достал пистолет из кобуры. И тут заметил между скрюченными пальцами Кравца тоненькую змейку золотой цепочки.

Бандит разжал пальцы Кравца и взял медальон. «Золотой?» — подумал он. Рассматривать свою находку он не стал — сунул в карман, оглянувшись по сторонам, скрылся за темными деревьями...

28 октября 1939 года

БРЕСТ

Из болота Алексея вынесли на шинелях красноармейцы. После операции он почти неделю был в беспмятстве.

На четвертый день врачи вообще потеряли всякую надежду. К вечеру сильно поднялась температура. Помимо пулевого ранения, у него была еще и сильная простуда. Еще два дня он был между жизнью и смертью. В тягучих кошмарах забытья к нему из невообразимой дали протягивала руки Василинка, потом ее вдруг загораживал неестественно бледный, перепачканный тинной пан Барковский, приказывавший мрачному небритому Чеславу и злому Кравцу пытаться его раскаленными иглами. Астахов спешил ему на помощь, но никак не мог успеть.

И все же он выжил. Открыв глаза, увидел белый потолок, блики неяркого осеннего солнца на нем, показавшуюся необычно большой больничную палату. К нему никого не пускали, от слабости и потери крови он даже не мог разговаривать. Его кормили и заставляли спать.

Очнувшись в очередной раз от полусна-полузабытья, Алексей вдруг увидел Астахова. Ссутулив широкие плечи, тот сидел на белой больничной табуретке около его кровати. Поверх новой коверкотовой гимнастерки накинута больничная халат.

— Здравствуй,— почему-то очень тихо сказал Сергей Дмитриевич.— Вот едва пустили к тебе. Ослаб ты здорово, говорят. А я вижу — герой! Как есть, на самом деле...

Алексей слабо улыбнулся в ответ и тоже хотел что-то сказать. Но не получилось. Сил не хватило.

— Ты молчи, молчи...— а то врачи услышат, что мы тут с тобой болтаем, и выгонят меня. Сам знаешь — врачи! Так что молчок...

Потом подмигнул Алексею, пододвинул табуретку чуть ближе:

— А я, брат, прощаться пришел. Переводят меня. Поеду опять на северо-запад, в Ленинград. Большие дела там начинаются. Адрес вот оставлю,— он сунул под подушку записку,— пиши, как поправишься. Я человек одинокий, письмецо от тебя получить приятно будет. А ты молодец. Великое дело сдюжил. Нет больше Барковского. Мы его шинель всю в крови нашли. Судя по всему, его тело бандиты в трясине похоронили. И банды больше нет. Спокойно люди жить будут...

Алексей почувствовал, что Астахов что-то не договаривает:

— Тетка Килина привет тебе шлет. Приехала специально в Брест. Да...

Астахов снова замаялся. Не умел он говорить обиняками, вокруг вертеться. Да только ни к чему сейчас прямота, ни к чему.

— Ты прости...— глухо начал Сергей Дмитриевич,— не уберегли мы Василину.

Алексей закрыл глаза.

В палату заглянул доктор.

— Уже все? — Сергей Дмитриевич поднялся.— Мы

тебя к награде представили, скоро документы должны прийти. Выздоровливай, набирайся сил. Врагов у нас еще много, и бои предстоят жестокие... Ну, прощай! — Он наклонился и неловко поцеловал Алексея, что-то теплое вложив ему в слабую ладонь. — Тебе от меня, на память...

Алексей с трудом приподнял руку и разжал пальцы. Сквозь слезы, застилавшие глаза, он увидел старый медный ключ с замысловатой бородкой...

Веденеев В. В., Комов А. К.

В 26 Премьера без репетиций : Повесть.— М.: Мол.
гвардия, 1986.— 205 [3]. с., ил.— (Стрела).
70 коп. 200 000 экз.

Остросюжетная повесть, действие которой происходит в Западной Белоруссии в 1939 году. Герой ее, комсомолец Алексей Кисляков, помогает чекистам в разоблачении опасной банды врагов Советской власти. В сложных условиях проявляются его лучшие качества, и это определяет его дальнейшую судьбу.

В 4702010200—319
078(02)—86 184—87

ББК 84Р7

ИБ № 4995

**Василий Владимирович Веденеев,
Алексей Константинович Комов**

ПРЕМЬЕРА БЕЗ РЕПЕТИЦИЙ

Редактор Г. Быкова
Художник В. Василев
Художественный редактор К. Фадин
Технический редактор Р. Сиголаева
Корректоры Л. Четыркина, В. Назарова

Сдано в набор 03.07.86. Подписано в печать 03.11.86. А 12725. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 10,92. Условн. кр.-отт. 11,34. Учетно-изд. л. 11,5. Тираж 200 000 экз. (1-ый завод 100 000 экз.). Цена 70 коп. Изд. № 1528. Заказ 6—208.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Полиграфкомбинат ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42.

Дорогие читатели!
Издательство «Молодая гвардия» выпустит
в 1987 году в серии «Стрела»
следующие книги:

- А. Безуглов. Преступники
Л. Юзефович. Клуб Эсперо
П. Шестаков. Остановка
Э. Хруцкий. Архив сыскальной полиции
Е. Чебакин. Час двуликого
Сб. Срочно, секретно, Дракону...
Сб. Приключения

Веденеев Василий Владимирович родился в 1947 году в Москве. Окончил Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина. Работал в МУРе. Кандидат юридических наук. Подполковник милиции. Живет и работает в Москве.

Комов Алексей Константинович родился в 1955 году в Москве. Окончил Московский государственный историко-архивный институт. Работает редактором Центрального телевидения.

Повести, написанные совместно этими авторами — «После третьего звонка», «Добрый вечер», «Гостиничный роман», «Самая трудная роль», — публиковались в столичных журналах. Книга авторов выходит впервые.